

Сергей Чебаненко

**Он погиб
до полета
Гагарина**

«Звездные сыновья Луганщины»

Серия
«Звездные сыновья
Луганищины»

Сергей Чебаненко

**Он погиб
до полета Гагарина**

2018

УДК 82.312.9(477.61)-35
ББК 39.6(4Укр-4Луг)- Бондаренко
Ч-34

Редактор Стрельников В.А.
Художник-оформитель Чекмаев К.Г.

Чебаненко С.
Ч 34 Он погиб до полета Гагарина.../ Сергей Чебаненко;
художник-оформитель К.Г. Чекмаев. – Луганск: С.А.М.,
2018. – 270 с.
ISBN 978-966-8383-02-1

Валентин Васильевич Бондаренко был отобран для подготовки к космическому полету в составе первого отряда советских космонавтов. Он мог стать одним из первых пилотов «Востоков», «Восходов» и «Союзов». Но трагическая случайность помешала реализоваться его Мечте...

Но так ли «случайна» эта случайность? Не стоит ли за «случайностью» чья-то злая воля? Не является ли гибель кандидата в космонавты Бондаренко следствием преступления?

На эти вопросы ищет ответы автор книги «Он погиб до полета Гагарина...»

УДК 82.312.9(477.61)-35
ББК 39.6(4Укр-4Луг)- Бондаренко

ISBN 978-966-8383-02-1

© Чебаненко С., 2018

Он погиб до полета Гагарина...

Корабль над Луной

Серебристый космический корабль завис над поверхностью Луны. Пламя оранжево-малиновыми язычками посверкивало из сопел тормозных двигателей. Четыре длинные ноги-стойки развернулись в рабочее положение, готовясь стать тарелками-подошвами на лунный грунт.

- Высота семь километров, - сухо сообщил пилот.
- Кратер прямо под нами!

Он немного волновался - это была его первая посадка на Луну.

- Вижу, Теодор, - кивнул командир корабля. - Начинай снижение!

- Ты хочешь сесть справа от группы вон тех покатых холмов? - поинтересовалась бортинженер, весело блеснув черными глазами. Она любила путешествовать и воспринимала предстоящую на Луне работу как очередное приключение.

- Идеальное место для посадки, - кивнул командир. - Очень ровное и практически без камней.

Он потянулся к боковой стойке для оборудования, открыл верхний ящик и, пошарив внутри, извлек наружу небольшую прозрачную коробочку с чем-то плоским и бело-серым внутри. Повертел коробочку в руках и бережно провел по ней ладонью. Потом приподнял клапан на нагрудном кармане скафандра и сунул коробочку внутрь.

- Что это у тебя? - поинтересовалась бортинженер. - Какой-то лунный талисман?

- Нет, - покачал головой командир. - Просто хочу помочь одному хорошему человеку добраться, наконец, до Луны...

Глава 1. Герой и лжегерои

Утро 12 апреля 1961 года начиналось как обычно. Была среда, люди спешили на работу, начались уроки в школах и лекции в институтах. Мир жил привычной, размеренной жизнью.

А в бескрайней казахстанской степи человек в оранжевом скафандре и белом гермошлеме в сопровождении инженеров и техников поднялся к вершине ракеты и занял место в пилотском кресле. В 9 часов 7 минут по московскому времени заработали мощные двигатели. Ракета-носитель с космическим кораблем «Восток» оторвалась от Земли и пошла в небо. Через несколько минут от телеметрической службы пришло сообщение о том, что корабль успешно вышел на орбиту вокруг Земли. Космонавт Юрий Гагарин по радио сообщил, что чувствует себя нормально. Первый в истории человечества космический полет начался успешно.

Много позже Владимир Высоцкий напишет:

«Я отдал рапорт весело, на совесть,

Разборчиво и очень делово.

Я думал: вот она и невесомость,

Я вешу нуль – так мало, ничего!..

И стало тесно голосам в эфире,

Но Левитан ворвался, как в спортзал,

И я узнал, что я впервые в мире

В историю «Поехали!» сказал».

Но на самом деле с сообщением ТАСС, которое действительно должен был зачитать Юрий Левитан, все было несколько иначе. «Восток» вышел на орбиту, прошел над Азией, Тихим океаном, уже летел над Американским континентом, а сообщения ТАСС в эфире все не было.

В 9 часов 22 минуты по московскому времени на американской радарной станции Шамия, расположенной на Алеутских островах, засекли появление на

Он погиб до полета Гагарина...

околоземной орбите советского космического корабля и переговоры космонавта с одним из наземных измерительных пунктов. Через две минуты после этого последовал доклад оператора дежурному офицеру из Центрального разведывательного управления США: «Русские запустили в космос космический корабль с человеком на борту». Сообщение немедленно ушло в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли, а оттуда – сразу в Белый Дом. В два часа ночи по местному времени Президент США Джон Фитцджеральд Кеннеди был разбужен, и ему сообщили невероятную и в политическом отношении очень неприятную новость: СССР снова опередил США в космических исследованиях, советский космонавт летит по околоземной орбите на космическом корабле.

В 9 часов 52 минуты «Восток» уже обогнул Землю и пролетал над Африкой, когда, наконец, советское Центральное радио прервало свои обычные передачи. В эфире зазвучал торжественный голос Юрия Левитана...

Только 5 мая 1961 года, почти через месяц после полета Юрия Гагарина вокруг Земли, Соединенные Штаты Америки смогли дать хоть какой-то ответ на прорыв СССР в космос. Космонавт Алан Шепард совершил баллистический полет на капсуле «Меркурий», установленной на ракете-носителе «Редстоун». «Меркурий» поднялся на высоту 187,4 километра, а потом опустился на парашюте в воды Атлантического океана. Весь полет продлился всего 15 минут 22 секунды.

Полет Юрия Гагарина выглядел настолько триумфально, что в него многие на Западе не хотели верить. Почти сразу поползли слухи, что старт «Востока» 12 апреля 1961 года – это не первый советский пилотируемый запуск. Что «до Гагарина» были тайные попытки Советов проникнуть в космос, но все эти попытки закончились трагически...

В 1973 году, через двенадцать лет после исторического полета Юрия Алексеевича Гагарина, журналист и исследователь истории космонавтики

Он погиб до полета Гагарина...

Джеймс Оберг написал книгу «Красная звезда на орбите», в которой собрал множество «фактов» о неизвестных советских героях космоса, которые якобы погибли при попытке покорить просторы Вселенной:

«...Я собрал внушительный список слухов относительно погибших космонавтов:

- Космонавт Ледовский погиб в 1957 году при совершении суборбитального космического полета с ракетного полигона Капустин Яр, недалеко от Волги.

- Космонавт Шаборин погиб в следующем году при попытке совершить такой же полет.

- Космонавт Митков погиб во время третьей попытки совершить суборбитальный полет в 1959.

- Неизвестный космонавт не смог вернуться с орбиты в мае 1960 года, когда его орбитальный отсек, перешел на высокую орбиту.

- В конце сентября 1960 года, когда Хрущев стучал ботинком по столу в ООН, другой космонавт (иногда идентифицируемый как Петр Долгов) погиб, когда его ракета взорвалась на пусковом столе.

- 4 февраля 1961 года с борта секретного советского спутника было слышно сердцебиение, которое вскоре прекратилось (в некоторых сообщениях этот спутник был описан как двухместный пилотируемый корабль, и назывались фамилии погибших космонавтов - Белоконев, Качур и Грачев).

- В начале апреля 1961 года советский летчик Владимир Илюшин сделал три витка вокруг Земли, но при возвращении получил тяжелые ранения.

- В середине мая 1961 года слабые сигналы с просьбой о помощи были приняты в Европе, очевидно от орбитального космического корабля с двумя космонавтами на борту.

- 14 октября 1961 года многоместный советский космический корабль был сбит с курса солнечной вспышкой и исчез в глубине космоса.

- Радары радиосопровождения в Италии обнаружили катастрофу космического корабля в ноябре

Он погиб до полета Гагарина...

1962 года, и некоторые полагают, что в ней погиб космонавт по имени Белоконев.

- Попытка запустить вторую женщину в космос закончилась трагически 19 ноября 1963 года.

- Согласно радиоперехватам, сделанным итальянскими коротковолновиками, один или несколько космонавтов погибли во время неудачной попытки запуска космического корабля в апреле 1964 года.

- После пожара на корабле «Аполлон-1» в 1967 году, в результате которого погибли три американских астронавта, американские разведывательные источники описали пять закончившихся катастрофами советских космических полета и шесть катастроф на Земле».

Если верить опубликованному Джеймсом Обергом перечню, то только за первое десятилетие космической эры Советский Союз потерял в ходе «тайных космических полетов» не менее полутора десятков космонавтов. Правда, сразу же возникал вопрос о достоверности собранной информации. Причин усомниться в ней было немало. Достаточно вспомнить, что сигналы с двух якобы гибнущих советских космических кораблей были «выловлены» итальянскими радиолюбителями, имевшими в своем распоряжении только обычный бытовой радиоприемник. Занятно, не правда ли? Десятки совершеннейших радиоантенн непрерывно прощупывают космос в научных и разведывательных целях, а удача поймать призывы о помощи гибнущих советских космонавтов выпадает на долю вооружившихся простейшим приемником итальянцев. Причем, замечу, такая удача выпадает радиолюбителям дважды - в ноябре 1962 года и в апреле 1964 года.

Главную причину возникновения слухов о «скрытых катастрофах» следует искать в атмосфере всеобщей секретности, которая многие годы душила советское общество. Если американцы готовили свои космические экспедиции гласно и открыто, то Советский

Он погиб до полета Гагарина...

Союз молчал о своих планах, засекретив даже фамилии еще не летавших космонавтов.

«Раз Советы молчат, значит, им есть что скрывать», - делали вывод на Западе. Недостаток информации и порождал самые нелепые слухи. Появилась достаточно большая группа «аналитиков» и «экспертов», которая фактически паразитировала на советской секретности.

К чести Джеймса Оберга он не поверил в собранные им же истории о массовой гибели советских покорителей космоса:

«Что должен подумать исследователь при виде стольких историй? Есть известная пословица – «дыма без огня не бывает». И хотя большинство историй казались выдуманными, некоторые, возможно две или три, могли быть основаны на реальных событиях.

Но мое изучение этих историй дало полностью отрицательный ответ. После рассмотрения их источников и их деталей в контексте последующих космических исследований я заключил, что все эти истории были ложными».

Пожалуй, наиболее полно вопрос о «фальшивых космонавтах» рассмотрен в замечательной книге Александра Железнякова «Секретный космос. Были ли предшественники у Гагарина?», к которой мы и отсылаем заинтересовавшегося этой темой читателя.

Но неужели за три десятилетия (с 1961 по 1991 год) полетов советских космонавтов не было ни одного случая, когда пилоты космических кораблей погибали?

Увы, были. В апреле 1967 года при посадке корабля «Союз-1» разбился космонавт Владимир Комаров. В июне 1971 года при возвращении на Землю погиб экипаж «Союза-11» - Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев.

А может быть были случаи, когда космонавты гибли еще на Земле, до полета, и их гибель тщательно скрывалась затем в течение многих и многих лет? Ведь полёты человека в космос, начатые в 60-х годах

Он погиб до полета Гагарина...

минувшего века, не имели аналогов в истории человечества. На начальном, самом опасном этапе освоения космоса, наверняка не могло обойтись без трагедий – слишком еще велика была наша «степень незнания». А значит, вполне могли быть те, кто отдал свою жизнь еще при подготовке к штурму Вселенной. И, наверное, были те, кто по тем или иным причинам так и не смог сесть в пилотское кресло космического корабля.

...Живет в городе Белгороде Российской Федерации пенсионер Анатолий Данилович Землянов. Родился Анатолий Данилович 2 июля 1935 года в Ворошиловграде (ныне Луганск).

Летчиком Анатолий мечтал стать с детства. Рекордные полеты Чкалова и Леваневского, фронтовые подвиги Кожедуба и Покрышкина заставляли учащенно биться сердце мальчишки. Да и выбор профессии старшим братом - Данила Данилович служил летчиком в бомбардировочной авиации, прошел всю войну и при этом ни разу не был сбит, - тоже звал в небо: летать, летать, летать!

Еще во время учебы в школе Анатолий успешно занимался в луганском аэроклубе. Получил школьный аттестат, отправился в военкомат и был направлен для обучения в Ейское училище военно-морской авиации. «Ворошиловградский характер» показал и там – курсант Землянов окончил училище с результатами, соответствующими по сегодняшним меркам красному диплому. Получил свое первое офицерское звание лейтенант и возможность выбора места для дальнейшей службы: Балтика, Дальний Восток, Северный флот и Крым. «Летать можно везде, - решил новоиспеченный летчик. – Небо везде одинаковое». Но есть еще дом, старые друзья, родной город Луганск. Уезжать от них далеко не хотелось. Поэтому он выбрал Крым и был отправлен для прохождения службы в Севастополь.

Быстро освоил новую технику и успешно летал на реактивных МИГах 15-й, 17-й, 19-й модификаций. Довольно часто поднимался в небо, сопровождая вдоль

Он погиб до полета Гагарина...

советской границы самолеты США, летавшие с разведывательными целями.

Анатолий Землянов был невысоок ростом, но отличался хорошей физической подготовкой. В его домашнем архиве сохранился фотоснимок, на котором молодой летчик делает «крест» на гимнастических кольцах. По утверждению самого Анатолия Землянова, в 50-е годы минувшего века это гимнастическое упражнение исполнял лишь член сборной СССР по спортивной гимнастике Эдуард Азарян.

В 1959 году в Севастополь прибыли члены специальной комиссии, отбирившей будущих советских космонавтов. После собеседования с ними Анатолий Землянов - вместе с другими такими же, как и он, избранными, - отправился в Звездный городок.

То, что стал кандидатом в отряд космонавтов, Анатолий Землянов сразу даже и не понял. Думал, что его и других отобранных летчиков будут готовить для какого-то ответственного задания в авиационной сфере.

По мнению Анатолия Землянова, «главные требования для будущих космонавтов были следующие: невысокий рост и небольшой вес - потому, что в кабине космического корабля было не так много места и чтобы избежать слишком больших перегрузок на организм. Однако и этих показателей тоже было недостаточно - космонавт должен быть хорошо образованным (как-никак абсолютно новая техника, приборы, которые нужно в кратчайшие сроки освоить), и обладать поистине богатырским здоровьем. И если первому требованию отвечали многие, то второму - в разы меньше. Проверку удавалось пройти лишь единицам. В итоге невысоких, худощавых, здоровых и сообразительных парней набралось только двадцать человек со всего Советского Союза. Они-то и стали первым отрядом космонавтов, настоящим «звездным призывом».

Как утверждается в одной из публикаций, «невысокий, подтянутый Анатолий Землянов был, как

Он погиб до полета Гагарина...

говорится, «то, что надо!». Показатели его роста и веса не превышали дозволенного, оценки в училище говорили сами за себя, а физическая подготовка и вовсе была на высоте. Однако требования к кандидатам были непомерные – никто не знал, как поведет себя человеческий организм в космосе, неизвестно было и то, где произойдет посадка. Перегрузки на тренировках доходили до 12-ти, а порой даже и 15-ти кратной величины.

И хотя часть пути уже была пройдена, львиная доля дороги до пульты космического корабля ещё оставалась впереди. Прежде всего, нужно было выяснить: смогут ли парни находиться в состоянии невесомости? Как долго? Как будет реагировать организм? Справится ли простой человек с большими нагрузками? Чтобы ответить на все эти вопросы, будущим космонавтам предстояло пройти серьезнейшие испытания. Их раскручивали в центрифуге, помещали в термокамеру (где при температуре 60 градусов нужно было продержаться целый час), в одежде бросали в ледяную воду, они упражнялись на катапульте...»

Как вспоминает, Анатолий Землянов, свободного времени у будущих космонавтов почти не было. Когда же выдавался часок-другой - играли в футбол, хоккей, баскетбол. Заводилой был Юрий Гагарин, другие тоже не отставали и с удовольствием принимали участие в состязаниях. Вечером - карты, шахматы, бильярд.

«Больше всего мы любили баскетбол, - признается Анатолий Землянов. - Несмотря на то, что ростом маленькие, реакция была отменная – как-никак все летчики. А для этой игры хорошая реакция просто необходима. Она важнее даже, чем высокий рост».

По утверждению Анатолия Землянова, тренировки кандидатов начались сразу. В Советском Союзе торопились отправить человека в космос раньше американцев. Претендентам на космический полет давали запредельные нагрузки. На первых же тренировках, по сведениям корреспондента НТВ А.

Он погиб до полета Гагарина...

Вольского, даже погибли два кандидата. Ведь это сейчас будущих космонавтов готовят максимально к 8-кратным перегрузкам, а первых кандидатов тренировали для 12- и даже 15-кратных.

Как станет известно потом, из двадцати новобранцев только восемь дойдут до конца и полетят в космос. Первым станет Юрий Гагарин, следующим – Герман Титов, третьим – Андриян Николаев...

А как же Анатолий Землянов? Мы ведь так и не услышали о полетах космонавта Землянова? Или, может быть, он участвовал в тех самых «секретных полетах» на околоземную орбиту и на Луну, о которых и сегодня не говорят, поскольку это одна из самых охраняемых государственных тайн?

Увы, Землянову не удалось увидеть Землю с орбиты или пройтись по лунным просторам. Анатолия Даниловича подвело, казалось бы, крепкое здоровье. Во время испытаний в барокамере у него из уха пошла кровь. Врачи вынесли вердикт: лопнула барабанная перепонка. Из отряда космонавтов Анатолия Даниловича Землянова отчислили.

«Но среди тех двенадцати, что остались на земле, - отмечают журналисты в одной из статей о судьбе космонавта Землянова, - тоже были свои герои. Некоторые из них оставили полеты, а другие – на всю жизнь связали себя с авиацией».

Именно таким героем оказался Землянов. С космосом, как и с военной авиацией, пришлось расстаться навсегда, однако похоронить свою мечту – летать!- Анатолий Данилович не мог.

Из Москвы бывшего летчика направили в Казахстан. Он стал летать вторым пилотом на «кукурузнике», а затем стал командиром экипажа.

Через несколько лет Анатолий Землянов поступил в Ленинградскую академию гражданской авиации. Попасть туда было непростым делом, зачисляли только тех, кто был на командной должности и имел высокий «налет». Из-за того, что служил до увольнения из армии

Он погиб до полета Гагарина...

он в морской авиации, Анатолия окрестили «моряком». В матроске его и изображали на дружеских шаржах-поздравлениях товарищи - то с младенцем в руках («С рождением сына!»), а то и со штурвалом («С первым полетом!»).

В целом авиации Анатолий Данилович отдал пятьдесят лет жизни. За свою жизнь летчик первого класса Землянов налетал около 18 000 часов. Его самолет побывал в небе над Чехословакией, Польшей, Германией, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном, Казахстаном, Монголией. В домашнем архиве ветерана авиации Землянова есть благодарственное письмо за бесценный вклад в развитие гражданской авиации Кыргызстана.

В начале 80-х годов минувшего века Анатолий Данилович вывозил из Афганистана в госпиталь в Ташкент раненых советских солдат и офицеров.

За свою авиационную карьеру Землянов летал много, всегда аккуратно и с удовольствием. Освоил военные самолеты МИГ-15, МИГ-17, МИГ-19 и гражданские АН-2, ЛИ-2, ИЛ-18, Як-12. Перед самым уходом на пенсию решил переучиться на ТУ-154. Но годы брали свое. В девяностых годах с летной карьерой было покончено. Анатолий Данилович Землянов перешел на преподавательскую работу.

Сегодня он часто встречается с общественностью, рассказывая о своей летной карьере. Одна из таких встреч, к примеру, состоялась 9 апреля 2016 года в отделе производственной литературы Белгородской городской библиотеки с членами клуба любителей шахмат «Мыслитель».

«Занимаясь пенсионными делами, нет-нет, да и вспомнит далекие шестидесятые... Заводного, улыбчивого Гагарина, Быковского, своего друга Георгия Нелюбова (дублера Гагарина), других космонавтов и тех, кто остался только претендентом. Много воспоминаний осталось с тех пор, фотографий удалось сохранить гораздо меньше. Но с них, слегка потрепанных и чуть

Он погиб до полета Гагарина...

пожелтевших от времени, на нас смотрят юноши, вступающие в жизнь, – невысокие и худощавые, но со стальным стержнем внутри и яркой мечтой – летать!»

Иногда публикации о судьбе летчика Землянова появляются в интернете. В частности, на ряде региональных сайтов Луганщины его считают одним из земляков, которые - так или иначе - прикоснулись к космосу: Георгий Тимофеевич Береговой, Георгий Степанович Шонин, Владимир Афанасьевич Ляхов и Анатолий Данилович Землянов.

Прочитав все изложенное выше (информация о жизни летчика Землянова была собрана автором из различных источников в сети интернет (1.1)), начинаешь с уважением относиться к Анатолию Даниловичу и искренне сожалеть, что такому хорошему летчику не удалось осуществить мечту и стать космонавтом.

Но, увы, из всего изложенного выше «космический загиб» в летной карьере Землянова – чистой воды вымысел. На самом деле летчик Землянов никогда не был в составе отряда космонавтов – ни первого, ни второго, ни всех последующих.

Во-первых, ни о каком летчике или космонавте Землянове – тем более своем земляке с Луганщины – никогда не упоминал, к примеру, космонавт Георгий Шонин, родившийся в городе Ровеньки Луганской области. В 1976 году Георгий Степанович написал книгу «Самые первые» о первом советском отряде космонавтов. В ней он рассказал обо всех своих коллегах по отряду. Увы, в книге нет ни слова о «земляке с Луганщины», которому не повезло полететь в космос.

Во-вторых, к двадцать пятой годовщине полета в космос Юрия Гагарина, в 1986 году, СССР, наконец, решил рассекретить полный состав первого космического отряда. В газете «Известия» за подписью известного журналиста Ярослава Голованова, - который, кстати, сам в одно время рассматривался в качестве кандидата на космический полет, - появилась серия очерков о «гагаринской команде». Среди двадцати

Он погиб до полета Гагарина...

фамилий – двенадцати летавших космонавтов и восьми так и не полетевших по разным причинам – фамилия «первопроходца космоса» Землянова не отыскивается.

Более того, в последующие годы историки космонавтики опубликовали список кандидатов в космонавты из 29 фамилий – то есть список тех пилотов, которые успешно прошли горнило суперсуровой медицинской комиссии (девять из них затем не пропустила специальная мандатная комиссия, и они вернулись в свои летные части служить в качестве военных авиаторов). В этом списке Анатолия Землянова, увы, тоже нет.

Позднее историки космонавтики начали составлять общий список всех тех летчиков, которые были вызваны осенью 1959 года в Москву на медицинскую комиссию. Не прошли медицинские тесты Владимир Баранов, Валентин Веричев, Владимир Вязовкин, Игорь Капустин, Алексей Лушин, Владимир Нелепа, Олег Разумов, Петр Сафонов, Борис Сирота, Олег Чиж и другие. Увы, и в этом перечне имен и фамилий пилотов мы снова не находим имени и фамилии Анатолия Землянова.

В-третьих, ни в одном из мемуаров советских космонавтов первого или последующих наборов и в книгах о космонавтах первого и всех последующих наборов фамилия летчика или космонавта Землянова также не упоминается.

В-четвертых, фамилия Землянова вообще не отыскивается ни в одной из публикаций о советских космических программах, начиная от полета Юрия Гагарина и до настоящего времени. То есть имя Анатолия Землянова вообще никак не связано с историей космонавтики.

В-пятых, после полета Юрия Гагарина указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 июня 1961 года за успешное выполнение задания правительства были награждены орденом Красной Звезды все остальные члены отряда космонавтов, в космос не

Он погиб до полета Гагарина...

летавшие, – даже те, кто на тот момент по тем или иным соображениям выбыл из отряда. В этом списке нет «кандидата в космонавты» Анатолия Даниловича Землянова.

Ну, и последнее: в рассказе самого Анатолия Даниловича о своем «космическом прошлом» можно найти целый ряд неточностей и несуразностей. Из первой «гагаринской двадцатки» в космос слетали двенадцать ребят, а не восемь, как утверждает Землянов. И, разумеется, никакие два кандидата в космонавты не погибали на первых же тренировках.

На Луганщине и в самом Луганске – откуда родом Анатолий Данилович Землянов - вплоть до самого последнего времени тоже никто и никогда не слышал о «космонавте Землянове». Напомню, что в городе в областном краеведческом музее есть очень неплохие экспозиции о Георгии Береговом, Георгии Шонине и Владимире Ляхове. При Луганском авиационном ремонтном заводе стараниями его директора Алексея Ивановича Мостового и членов трудового коллектива предприятия до войны был создан один из лучших в Украине музей авиации, в котором имелся и зал космонавтики. И нигде, ни в одном музее – ни слова о «первопроходце Вселенной» Анатолии Землянове. В Луганске публикации о нем появились только в нынешнем году и только на двух ресурсах в интернете со ссылками на региональные интернет-ресурсы города Белгорода Российской Федерации, в котором в настоящее время проживает Анатолий Землянов.

Какой из всего изложенного выше следует вывод?

В российском городе Белгороде живет вполне заслуженный ветеран авиации Анатолий Данилович Землянов. Видимо, в пятидесятых годах он учился в 12-м военно-морском авиационном училище в городе Ейске, а затем, возможно, проходил воинскую службу вместе с Григорием Григорьевичем Нелюбовым – одним из «двадцатки» первых космонавтов, вторым дублером Юрия Гагарина (увы, Григорию Нелюбову не суждено

Он погиб до полета Гагарина...

было полететь в космос). Среди опубликованных в интернете фотографий можно найти снимок, на котором Землянов стоит рядом с Нелюбовым – оба одеты в черные шинели и фуражки морских летчиков, у обоих на плечах лейтенантские погоны. Григорий Нелюбов окончил Ейское авиационное училище в марте 1957 года, звание старший лейтенант получил 4 марта 1959 года. Значит, фотоснимок сделан где-то в промежутке времени между мартом 1957 и мартом 1959 года – то есть еще до отбора в отряд космонавтов, который происходил осенью 1959 года.

Маловероятно, но вполне возможно, что Анатолия Землянова даже вызывали на медицинское обследование в Москву в 1959 году - маловероятно потому, что в «воспоминаниях» Землянова напрочь отсутствуют подробности собственно медицинского отбора, зато имеются взятые из популярной литературы по космонавтике описания тренировок уже отобранных в отряд кандидатов в космонавты.

Скорее всего, в начале 60-х годов минувшего века Анатолий Землянов был списан из военной авиации по какой-то причине (возможно, действительно из-за травмы барабанной перепонки) и далее летал только на самолетах гражданской авиации. На старости лет решил добавить себе заслуг и немного пофантазировать о своих «космических делах» - кто там будет разбираться? Факт, что многие пожилые люди к старости – в том числе, кстати, и некоторые космонавты, - склонны преувеличивать свою роль в тех или иных событиях.

Как к этому относиться? Шумно разоблачить ложь в средствах массовой информации? Заклеймить Анатолия Землянова, назвав его лжецом? Думается, этого делать не следует. Нужно просто снисходительно отнестись к фантазиям пожилого, но очень заслуженного человека.

Казалось бы, после многочисленных громких разоблачений «детей лейтенанта Шмидта» от космонавтики всякого рода выдумщики охладят к этой

Он погиб до полета Гагарина...

исторической тематике. Но, увы, и сегодня еще можно встретить различные кино- и литературные поделки, в которых рассказывается о полетах фальшивых космонавтов. Во что писал недавно в социальных сетях известный исследователь истории космонавтики Павел Шубин:

«Несколько дней ходил на международный фестиваль короткометражного кино «Видение». И все было хорошо. Но в последний день руководители умудрились испортить мне настроение. Показали короткометражный фильм про тайного космонавта до Гагарина. Причем он, оказывается, и приз на Кинотавре успел получить. И в Канны его Роскино отправляло.

Ну а автор и режиссер пишет:

«Вот, в этом году мы сняли короткометражный фильм «Первый» с продюсером Катей Кононенко – история, основанная на газетной заметке о том, что до Гагарина были секретные полеты. Провокационная история про национального героя. Она мне показалась правдивой, как история, которую передают из уст в уста»...

Вот почему правда никому не нужна, зато все с радостью верят в легенды и мифы?»

...Значит, не было на Луганщине «четвертого космонавта», кроме уже известных нам Георгия Берегового, Георгия Шонина и Владимира Ляхова?

Нет, все-таки такой человек был! Он не родился на Луганщине, но получать летные навыки начинал в нашем Луганском крае, в авиационном училище на окраине Луганска. В отличие от Анатолия Землянова он и в самом деле был в первом отряде советских космонавтов. О нем в своей книге «Самые первые» упоминал наш земляк космонавт Георгий Шонин. А «рассекретил» его полностью в своих статьях, назвав имя и фамилию, журналист Ярослав Голованов и произошло это только в 1986 году – через четверть века после полета в космос Юрия Алексеевича Гагарина.

Он погиб до полета Гагарина...

Имя и фамилия этого человека были секретными целых двадцать пять лет потому, что он так и не смог увидеть нашу Землю с космической орбиты. Он трагически погиб 23 марта 1961 года, всего за девятнадцать дней до полета в космос Юрия Алексеевича Гагарина...

Валентин Васильевич Бондаренко...

Глава 2. Его путь к Мечте

Валентин Бондаренко родился 16 февраля 1937 года в городе Харьков, Украинская ССР.

Семья Бондаренко жила в городском районе, который назывался Липовая Роща, в тихом переулке имени Герцена, в доме №15.

Отец Вали, Василий Григорьевич, работал начальником портновского цеха Харьковской пушно-меховой фабрики. На той же фабрике работала и мать будущего летчика Ольга Ивановна.

Поскольку родители были на работе, в дневное время маленький Валя часто оставался под присмотром брата Анатолия, который был старше его на семь лет. Братья играли в «войнушку», школьник Толя читал младшему брату сказки и всякие занимательные истории из школьных учебников.

Семья жила дружно. В выходные дни часто выбирались в город на прогулки. Ходили в театр и в кино, бывали в доме культуры на концертах приезжих и местных артистов.

Летом мирную жизнь семьи Бондаренко разрушила война. Василий Григорьевич в первые же дни боевых действий ушел добровольцем на фронт. Получив контузию в оборонительных боях под Киевом, Василий Бондаренко попал в плен. В начале 1942 года он совершил дерзкий побег и сумел пробраться в лес к партизанам. Начал воевать рядовым членом отряда, отличился в боях. К августу 1944 года стал комиссаром отдельного отряда разведки партизанского соединения. И совсем не случайно, что семь боевых наград украсили к концу войны грудь фронтовика Василия Григорьевича Бондаренко.

«Самые лучшие годы любого человека, - писал в книге «О тех, кто не вышел на орбиты» исследователь истории космонавтики Вадим Молчанов, - годы детства - у Валентина пришлись на войну и на тяжелое

Он погиб до полета Гагарина...

послевоенное время. Во время войны его отец Василий Григорьевич был комиссаром кавалерийского разведдивизиона. После побега из плена он стал партизаном и подпольщиком. Валентин очень гордился своим отцом. Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Георгий Степанович Шонин рассказал в своей книге, что Валентин очень часто рассказывал ему о своем отце, временами прерывая вдруг себя вопросом: «Я тебе говорил, что папаха моего батьки лежит в музее партизанской славы?» Конечно же, Валентин хотел быть похожим на своего отца».

Ольга Ивановна Бондаренко с двумя детьми эвакуироваться в советский тыл не смогла. Ей и детям пришлось провести большую часть военного времени в оккупации.

Что такое фашистская оккупация? Вот что написал о том времени писатель Юрий Никитин, который, - как и Валентин Бондаренко, - еще мальчишкой пережил то страшное время в Харькове:

«У нас на Журавлевке существовал маленький рынок, называемый «базарчиком». Однажды там партизаны подстерегли и застрелили двух немецких солдат.

Немцы мгновенно оцепили весь район, вытолкали из домов всех, кого обнаружили из мужчин, пересчитали, выбрали из строя двадцать человек и объявили, что расстреляют их из расчета по десять русских за каждого немецкого солдата, если... партизаны не объявятся.

Партизаны, конечно же, не объявились, и всех двадцатерых расстреляли. Самое удивительное для жителей Журавлевки было в том, что в число двадцати попал и настоящий немец, что приехал в нашу страну восемь лет тому и работал здесь главным инженером на заводе.

Несмотря на его мольбы, офицер, руководивший расстрелом, ответил хоть и с сочувствием, но непреклонно:

Он погиб до полета Гагарина...

- Закон есть закон. Мы не можем вас ни отпустить, ни заменить другим, потому что это будет... нечестно. Пусть эти русские видят, что немцами правит закон. И этот закон мы несем по всему миру.

После расстрела двадцати жителей ближайших к базару домов партизанская активность прекратилась полностью.

Немцы ушли, две недели в городе безвластие, точно так же, как и при отступлении наших войск. Народ растаскивает все, что бросили немцы. Особым спросом пользуется мыло, многие бабы натаскали целые ящики, однако мыло оказалось каким то странным, мылится совсем мало. Вернее, совсем не мылится. Знатоки объяснили, что это не мыло, а очень похожий на мыло тол, взрывчатка такая.

...Несказанно повезло: удалось наткнуться на брошенные или забытые ящики консервов! Собралась вся семья с ложками, вилками. Открыли и... заорали дурными голосами. Бабы разбежались, зажимая рты: лягушачьи лапки! Одни лягушачьи лапки – и больше ничего! Вспомнили, что в городе стояла итальянская дивизия, это все от них, проклятых лягушатников. Да лучше с голоду помереть, чем лягушек есть...

Традиционно выждав пару недель, опасаясь засады, в город вступила Красная Армия. Говорят, что это во второй раз. Первый раз вошли нищие и ободренные, одна винтовка на троих, пулеметы везли на коровах, а сейчас и вооружение намного лучше, и танки идут рядом. Дедушка сказал знающе, что на этот раз город уже не сдадут. Техника не хуже немецкой, а воевать наши научились»(2.1).

Как только Харьков был освобожден от немецко-фашистских войск, Валентин пошел в школу. С 1944 и по 1951 год он учился в харьковской семилетней школе №115. Способному мальчишке школьные премудрости давались легко. Его учителя и одноклассники вспоминали, что занимался Валя с интересом, ему особенно нравились история, природоведение и

Он погиб до полета Гагарина...

география. Рассматривая географические атласы, он мечтал, как вырастет, станет летчиком и полетит посмотреть другие страны.

Учеба – учебой, но в жизни Вали были не только уроки и домашние задания. Летом были невероятно вкусные яблоки в соседских садах. Рогатки с «резиночкой» и самодельные луки со стрелами, которые упрямо не хотели втыкаться в кору старых деревьев. Здесь, в тихом районе Липовой Рощи, на утренней зорьке Валентин с самодельной удочкой бегал на речку, которая ласкала ему ноги теплой водой. Зимой были санки, снежные бабы и снежки в «битвах» класс на класс и улица на улицу. Были украдкой выкуренные папиросы за углом школы. Были девчонки, которых невозможно не дернуть за косички.

Окончив семилетку, Валя решил учиться дальше, его родители не возражали, и в сентябре 1951 года мальчишка переступил порог школы № 93.

И тут его детская мечта летать в небе на самых совершенных самолетах вдруг оказалась вполне осуществимой.

Леонид Голенко, одноклассник Валентина, который впоследствии также стал летчиком, вспоминал о февральских днях 1953 года:

«Мы с Вале́й учились в 93-й школе и не знали, куда податься. И вот однажды к нам пришли инструкторы из аэроклуба и предложили учиться на летчиков. Шесть дней в школе, а седьмой, выходной - в аэроклуб. Зимние, осенние каникулы - в аэроклуб. Нам было с Валькой по 16 лет. Стали летать. Господи, это я сейчас вспоминаю с таким благоговением!»

В мае 1954 года Валентин успешно окончил мужскую среднюю школу №93 города Харькова. Одновременно он окончил отделение пилотов Харьковского областного аэроклуба и получил допуск к полетам на самолетах. Теперь нужно было сделать окончательный выбор: как жить дальше? Овладеть

Он погиб до полета Гагарина...

одной из множества земных профессий или попробовать стать настоящим летчиком?

Валентин Бондаренко и его школьный товарищ Леонид Голенко решили выбрать авиацию. И не просто авиацию – а истребительную авиацию, где самые скоростные самолеты, пронзающие небо серебристыми молниями. И не просто истребительную авиацию – а еще и военно-морскую: чтобы летать над бескрайними морскими и океанскими просторами.

Друзья отправились в районный военный комиссариат и получили направление на медицинскую комиссию. И тут судьба подготовила первое испытание для мечты Валентина Бондаренко. Медицинскую комиссию он не прошел. Нет, со здоровьем все было нормально, но врачам чем-то не показался этот худющий мальчишка. Такого – и в летчики?!

Счастливый Леонид Голенко укатил поступать в Ейское авиационное училище летчиков. А Валя...

А Валентин Бондаренко руки не опустил и нос не повесил. Ах, не получилось поступить в училище военно-морской авиации? Но не крест же на себе ставить! Значит, нужно поступать в другое летное учебное заведение. Чтобы детская мечта – летать! – стала взрослой реальной жизнью.

Какие есть летные училища недалеко от Харькова? Вот в соседней области, в Ворошиловградской, есть училище летчиков. Рискнуть?

Он быстро собрался в дорогу и уже на следующий день сел в поезд. Приехал за один день до окончания приема документов. Успел!

Медицинская комиссия дала «добро», и Валентин был допущен к экзаменам. Экзамены сдал блестяще. Сколько было радости, когда он обнаружил свою фамилию в списке зачисленных в курсанты!

Его судьба определилась на годы вперед, на всю жизнь: в сентябре 1954 года Валентин Бондаренко стал курсантом Ворошиловградского военного авиационного училища летчиков (ВАУЛ).

Он погиб до полета Гагарина...

Для молодого курсанта начались наряды и караулы, усиленная теоретическая подготовка и изучение материальной части самолетов – сначала простейших, а затем и тех, которые уже стояли на вооружении.

Но будущим летчикам, кроме авиационных и технических дисциплин, преподавали еще и общевоинскую подготовку. А это означало, что тактическая подготовка «в поле» проходила при любой погоде – в дождь, в жару, в стужу. Юных курсантов учили окапываться, обороняться, наступать. Учили метко стрелять и ходить в штыковую рукопашную атаку. И, разумеется, весомой частью учебного процесса в летном училище была строевая подготовка. На асфальтированной площадке плаца между казармами часами маршировали учебные курсантские роты.

Большое значение в подготовке молодых летчиков уделялось спорту. Усиленная физическая подготовка ежедневно значилась в курсантских учебных планах. Кроме того, регулярно устраивались обязательные для всех кроссы на разные дистанции. Весной, летом и осенью часто проводились походы и марш-броски.

Валентин проучился в ВАУЛ всего год. В 1955 году часть курсантов была переведена в Грозненское авиационное училище летчиков и штурманов. Новая обстановка, привыкание к новому коллективу и новым преподавателям. Валентин поражал всех своей работоспособностью, умением схватывать все на лету. Он снова на хорошем счету.

Но кроме учебы, есть еще и другие стороны жизни. Любовь... В 1956 году Валентин Бондаренко женился на своей ровеснице Анне Семеновне Рыковой, и в том же году Аня – так он ласково называл жену – подарила ему сына. Мальчика назвали Сашей. В архивах сохранилось семейное фото Вали, Ани и маленького Саньки. Взоры родителей обращены на мальчугана, и видно, что мальчишку искренне и всем сердцем любили.

Он погиб до полета Гагарина...

В том же 1956 году летная судьба Валентина делает еще один крутой поворот – он был переведен в Армавирское высшее авиационное училище летчиков Северо-Кавказского военного округа. Его Валентин Бондаренко успешно окончил в 1957 году - в год запуска первого искусственного спутника Земли. По всем видам летной подготовки молодой летчик получил оценку «отлично». В аттестации курсанта-выпускника Валентина Бондаренко написано: «Трудолюбив. На материальной части работает отлично. Летать любит, в полетах не устает. Летает смело, грамотно, уверенно. Перерывы в полетах до месяца на качестве полетов не сказываются».

Металлический шар с усами радиоантенн летел над планетой, молодые летчики по вечерам забирались на крыши казарм, чтобы увидеть ползущую среди созвездий маленькую рукотворную звездочку. Но тогда Валя и помыслить еще не мог, что всего через два года ему предстоит пройти отбор в группу пилотов космических кораблей. Его тогда волновали совсем другие звезды – офицерские звездочки на погонах. 2 ноября 1957 года Валентину Васильевичу Бондаренко было присвоено первое офицерское звание – лейтенант.

Его мечта сбылась – он стал военным летчиком. Небо распахнуло свои объятия...

Валентина распределили в Прибалтику. Полтора месяца отпуска, переезд на место службы и 19 декабря 1957 года новоиспеченный лейтенант Валентин Бондаренко принимает должность старшего летчика 868-го истребительного авиационного полка (ИАП) 175-й истребительной авиационной дивизии (ИАД) 30-й воздушной армии (ВА) Прибалтийского военного округа в городе Каунас (Литва).

Молодые офицеры из Армавира быстро адаптировались к настоящей армейской жизни и вошли в боевой строй полка. Дружба и товарищество, которые соединили их на учебных аэродромах на Северном Кавказе, окрепли. Валентин Бондаренко запомнился

Он погиб до полета Гагарина...

друзьям-сослуживцам жизнерадостным и общительным парнем, хорошим другом и надежным товарищем.

Во время службы особенно проявился талант летчика Валентина Бондаренко. Вскоре в аттестационном листке летчика-истребителя Бондаренко появилась запись: «Трудолюбив. Летать любит, в полётах не устаёт... Летает смело, грамотно, уверенно...».

Особенностью Прибалтики была близость государственной границы и стран - членов Северо-Атлантического альянса (НАТО). Конечно, рядом нейтральные Швеция и Финляндия, но чужие самолеты-разведчики, размещенные на военных базах на территории европейских стран, нет-нет да и появлялись в приграничном небе, держа в постоянном напряжении советские истребительно-авиационные части. Бывали случаи, когда непрошенные «гости» якобы не нарочно пересекали и линию государственной границы, углубляясь на советскую территорию на десяток-другой километров, собирая разведывательные сведения, открыто провоцируя советских летчиков. Тогда приходилось их в буквальном смысле выпроваживать, не вступая в боевое соприкосновение.

Потенциальный противник был совсем рядом – на расстоянии нескольких сотни-другой километров, которые крылатые машины покрывали буквально за считанные минуты. Чтобы постоянно быть в готовности встретить «зарубежных гостей» достойно, советские летчики много летали, отрабатывая боевые навыки. В воздухе стоял едва ли не постоянный гул реактивных двигателей. Рев моторов взлетающих и садящихся крылатых боевых машин был привычным звуковым фоном для живущего своей жизнью военного гарнизона.

Валентин Бондаренко втянулся в армейскую жизнь. По заданию командования, летал и днем, и ночью, выполняя сложнейшие операции в воздухе. К сорокалетию Вооруженных Сил СССР в начале 1958 года его награждают медалью «40 лет Вооруженных Сил СССР». 29 августа 1959 года молодой пилот становится

Он погиб до полета Гагарина...

военным летчиком 3-го класса. К этому времени он уже освоил различные модификации самолётов Як-18, Як-11.УТИ МиГ-15, МиГ-15бис, МиГ-17. Общий налет лейтенанта Валентина Бондаренко к декабрю 1959 года составлял 288 часов, из них 170 часов налетал на реактивных самолетах.

2 декабря 1959 года Валентин с друзьями «обмывал» новые звездочки на погонах – ему было присвоен звание старший лейтенант.

Новое воинское звание предполагало и карьерный рост. С 26 декабря 1959 года Валентин Бондаренко переводится старшим летчиком в 43-й Истребительно-авиационный полк 263-й Истребительно-авиационной дивизии Прибалтийского Военного округа в городе Тукумс (Латвия).

Обустроиться долго на новом месте службы старшему лейтенанту Бондаренко не дали. С первых дней пребывания в новой части начались учебные полеты. Сначала были полеты только парами – ведущий и ведомый. Чуть позже начались полеты в составе авиационных звеньев.

Космонавтика казалась в те годы Валентину чем-то совсем далеким. Конечно, полетел первый спутник, затем отправилась в космос Лайка, советские межпланетные станции начали исследовать Луну... Но полеты на космические орбиты человека... Нет, наверное, это будет еще очень и очень нескоро.

Но Валентин хотел и продолжал учиться летать. Это его стремление хорошо видели командиры молодого летчика. Именно поэтому, когда в полк, в котором служил старший лейтенант Бондаренко, приехала комиссия для отбора кандидатов в отряд космонавтов, первым на собеседование вызвали именно Валентина.

«Валентин Бондаренко летал много и хорошо, - напишет через много лет в своей книге «О тех, кто не вышел на орбиты» историк космонавтики Вадим Молчанов. - То, что он был хорошим летчиком, не

Он погиб до полета Гагарина...

вызывает сомнений - плохих в космонавты не брали. А ему в 1959 году прибывшие в часть военные медики туманно предложили работу на новой технике. Валентин согласился».

Глава 3. Как отбирают в космонавты

Еще в конце 1957 года, оценивая перспективы развития в СССР ракетно-космической отрасли в целом, Главный конструктор Сергей Павлович Королев пришел к убеждению, что ракета Р-7, которая использовалась для запусков первых советских искусственных спутников Земли, при установке на нее дополнительной третьей ступени, вполне может стать надежной основой для первых полетов в космос человека.

Первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза и Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев был в восторге от успешных полетов первых спутников. Королев не без оснований считал, что идею послать в космос человека Хрущев тоже поддержит. Но с другой стороны в руководстве страны существовало так называемое «военное лобби», выражавшее интересы советского военно-промышленного комплекса. Представители этой группировки склонялись к мнению, что космос нужно использовать, прежде всего, в военных целях. Например, для размещения на орбите ядерного оружия или спутников-фоторазведчиков. Полет человека в космос был очень далек от этих, по их мнению, актуальных для начала 60-х годов военных задач.

Многие историки космонавтики считают, что Королев «для пользы дела» решил пойти на небольшую хитрость. Поскольку тогдашнее руководство страны по большей части старалось учитывать мнение Министерства обороны СССР при принятии решений о новых научно-технических разработках, Главный конструктор решил сделать в вопросе о необходимости создания пилотируемого космического корабля своими союзниками именно тех, кто потенциально мог бы воспрепятствовать его планам отправить человека в космос, то есть самих военных. Нужен советским

Он погиб до полета Гагарина...

военным спутник-фоторазведчик? Значит, сделаем спутник-фоторазведчик! Но такой, который - при определенной его не слишком значительной переделке - сможет стать и первым космическим кораблем для полета человека в космос.

15 февраля 1958 года Королев попросил сотрудников ОКБ-1, - в том числе и Михаила Тихонравова, который еще с конца 40-х годов был горячим сторонником штурма ближнего космоса пилотируемыми ракетными системами, - коротко обосновать техническую возможность пилотируемых полетов. Тихонравов вместе со своими сотрудниками справился с поручением руководства быстро и качественно. На служебной записке начальника отдела проектирования космических кораблей ОКБ-1 Михаила Клавдиевича Тихонравова Сергей Павлович Королев делает короткую приписку: «Имеющиеся в настоящее время технические средства позволяют осуществить полет человека в ближайшем времени».

Летом 1958 года служебную записку о возможности полета человека в космос Королев направляет непосредственно в административный отдел ЦК КПСС. Как правило, документы из административного отдела напрямую попадали на рабочий стол Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева. Так случилось и в этот раз. Учитывая выдающуюся роль Королева в ракетно-космической технике, работниками административного отдела было решено сразу же представить служебную записку Никите Сергеевичу Хрущеву с соответствующей рекомендацией о ее политической полезности. Как и ожидал Королев, Хрущев записку прочитал более чем внимательно и мгновенно оценил и политические, и пропагандистские выгоды первого полета в космос советского человека.

Именно в это время США начали активные работы по созданию спутников военной разведки. Разумеется, СССР должен дать адекватный ответ на «американский вызов». Таким адекватным ответом может быть только

Он погиб до полета Гагарина...

создание собственных разведывательных спутников. Готовилось специальное постановление Советского правительства о начале финансирования работ по созданию таких спутников-разведчиков. И тут Королев, которому и планировалось поручить работу по созданию военных спутников, делает замечательный политический ход: он просит председателя государственного комитета по оборонной технике Константина Николаевича Руднева и вице-президента академии наук СССР Мстислава Всеволодовича Келдыша включить дополнительно всего несколько слов в проект этого документа. После фраз о создании советского спутника-разведчика следует добавить: «...и полета пилотируемых космических кораблей-спутников». Предложение Королева принимается. Чуть позже принимается и постановление правительства. Всего одной фразой Королев фактически делает советское «военное лобби» своими союзниками в подготовке первых пилотируемых полетов: «Хотите спутник-фоторазведчик? Он будет! А пилотируемый корабль – это один из этапов создания такого спутника!». Более того, даже рабочая индексация предстоящих разработок четко указывает приоритеты: индекс 1К получают экспериментальные аппараты, 2К - разработки спутника-фоторазведчика и 3К - проект пилотируемого космического корабля.

Примерно в тоже время сотрудниками ОКБ-1 и Академии наук СССР были окончательно определены и цели советской космической программы, которую планировалось реализовать на корабле «Восток»:

- осуществление первых пилотируемых полетов в космическое пространство;
- изучение воздействия условий космического полета на состояние здоровья и работоспособность космонавта;
- проверка общих принципов построения пилотируемых космических кораблей.

Он погиб до полета Гагарина...

Но все вышеозначенные цели вовсе не означали, что советская пилотируемая программа носит исключительно мирный характер. В 1960 году был подготовлен проект Постановления ЦК КПСС И Совета Министров СССР, в котором, в частности, перед учеными, инженерами и испытателями ставились такие задачи:

«...Неисчерпаемые материальные, энергетические ресурсы, имеющиеся в космическом пространстве и на соседних планетах, станут доступными для практического их использования Советским Союзом.

По-новому могут решаться в этом случае и многие военные задачи и вопросы:

- создание боевых космических станций для осуществления постоянного патрулирования с целью контроля над полетами в космическом пространстве и уничтожения вражеских искусственных спутников и космических аппаратов над территорией Советского Союза и в прилегающих областях космического пространства;

- создание боевых кораблей-спутников с мощными радиостанциями, позволяющими вести постоянную радиолокационную разведку всех участков поверхности Земли, переброску крупных боевых грузов (в несколько десятков тонн) практически на любые расстояния, бомбометание с тяжелых кораблей-спутников и т. д.

Наряду с этим окажется возможным достаточно широкое осуществление ряда практических задач по использованию мощных ракет в мирных целях (т.е. во вторую очередь – С.Ч.), что значительно продвинет развитие мировой науки и культуры...» (3.1).

Тем временем в 1958 году в Институте авиационной медицины были начаты работы по двум научным темам, связанным с подготовкой космических рейсов. Тема 5827 предусматривала методологическую подготовку и проведение отбора человека для участия в космическом полёте. Тема 5828 была полностью

Он погиб до полета Гагарина...

посвящена созданию системы подготовки человека к первому полету в космос. Научным руководителем обоих тем был назначен Владимир Иванович Яздовский, ответственным исполнителем стал Николай Николаевич Гуровский.

Сразу же встал вопрос: кого отбирать для первых полетов в космос? Кто лучше сможет справиться с поставленной задачей – облететь Землю на космическом корабле-спутнике? Врачи, ученые, инженеры?

- Для космического полета, - авторитетно сказал на одном из совещаний в Академии Наук СССР Сергей Павлович Королев весной 1959 года, - лучше всего подготовлены летчики реактивной авиации. И в первую очередь – летчики-истребители. Летчик-истребитель – это настоящий универсальный специалист. Он одновременно пилот и штурман, инженер и связист. На первом этапе космических исследований наши корабли будут одноместными. С учетом этого фактора летчики реактивной истребительной авиации тоже лучший вариант для выбора будущих космонавтов – они летают в стратосфере на одноместных скоростных самолетах и в одиночку приучены выполнять сложнейшие полетные задания.

Не замедлили появиться и правительственные решения о наборе в будущий отряд советских космонавтов. В соответствии с принятыми Постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР №22-10СС «О медицинском отборе кандидатов в космонавты» от 5 января 1959 года и №569-264 «О подготовке человека к космическим полетам» от 22 мая 1959 года в авиационных частях страны начался отбор будущих кандидатов в космонавты.

В официальных медицинских документах отбор кандидатов в космонавты именовался «Темой № 6». В Институте авиационной медицины под руководством полковника медицинской службы Е.А.Карпова была создана специальная группа, в которую вошли

Он погиб до полета Гагарина...

О.Г.Газенко, А.М.Генин, Н.Н.Гуровский, В.И.Яздовский и др.

В первый отряд советских космонавтов требовались опытные и профессионально перспективные летчики-истребители реактивной авиации. Они должны были обладать отменным здоровьем, психологической устойчивостью и невысоким ростом.

- Рост кандидатов в космонавты должен быть не выше ста семидесяти сантиметров, вес – не более семидесяти килограммов, возраст – примерно от двадцати пяти до тридцати лет, - четко сформулировал критерии отбора Сергей Павлович Королев на совещании отъезжающих медицинских групп, которое состоялось у заместителя командующего ВВС Ф.А.Агальцова.

- Сколько человек в отряд космонавтов мы должны отобрать? – спросил кто-то из медицинских экспертов. – Американцы готовят к полетам на космическом корабле «Меркурий» семерых астронавтов...

- Вы должны отобрать больше, - жестко ответил Королев. – Потому что летать в космос мы будем чаще, чем американцы.

Непосредственно сам отбор кандидатов в космонавты начался в августе 1959 года. По всей стране в авиационные гарнизоны разъехались специальные отборочные группы.

Вспоминает сотрудник Института авиационной и космической медицины Павел Васильевич Буянов:

«Это действительно был первый опыт отбора кандидатов в космонавты. До этого, такой системы не существовало. Всю организационную работу возглавил наш институт - в/ч 64688 (7-й Государственный научно-исследовательский испытательный институт авиационной и космической медицины Военно-воздушных сил – С.Ч.).

Он погиб до полета Гагарина...

Как помню, в конце мая 1959 года нас несколько человек вызвали на совещание, где впервые было объявлено о том, что необходимо приступить к отбору кандидатов в космонавты. Генерал-лейтенант медицинской службы Волынкин Ю.М. объявил о создании комиссионных групп, каждая из которых состояла из двух человек. Таких групп создано не более 4-5. Мне, как представителю в/ч 64688, ответственного за первичный отбор, и представителю штаба ВВС ВМФ подполковнику медслужбы Пчелкину Александру Петровичу (я тогда тоже носил звание подполковника медицинской службы) был поручен отбор кандидатов в истребительных частях ВВС европейских флотов. В течение июня-июля 1959 года мы побывали в гарнизонах истребительной авиации Северного, Черноморского и Балтийского флотов. Нам дали командировочные удостоверения и документ, обязывающий командование флотов оказывать нам необходимое содействие.

Мы должны были отобрать кандидатов не только по медицинским показаниям, а с учетом профессиональной подготовки, морально-политических качеств, психологических особенностей отбираемых.

Мы с А.П. Пчелкиным разработали для выполнения этой задачи четкий план. После доклада командиру части (соединения) о цели нашей командировки, мы по данным медицинских документов (медицинской книжки) проводили предварительный ориентировочный отбор по состоянию здоровья и роста-весовых показателей (нам дали данные по максимальному росту и весу и возможных отклонениях). После этого, отобранные кандидаты нами обсуждались с командованием и политработником, в которых нам предоставлялась подробная характеристика профессиональной работы, моральных качеств, особенностей характера, в частности коммуникабельность этих лиц, вредные привычки и пр.

Он погиб до полета Гагарина...

При отрицательной или неопределенной оценке указанных качеств, отобранные по медицинским книжкам летчики, отбраковывались.

Только после этого, отобранные нами лица вызывались для предварительных переговоров и врачебного (терапевтического) обследования, вернее, врачебного осмотра терапевтом (мною).

Этот первый контакт с летчиками позволял уточнить наши впечатления и оценить возможности отобранных нами кандидатов.

После этого, подготовленный нами список кандидатов мы обговаривали и согласовывали с командованием, а затем с каждым из отобранных состоялся заключительный разговор о цели отбора, характера предстоящей работы. Выявляли реакцию летчика на наше предложение. При согласии летчика с нашим предложением (кстати, подавляющее большинство летчиков выражало согласие на новую работу) мы предлагали обговорить предложение с супругой, домашними, подумать и дать ответ на следующий день. Чаще всего летчики давали согласие при этом разговоре и не откладывали до следующего дня.

Летчикам, отобранным нами и согласившимся на предстоящую работу, сообщалось также, что предстоит тщательный медицинский и психологический отбор в Москве на базе ЦНИАГ (Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь – С.Ч.).

Много позже Иван Иванович Касьян - один из тех, кому выпало отбирать первых кандидатов в космонавты в летных частях, - напишет в своей книге «Первые шаги в космос»:

«В июле 1959 года мы с врачом-невропатологом М.Н.Поляковым отправились в авиационные части. Перед нами стояла задача отобрать абсолютно здоровых людей, с высокими морально-волевыми качествами, хорошей летной подготовкой и устойчивых

Он погиб до полета Гагарина...

в психологическом отношении, а, кроме того, небольшого роста и веса.

В то время на отбор кандидатов в космонавты накладывались довольно жесткие ограничения, которые при последующих наборах в космонавты были смягчены. Во всяком случае, при отборе первого отряда космонавтов любая кандидатура отвергалась уже при малейшем отклонении в состоянии здоровья от предусмотренного требованиями.

Прибывая в авиационную часть, мы внимательно просматривали личные дела тех летчиков, которые согласно их летным и медицинским книжкам подходили нам по возрасту, росту, весу и ряду других признаков. Затем мы подробно расспрашивали местных врачей о состоянии здоровья и своих личных наблюдениях относительно заинтересовавших нас кандидатур.

Сделав выбор о какой-либо кандидатуре, мы приглашали летчика для личной беседы. Нам был рекомендован ряд вопросов, на которые полагалось услышать определенный ответ от опрашиваемых летчиков. Одним из этих вопросов был: «Желаете ли вы летать на более современных типах самолетов, на новой технике?» Как правило, все летчики на этот вопрос отвечали положительно, так же как и на вопрос: «Хотели бы Вы летать на новых типах самолетов и работать летчиком-испытателем?»

В ходе беседы как бы невзначай задавался и вопрос, который был весьма существен: «Хотели бы Вы полететь на ракетах вокруг Земли?» И здесь реакция была различной. Большинство летчиков отвечали положительно, но иные медлили с ответом или отвечали: «Надо подумать», а встречались (хотя и редко) и те, кто сразу отвечал отрицательно. Затем отобранные в результате бесед кандидатуры обсуждались нами у командира части и его замполита».

Осенью 1959 года молодых летчиков стали по одному вызывать на собеседование в штаб войсковой части. Вызвали и Валентина Бондаренко. Старший

Он погиб до полета Гагарина...

лейтенант зашел в комнату для собеседования, представился. Собеседников оказалось двое. Средних лет, оба подполковники, с петлицами военных медиков. Один за другим посыпались вопросы... Как ваше здоровье? Довольны ли вы своей службой? Как летаете? Хотели бы вы летать на новой технике? А на спутниках вокруг Земли?

- Я согласен, - твердо ответил Валентин Бондаренко. – Когда нужно лететь?

- Ну, сначала нужно пройти медицинскую комиссию, - улыбнулся один из офицеров. – А уже потом...

«Кандидатов вызывали в Москву, на стационарное обследование в Научно-исследовательский авиационный госпиталь (НИАГ), проходившее в два этапа: клиническое обследование в объеме врачебной экспертизы лиц летного состава истребительной авиации и психофизиологическое обследование. Продолжалось обследование в среднем два месяца.

Руководителем работ по отбору в первый отряд космонавтов был назначен М.Д.Вядро. В работе группы по отбору в отряд принимали участие многие специалисты-медики: И.И.Бряннов (отоларинголог), Ф.Д.Горбов (психолог), Н.С.Ивлев (хирург), Е.Т.Малышкин (терапевт), Г.П.Михайловский (физиолог), Н.В.Орлов (рентгенолог) и многие другие.

Приезжали кандидаты группами по 20 - 30 человек. В первые дни отбора (уже в госпитале) 18 человек отказались от дальнейшего прохождения обследования. Причиной были опасения, что неудачное прохождение отбора может помешать в дальнейшей лётной работе. Ещё два человека были отбракованы медицинской комиссией. Кроме всевозможных анализов и осмотров кандидатов подвергали так называемым «нагрузочным пробам» - выдерживали в барокамере, крутили на центрифуге, проверяли устойчивость организма к гипоксии и перегрузкам» (3.2).

Он погиб до полета Гагарина...

Один из участников первого медицинского отбора в космонавты вспоминал:

«В Научно-исследовательском авиационном госпитале (НИАГ) мы находились тридцать пять суток. Каждый день, включая субботы, проходили пять-шесть обследований. Вот что писал по этому поводу академик Парин, который имел к этому прямое отношение: «Пожалуй, не было в организме такой «детали», которая не подвергалась бы врачебным исследованиям. Лабораторный анализ мочи, к примеру, проводился на 20, анализ крови на 49 параметров». А рентген? Казалось, что человека хотят просветить от макушки до пят. Почти каждый день направляли в это заведение. Кто-то пошутил над молодоженом Алексеем Леоновым: «Потеряешь ты, Леша, свою мужскую силу. В лучшем случае у тебя не будет наследника, в худшем потеряешь свою молодую жену...» Прослышав об этом, руководство госпиталя выделило специалиста, который популярно объяснил, что облучаемся мы в абсолютно безопасных дозах».

Обследование и в самом деле оказалось очень серьезным. Помимо обычных анализов и проверок – взятия проб крови, снятия кардиограммы и прохождения рентгена – кандидатов в космонавты подвергали невиданным испытаниям: ставили вниз головой и при этом измеряли давление, поочередно опускали то в холодную, то в горячую воду, что-то капали под веки, подвергали акустическим воздействиям: грохот, визг, шум, свист.

Молодым летчикам уже в первый день тестирования стало ясно, что многих из них отсеют по медицинским показателям не только от будущей космической работы, о которой у всех было смутное представление, но и от летной работы вообще, а некоторых даже спишут вчистую. Поэтому некоторые военные авиаторы решили не рисковать летной карьерой, собрали вещи и уехали сразу, уже на второй или третий день обследования. Валентин Бондаренко

Он погиб до полета Гагарина...

остался. Ему не хотелось отступить на полпути. В течение трех недель он выдержал все испытания и успешно прошел все стадии медицинского обследования. У медиков не было никаких претензий к нему.

Вспоминает Ирина Павловна Пономарева - ведущий научный сотрудник Государственного научного центра Российской Федерации «Институт медико-биологических проблем». В 1959 году она участвовала в отборе будущих космонавтов:

«Начальник Центра подготовки космонавтов Евгений Анатольевич Карпов приносил по утрам из секретного отдела толстые пронумерованные, прошитые и опечатанные тетради, и мы карандашами разного цвета отмечали тех из кандидатов, которые соответствовали следующим антропометрическим параметрам: рост до ста семидесяти сантиметров, вес до семидесяти двух килограмм и возраст до тридцати лет».

Теперь, с позиций сегодняшнего дня, можно с уверенностью говорить, что требования по медицинским показателям при отборе в первый отряд космонавтов были очень завышены. Но тех людей, которые отбирали первых космонавтов можно понять. Во-первых, никто не знал, как поведет себя человеческий организм в космосе. Во-вторых, предстоял испытательный полет на совершенно новой технике. Для успеха предстоящего дела требовалась абсолютная надежность всех его составляющих, в том числе и человека-пилота. Поэтому и «зверствовали» медики осенью 1959 года, отбирая кандидатов на первые космические полеты, беспощадно отсеивая молодых авиаторов при любых нестандартных параметрах здоровья.

О тех днях медицинских проверок Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Евгений Васильевич Хрунов вспоминал:

«Собралась (в госпитале – С.Ч.) довольно большая группа летчиков, три года назад окончивших училище и служивших в разных частях. Вначале мы вели

Он погиб до полета Гагарина...

разговоры о том, кто где служил, об общих знакомых, о семьях, но вскоре наступили монотонные госпитальные будни, и если учесть, что все мы были практически здоровы, то можно представить, насколько это было «весело». Дни тянулись медленно, похожие один на другой. В восемь часов мы вставали по сигналу «подъем», занимались зарядкой, бегали в парке госпиталя.

После утреннего туалета дружно шли завтракать и затем встречались только в коридорах, в перерыве между приемами у того или иного врача, неизменно спрашивая друг друга, как дела.

Дела шли по-разному. Кто завалился, не прошел на том-то или на том-то, кто ждет очереди к следующему врачу... В 14 часов все шли на обед, а после обсуждали события дня. О космосе старались не говорить. Самыми приятными для меня были в то время часы послеобеденного отдыха, когда представлялась возможность взять в руки книгу и углубиться в чтение.

Самые тяжелые испытания с точки зрения физических нагрузок (центрифуга, барокамера) по плану производились в конце обследования. Готовясь к ним, мы строго выполняли ежедневный часовой моцион - быстрая ходьба по парку до пяти километров. В 23.00 ложились спать, предварительно тщательно изучив план обследований на следующий день.

Так проходил день за днем. Группа все уменьшалась. Каждый день кто-то покидал госпиталь, навсегда распрощавшись с мечтой о полетах в космос. А когда в двадцатых числах февраля программа медицинского обследования была закончена, в группе оставалось всего четыре человека. Мы объединились с летчиками, прошедшими ранее первый этап испытаний.

Мой ведущий врач все более внимательно относился ко мне, требовал тщательнее выполнять распорядок дня. Я испытывал волнение, внутреннюю напряженность. В конце концов, из всей нашей группы остался я один. Один из тридцати летчиков, годных без

Он погиб до полета Гагарина...

ограничения к летной работе на самолетах-истребителях, но не годных по состоянию здоровья к космическим полетам.

Подъем в барокамере на шесть тысяч метров оказался для меня самым трудным, причем по моей вине. Перед прохождением испытаний в барокамере каждый из нас дотошно расспрашивал товарищей, которые уже прошли подобное испытание. Те очень подробно и с большим желанием помочь товарищу давали советы, как себя вести, как дышать и т. д. Получил огромное количество таких советов и я. И вот отправился в барокамеру. Когда высота достигла шести тысяч метров, я сознательно начал глубоко и довольно часто дышать, хотя в этом никакой надобности не было. Потом врачи объяснили мне, что я был на грани потери сознания не от недостатка кислорода, а, наоборот, от недостатка углекислоты. Но организм мой выдержал и это испытание. Осталось еще два заключительных подъема — на четырнадцать и пятнадцать тысяч метров. Вся моя воля, мое поведение были направлены на то, чтобы выдержать и это испытание. Наверное, излишне волновался, потому что в ночь перед подъемом на четырнадцать тысяч метров впервые в своей жизни никак не мог заснуть. Часа в три ночи взял у дежурной сестры таблетку снотворного. Проспав не более четырех часов, почувствовал, что не выспался, но мне не хотелось признаваться в этом врачу, срывать и задерживать план обследований.

Евгений Алексеевич осмотрел меня, измерил давление крови, пульс. Спросил, как себя чувствую, хорошо ли спал. Он отметил, что пульс и давление у меня отличаются от обычных величин. За 35 дней врач изучил меня, наверное, лучше, чем я себя за 26 лет. Пришлось признаться, что плохо спал. Испытания в этот день были отменены. Меня строго предупредили, что я честно и подробно должен информировать врача о своем самочувствии. В дальнейшем так и было. Заключительные испытания я прошел успешно» (3.3).

Он погиб до полета Гагарина...

Первичный медицинский отбор продлился до января 1960 года. Теперь предстоял следующий этап отбора.

Он начался в следующем году, после выхода 11 января 1960 года директивы Генерального Штаба ВВС №321141 «О формировании ЦПК ВВС и отряда космонавтов», в которой оговаривалось и планируемое число космонавтов - 20 человек (3.2).

В тот же день приказом Главнокомандующего ВВС К.А.Вершинина была организована войсковая часть 26266, задачей которой была подготовка космонавтов. Впоследствии эта часть была преобразована в Центр подготовки космонавтов ВВС (ЦПК).

«К февралю 1960 года этап психофизиологического обследования успешно прошли лишь 29 человек, ставшие финалистами отбора. 105 человек были либо отсеяны по медицинским показаниям, либо сами отказывались проходить 2-й этап медкомиссии. Фамилии всех этих кандидатов вряд ли когда будут известны полностью (вот среди этих не прошедших медкомиссию летчиков вполне мог оказаться и Анатолий Данилович Землянов, о котором мы упоминали выше – С.Ч.).

Итак, на мандатную комиссию были представлены кандидатуры 29 человек, полностью прошедших все этапы медицинского обследования и получившие допуск к специальным тренировкам:

Аникеев Иван Николаевич
Беляев Павел Иванович
Бессмертный Николай И.
Бондаренко Валентин Васильевич
Бочков Борис И.
Бравин Георгий А.
Быковский Валерий Федорович
Варламов Валентин Степанович
Вольнов Борис Валентинович
Гагарин Юрий Алексеевич
Горбатко Виктор Васильевич

Он погиб до полета Гагарина...

Ефременко Михаил А.
Заикин Дмитрий Алексеевич
Иноземцев Григорий К.
Карпов Валентин А.
Карташов Анатолий Яковлевич
Комаров Владимир Михайлович
Леонов Алексей Архипович
Лисиц Лев Зиновьевич
Нелюбов Григорий Григорьевич
Николаев Андриян Григорьевич
Попович Павел Романович
Рафиков Марс Закирович
Свиридов Валентин П.
Тимохин Иван М.
Титов Герман Степанович
Филатьев Валентин Игнатьевич
Хрунов Евгений Васильевич
Шонин Георгий Степанович

Точно неизвестно, как проходила работа этой мандатной комиссии. Когда именно было принято решение о том, кого принимать в космонавты, а кого - нет? Есть сведения, что кандидат В.А.Карпов сам отказался от назначения уже после получения допуска. Попытка разобраться в вопросе формирования отряда осложняется тем, что кандидаты в космонавты зачислялись в отряд не одновременно, а отдельными группами. Поэтому возможно, что кто-то из тех девяти человек, которые так и не попали в отряд, тоже прошел мандатную комиссию, но был оставлен «в резерве» (3.2).

Отбор в первый отряд завершился. Начиная с лета 1959 года, из числа летчиков – истребителей реактивной авиации Военно-воздушных сил СССР были рассмотрены личные дела, летные и медицинские книжки 3461 летчика. Первичную беседу отборочные группы провели с 347 авиаторами. Для проверки в госпитале летчиков - кандидатов в космонавты набралось 206 человек. 52 человека отказались лечь на медицинское обследование. Из 154 оставшихся

Он погиб до полета Гагарина...

«абитуриентов» 18 человек отказались от дальнейшего прохождения обследования уже в первые дни отбора в госпитале. Два кандидата были отбракованы в ходе медицинского обследования. Главную медицинскую комиссию сумели пройти 29, а мандатную - всего 20. Двадцать из трех тысяч четыреста шестидесяти одного... В отряд космонавтов попал в среднем один летчик из 173 рассмотренных кандидатур.

В первом отряде космонавтов были 9 лётчиков Военно-воздушных сил, 6 лётчиков Противовоздушной обороны и 5 лётчиков авиации Военно-морского флота. На момент зачисления самому старшему из кандидатов в космонавты, Павлу Ивановичу Беляеву, было 34 года, самому младшему, Валентину Васильевичу Бондаренко - 23 года.

Как восприняли известие об успешном прохождении отбора Валентин Бондаренко и другие «счастливчики»? Что чувствовали, о чем думали эти двадцать молодых мужчин, которым предстояло стать первым отрядом советских космонавтов? Радовались, конечно... Почти через четверть века Георгий Шонин напишет:

«Мы были счастливы и горды, что стояли у истоков пилотируемых полетов в космическое пространство, что именно нам довелось начинать подготовку к первым космическим стартам и первым «на родную Землю со стороны взглянуть». Нам повезло: мы родились вовремя! Пятью годами раньше – не подошли бы по возрасту, пятью годами позже – пришли бы уже на проторенный путь. И в том и в другом случае за нас это великое дело сделали бы другие» (3.4).

Не обошлось и без шалостей. Дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Борис Валентинович Волинов в одном из своих интервью вспоминал:

«Наша госпитальная палата находилась на втором этаже – огромная, около тридцати кроватей. Потолок был очень высокий, и его поддерживали деревянные

Он погиб до полета Гагарина...

стойки. И тот, кто нормально проходил комиссию, должен был взобраться по этой стойке под потолок и на потолке оставить отпечаток своей ступни. Свой след, так сказать! Таких счастливицков в результате оказалось совсем немного – всего 20 человек» (3.5).

После мандатной комиссии кандидаты вновь разъехались по своим гарнизонам в ожидании вызова в Москву. 3 марта 1960 года появился приказ Министерства обороны СССР №31 «Временное положение о космонавтах», на основании которого определялись статус и обязанности космонавта.

Первые вызовы в Москву были направлены в конце февраля. Первым в самом начале марта в Москву прибыл Павел Попович. Через три дня к нему присоединился Валерий Быковский, затем приехали Иван Аникеев, Борис Волюнов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Владимир Комаров, Григорий Нелюбов, Андриян Николаев, Герман Титов, Георгий Шонин. Еще через четыре дня приехал Алексей Леонов.

«7 марта 1960 года Главкому ВВС К.А.Вершинину были представлены эти первые кандидаты в космонавты. В тот же день приказом Главкома ВВС №267 все они были зачислены на должность слушателей-космонавтов (так в те годы именовали кандидатов в космонавты – С.Ч.) ЦПК ВВС. А 9 марта 1960 года приказом Главкома ВВС №292 на должность слушателя-космонавта был зачислен Евгений Хрунов» (3.2).

Теперь отобранных кандидатов требовалось готовить к космическому полету. Но до этого еще нужно было решить, где именно их готовить, и – самое главное - в чем, собственно, эта подготовка должна заключаться. Ведь никто в мире никогда космонавтов еще не готовил.

«Занятия по общекосмической подготовке, включавшей в себя как теоретические дисциплины (в частности, подготовка по основам космической и авиационной медицины составила 92 часа), так и изучение конструкции корабля и физическую

Он погиб до полета Гагарина...

подготовку, а также медико-биологическую подготовку (в том числе в экспериментах с изоляцией длительностью от 10 до 15 суток при обычном и измененных суточных режимах), начались 14 марта 1960 года» (3.2).

«Тем временем, официальное формирование отряда продолжалось:

25 марта 1960 года приказом Главкома ВВС №363 на должность слушателей-космонавтов были зачислены Дмитрий Заикин и Валентин Филатьев.

И наконец, 28 апреля 1960 года приказом Главкома ВВС №540 на должность слушателей-космонавтов были зачислены Павел Беляев, Валентин Бондаренко, Валентин Варламов и Марс Рафиков» (3.2).

«7 июня 1960 года приказом Главкома ВВС № 839 на должность слушателя-космонавта был зачислен Анатолий Карташов.

Так был сформирован первый отряд космонавтов из 20 человек - в точности, как и было определено директивой Генштаба ВВС» (3.2).

Итак, по состоянию на 8 июня 1960 года в первый советский отряд космонавтов были зачислены двадцать человек:

Аникеев Иван Николаевич
Беляев Павел Иванович
Бондаренко Валентин Васильевич
Быковский Валерий Федорович
Варламов Валентин Степанович
Волынов Борис Валентинович
Гагарин Юрий Алексеевич
Горбатко Виктор Васильевич
Заикин Дмитрий Алексеевич
Карташов Анатолий Яковлевич
Комаров Владимир Михайлович
Леонов Алексей Архипович
Нелюбов Григорий Григорьевич
Николаев Андриян Григорьевич
Попович Павел Романович
Рафиков Марс Закирович

Он погиб до полета Гагарина...

**Титов Герман Степанович
Филатьев Валентин Игнатьевич
Хрунов Евгений Васильевич
Шонин Георгий Степанович.**

Глава 4. Отряд космонавтов

Занятия с будущими космонавтами начались еще в середине марта. Но поскольку Валентин Бондаренко официально был зачислен в отряд космонавтов только в конце апреля, то реально он начал проходить подготовку к космическим полетам только в мае 1960 года: даже на то, чтобы получить все документы по месту прежней службы и перевезти в Подмоскowie семью, потребовалось больше недели.

Анна Бондаренко, супруга Валентина Бондаренко, вспоминала:

«Он (Валентин Бондаренко – С.Ч.) не говорил никому, что попал в отряд космонавтов. Он прошел комиссию, комиссия была сложная. Всех родственников обследовали, чтобы все было на высшем уровне».

Как следует из документов, 31 мая 1960 года старший лейтенант Валентин Васильевич Бондаренко был зачислен в состав воинской части № 26266 в Подмоскowie. Этим пятизначным номером обозначался небольшой военный городок, в котором проходили тренировки первой двадцатки будущих космонавтов – тех, кого сегодня называют «гагаринским отрядом».

Хотя за занятия с будущими космонавтами отвечали десятки и сотни людей, но в целом вся ответственность за подготовку советских пилотов космических кораблей была возложена на помощника Главнокомандующего ВВС по космосу генерал-лейтенанта (позднее – генерал-полковника) авиации Николая Петровича Каманина.

В своей книге «Самые первые» Георгий Шонин напишет:

«Немногословный и сдержанный, даже немного суховатый, Николай Петрович был примером отношения к своему служебному долгу. Даже внешне он imponировал нам. Раз и навсегда установленный жесткий распорядок дня (ранний подъем, обязательная

Он погиб до полета Гагарина...

физзарядка, строгий режим питания, систематические занятия спортом - бег, лыжи, теннис, бассейн) - и это в возрасте далеко за пятьдесят - способствовали тому, что он находился в прекрасной спортивной форме. Я не оговорился - и еще раз повторяю - в прекрасной спортивной форме. Ведь даже нам, тренированным и по возрасту, годящимся ему в сыновья, было трудно тягаться с ним на теннисном корте. Порою мне казалось, что Николай Петрович никогда ни в чем не сомневался, не чувствовал растерянности, что для него все ясно и понятно. Прямой и цельный, он и нас хотел видеть такими же...»

Но помимо куратора от Военно-воздушных сил СССР Центру подготовки космонавтов нужен был просто командир – тот, кто смог бы управлять жизнерадостной ватагой молодых и по-хорошему амбициозных кандидатов в космонавты.

«Кто возглавит будущих летчиков-космонавтов, явится в Звездном городке начальником, воспитателем и в то же время смелым экспериментатором? - писал позднее в своей книге «Летчики и космонавты» Николай Петрович Каманин, работавший в то время в Главном штабе ВВС. - На эту должность у нас появилось несколько кандидатур. Остановились на видном специалисте в области авиационной медицины Евгении Анатольевиче Карпове. Немало лет проработал он с летчиками, хорошо знает их душу и летный характер. Евгений Анатольевич с первых дней загорелся новой работой, перспективой, мечтой».

24 февраля Главком ВВС К.А.Вершинин назначает Е.А.Карпова начальником Центра подготовки космонавтов. Центра, которого в природе еще не существует.

В конце мая в Москве начались занятия по теоретическим основам космического полета и конструкции корабля «Восток», его бортовых систем и скафандра. Это были еще самые первые, обобщенные лекции, поскольку и корабль, и вся необходимая для

Он погиб до полета Гагарина...

полета аппаратура еще находились на стадии разработки и испытаний. Уже тогда руководители советской космонавтики понимали, что обучение и подготовка космонавтов - проблема очень сложная и совершенно новая. Уже в ближайшем будущем потребуется масса тренажеров, стендов и лабораторий. Также необходима и отличная база для физических занятий. Кроме того, желательно, чтобы место подготовки космонавтов было бы недалеко от научных, технических и культурных центров, чтобы космонавты могли не только тренироваться и обучаться в конструкторских бюро и бывать на профильных предприятиях разработчиков космической техники, но и ходить в театры и кино, посещать музеи и библиотеки.

Поэтому и было решено разместить такой центр подготовки к пилотируемым космическим полетам в Подмоскowie, на природе, поблизости от реки Клязьмы.

Летом 1960 года приказом Главкома ВВС маршала К.А. Вершинина отряд космонавтов было предписано разместить в Подмоскowie, в районе аэродрома «Чкаловский». Именно это место вскоре станет известно всему миру как Звездный городок. Впрочем, создаваемый военный городок тогда, конечно, еще не был «Звездным», а носил скромное название «41-й километр» (иногда его еще называли «Зеленый городок»).

Конечно, когда принималось официальное решение, вслух никто и не заикался об удобствах культурного досуга будущих космонавтов. Официально сам выбор места базирования будущего Звездного городка был обусловлен тремя причинами. Во-первых, территория, на которой он должен был расположиться, была закреплена за Военно-воздушными силами СССР. Во-вторых, она находилась вблизи аэродрома, где будущим космонавтам предстояло осуществлять тренировочные полеты на невесомость. В-третьих, территория будущего Звездного городка оказалась относительно недалеко от ОКБ-1 С.П.Королева, где

Он погиб до полета Гагарина...

космонавты - из-за отсутствия собственной тренажерной базы - должны были приступить к изучению реальной ракетной и космической техники.

Новое место базирования Центра подготовки космонавтов ВВС представляло собой большую поляну, размер которой составлял примерно два на полтора километра. Размещалось это место в красивом смешанном лесу. Будущий городок космонавтов должен был расположиться в сорока трех километрах от Москвы по Северной железной дороге. Это тоже было очень удобно: с одной стороны, база космонавтов размещалась недалеко от столицы, а с другой стороны оказывалась надежно скрыта от глаз иностранных дипломатов и работников зарубежных посольств, которые по совместительству занимались еще и разведывательной деятельностью.

«Когда мы приехали на место Звездного в шестидесятом году, - вспоминал Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Евгений Васильевич Хрунов, - там был сплошной лес. На одной из полей стоял небольшой двухэтажный домик. В нем мы начали подготовку к первому космическому полету».

На территории Центра подготовки космонавтов в трех зданиях разместили штаб и тыловые подразделения. Будущих космонавтов – опять же в целях обеспечения секретности и безопасности – рядом с административными зданиями тогда решили не селить. Всем им и личному составу будущего Звездного городка для жилья выделили квартиры в поселке Чкаловский, который находился от ЦПК на расстоянии примерно семи километров.

Из воспоминаний Бориса Смирнова, фотографа и кинооператора Центра подготовки космонавтов:

«Трудно поверить, но в начале 60-х годов Центр подготовки космонавтов был почти что нищей организацией. Весь он тогда помещался в одном двухэтажном доме неподалеку от платформы «41-й километр» по Монинской ветке Ярославской железной

дороги. Там были и учебные классы, и столовая, и штаб. Из транспорта - два «газика» и один автобус. Когда кончился казенный бензин, будущим космонавтам, чтобы поехать по делам в Москву, приходилось сбрасываться по рублю» (4.1).

На перебазирование в Подмоскowie будущим космонавтам командование щедро дало трое суток.

Буквально на следующий день начались плановые занятия – лекции и тренировки. Первый отряд космонавтов при комплектовании прошел медицинские и кадровые «огонь, воду и медные трубы». В результате такого по нынешним меркам слишком жесткого клинико-физиологического обследования и тщательного изучения их биографий были подобраны люди, которым предстояло приступить к выполнению программы обучения кандидатов в космонавты и тренировок на специальных стендах и тренажерах.

В ходе совместных обучения и тренировок кандидаты в космонавты все ближе сходились друг с другом. Многие познакомились семьями. Часто ходили друг к другу в гости, старались вместе отдыхать.

«Хочу подчеркнуть, - вспоминал позднее Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Евгений Васильевич Хрунов, - что жили мы дружно, знали сильные стороны и недостатки каждого, что было просто необходимо для нашей работы, в то время еще не совсем нам понятной. Мы привыкали к новой для нас терминологии, к новым числам: скорость восемь километров в секунду, двести-триста километров - высота. Шла незаметная на первый взгляд психологическая подготовка. Когда много позже, уже после полета в космос, меня спросили, проводилась ли с космонавтами специальная психологическая подготовка, я ответил отрицательно. На этот вопрос нельзя ответить однозначно, ибо вся жизнь не только космонавта, но любого человека, его работа, повседневное общение с людьми есть не что иное, как психологическая его тренировка. Человек любой

Он погиб до полета Гагарина...

профессии в первую очередь должен быть готовым справиться с ответственным, сложным заданием, не растеряться, помочь товарищу в нужную минуту, честно, до конца выполнить свой долг, быть морально готовым к этому» (4.2).

Все сказанное выше справедливо и по отношению к Валентину Бондаренко и его семье. Валентин и Анна полностью вписались в тот молодой и задорный коллектив будущих покорителей космоса, который постепенно начал складываться в Звездном городке. И уже не важно было, кто старше по возрасту и званию, - всех объединила одна великая цель: полет в космос. Каждый новый день был еще одним шагом к мечте.

Спортом будущие космонавты первоначально занимались в бассейне и залах спортивного комплекса ЦСКА. Было много занятий и пробежек на открытом воздухе. Уроки физкультуры, которые длились минимум по два часа каждый день. Молодые, но непривычные к таким физическим нагрузкам летчики, на первых порах очень уставали. Некоторые пытались даже жаловаться. Но преподавательский состав твердо гнул свою линию – «Тяжело в учении, легко в бою», не обращая внимания на ропот в «космических рядах». Спорт – это не самое трудное из предстоявших кандидатам в космонавты тестов и испытаний. Валентин Бондаренко и его новые товарищи быстро втянулись в насыщенный физкультурой распорядок дня. А через две-три недели настолько полюбили занятия спортом, что с удовольствием выходили на них при любой погоде. Более того, эти занятия помогли многим и в психологическом плане, развивая волевые качества кандидатов. Так, большинство из будущих покорителей космоса никогда раньше не прыгали с вышки в воду – увы, нет бассейнов в летных училищах и войсковых частях, - но после тренировок и преодоления психологических барьеров уже спокойно совершали прыжки с высоты десять метров.

Он погиб до полета Гагарина...

С переездом отряда космонавтов в Звездный городок физическая подготовка проводилась на открытом воздухе в лесной зоне. Кандидаты в космонавты бегали по лесным тропинкам, ездили на велосипедах, играли в различные спортивные игры: футбол, баскетбол, волейбол. Все ребята еще больше окрепли физически и чувствовали себя превосходно.

Кроме физкультурной подготовки, вторым направлением обучения будущих космонавтов стали теоретические занятия. Лекции, которые были прочитаны кандидатам в космонавты в те самые первые недели занятий, имели самый разнообразный характер, но большинство из них, так или иначе, касались медицинских и физиологических проблем космических полетов, освоения основ авиационной и космической медицины, ознакомления с неблагоприятными воздействиями факторов космического полета, проведения общеукрепляющей и специальной физической тренировки. Занятия с будущими пилотами космических кораблей проводили известные авиационные медики О.Г.Газенко, А.М.Генин, Ф.Д.Горбов, Н.Н.Гуровский, А.Д.Серяпин, В.И.Яздовский – цвет советской военно-медицинской науки. Кандидатами в космонавты были прослушаны лекции по актуальным для космических полетов темам и отработаны практические занятия по влиянию гипоксии, ускорений, вибрации, гипертермии и шума на организм человека.

Кроме того, на первом этапе подготовки большое значение отводилось парашютным прыжкам. Их было так много и они были так разнообразны, что по итогам тренировок некоторым особо отличившимся кандидатам в космонавты было даже присвоено звание «инструктор-парашютист».

Главный конструктор Сергей Павлович Королев с первых дней существования отряда внимательно следил за ходом подготовки кандидатов в космонавты. В начале апреля 1960 года он попросил, чтобы ему дали информацию о том, какие лекции слушают будущие

Он погиб до полета Гагарина...

покорители космоса. Информацию предоставили. Прочитав ее, Королев буквально взорвался негодованием:

- Вы кого мне готовите? Подопытных свинок? Собачек для опытов? Мне не нужны пассажиры! Мне нужны летчики, которые смогут пилотировать космические корабли! Они должны знать технические вопросы, разбираться в основах астрономии и астронавигации, владеть навыками пилотирования. Программу подготовки пилотов-космонавтов нужно немедленно пересмотреть и дополнить техническими и научными дисциплинами!

После вмешательства Королева программа обучения была радикально изменена. В ней появились баллистика, механика и динамика космического полета, технические дисциплины, курсы по конструкции ракеты-носителя и космического корабля. Эти новации не вызвали возражений среди кандидатов в космонавты: Валентину Бондаренко и другим ребятам из космического отряда стало ясно, что их, военных летчиков, готовят не на унижительную роль «подопытных кроликов», а в качестве настоящих пилотов будущих космических кораблей.

Претерпел изменения и состав преподавателей, особенно по прикладным техническим дисциплинам. Среди лекторов появились работники конструкторского бюро, которым руководил Сергей Павлович Королев. Занятия по основам космической техники, проводили К.Д.Бушуев, О.Г.Макаров, Б.В.Раушенбах, В.И.Севастьянов, М.К.Тихонравов, К.П.Феоктистов. Любопытно, что трое из числа этих преподавателей – Константин Феоктистов, Виталий Севастьянов и Олег Макаров – в будущем сами станут космонавтами.

«Программа нашего специального обучения была рассчитана на то, чтобы космонавты приобрели необходимые сведения по теоретическим вопросам предстоящего полета, выработали практические навыки по управлению оборудованием и аппаратурой кабины

Он погиб до полета Гагарина...

космического корабля, - вспоминал Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Евгений Хрунов. - Это требовало от нас изучения различных, порой, казалось, просто несовместимых дисциплин. В программе были и основы ракетной техники, и вопросы космической медицины, астрономии, и конструкции космических кораблей, и многое-многое другое. Занятия проводились на академических базах, в конструкторских бюро, научно-исследовательских учреждениях, в госпиталях, кино- и фотостудиях, в штурманских классах. Каждый специалист так стремился передать нам весь свой опыт, свои знания, что порой думалось: врач хочет сделать нас врачом или по меньшей мере фельдшером, астроном - астрономом, кинооператор - кинооператором. Люди, учившие нас, отдавались этим занятиям, не считаясь ни с личным временем, ни с праздничными и воскресными днями».

Валентину Бондаренко, как и большинству его товарищей из «космической двадцатки», лекции по космической технике, на которой предстояло подняться к звездам, нравились намного больше, чем лекции по космической медицине. Это была как раз та техника, на которой они собирались взлететь на космические орбиты, которую они должны были знать в совершенстве и которой нужно было научиться безошибочно управлять. Требовалось изучить корабль и его бортовые системы, динамику полета ракеты-носителя и космических аппаратов. Все было внове и все было необычно – совсем не авиационная форма корабля, его скорость движения и высота полета. Во время службы в военной авиации молодые пилоты ни с чем подобным не встречались. Например, самолет обладает широким диапазоном возможностей маневра по курсу, а вот первый космический корабль его не имел вообще. Пилот, летящий в самолете, почти постоянно работает в условиях дефицита времени и психологических нагрузок. А пилот космического корабля при нормально протекающем орбитальном

Он погиб до полета Гагарина...

полете в период между коррекциями траектории, стыковками и прочими динамическими операциями имеет возможность «расслабиться», а то и вовсе полностью оставить управление кораблем. Но в ходе процесса посадки на Землю или в аварийных условиях все наоборот – теперь космонавту дорога не только каждая секунда, а даже доля секунды, и время в таких условиях, кажется, летит с гораздо большей скоростью, чем при обычном полете на самолете.

Марс Закирович Рафиков, один из кандидатов в космонавты, позднее вспоминал:

«Каждую субботу вывешивалось расписание занятий на следующую неделю, несколько дней отводилось на теоретическую подготовку: ракетная техника, космические аппараты, астрономия, астрофизика, геофизика, кинодело, радиоориентирование и еще много других дисциплин. Были предусмотрены дни для полетов на пилотаж, по приборам вне видимости естественного горизонта, ночью и ...на невесомость» (4.3).

Подготовка первого отряда космонавтов не ограничивалась парашютными прыжками и лекциями по космической технике и медицине. Будущие космонавты впервые почувствовали, что такое невесомость в специальных полетах на самолете, который делал в воздухе «горку».

Ознакомительно-тренировочные полеты кандидатов в космонавты на невесомость выполнялись в те годы на учебном реактивном самолете МиГ-15УТИ. Через несколько лет в распоряжении космонавтов появится специально переоборудованный для таких полетов пассажирский самолет Ту-104. Ну, а пока летчик поднимал обычный учебный МиГ в небо и набирал необходимую скорость. Самолет взлетал на «горку», а потом начинал пикировать по определенной траектории. В это время внутри самолета наступала невесомость – все тела теряли свой вес. Невесомость была очень кратковременной – от 20 до максимума в 45 секунд.

Он погиб до полета Гагарина...

Целью этих полетов было как ознакомление будущих космонавтов с самим состоянием невесомости, так и тренировка навыков их работы при выполнении различных действий – от бытовых до технических. Во время кратковременной потери веса кандидатам в космонавты нужно было успеть не только сориентироваться в тесном пространстве кабины самолета, но и выполнить простейшие учебные задания.

Ознакомительно-тренировочные полеты проводились с 11 мая по 15 июля 1960 года под руководством видного ученого в области авиационной и космической медицины Е.М.Юганова. За время проведения летной части исследований выполнено 103 полета с налетом 56 часов 20 мин.

Управление полетом осуществлял летчик из передней кабины самолета. Вторая кабина, в которой находился кандидат в космонавты, была укомплектована медицинской аппаратурой для изучения координации движений и регистрации физиологических параметров, киноаппаратом для съемки мимики лица испытуемого в условиях перегрузки и невесомости. Начало и конец невесомости определялись по «индикатору», в качестве которого использовался обычный плексигласовый шарик на ниточке. В начале невесомости он «всплывал» вверх, а при воздействии перегрузок опускался вниз, к середине пилотской кабины. Во время выполнения самолетом параболы Кеплера на ее начальном и конечном участках действовали перегрузки 3-4 единицы в течение примерно 15 секунд, а потом наступало состояние невесомости, которое длилось около 40-45 секунд. Во время ознакомительно-тренировочных полетов кандидатам в космонавты нужно было выполнить три полета по три параболических горки в каждом. В первом полете испытуемые знакомились с состоянием невесомости и отрабатывали возможность ведения радиопереговоров с Землей. Во втором полете изучалась координация движений слушателей-

Он погиб до полета Гагарина...

космонавтов, острота их зрения, возможность приема ими пищи и воды. В третьем полете выполнялась регистрация физиологических параметров: температуры, давления, частоты пульса и т.п.

Координация движений испытуемых в ходе этих полетов на самолете МиГ-15УТИ изучалась с помощью выполнения пробы письма как при фиксации кандидата в космонавты к пилотскому креслу, так и при свободном его нахождении в безопорном парении. В горизонтальном полете в условиях невесомости кандидаты в космонавты должны были написать один и тот же заданный текст: «Циолковский – основоположник космонавтики». Последующий анализ почерка испытуемых показал, что при фиксации кандидатов в космонавты к пилотскому креслу кратковременная невесомость не оказывала существенного влияния на характер их почерков, а в состоянии свободного парения в «бассейне невесомости» никому из кандидатов в космонавтов с первых попыток не удалось произвести запись заданного текста. Валентин Бондаренко со смехом рассказывал друзьям, как он в условиях невесомости рисовал каракули на листе бумаги.

В полетах участвовали кандидаты в космонавты Комаров В.М., Волинов Б. В., Николаев А.Г., Филатьев В.И., Заикин Д.А., Быковский В.Ф., Леонов А.А., Титов Г.С., Нелюбов Г.Г., Рафиков М.З., Варламов В.С., Бондаренко В.В., Карташов А.Я., Беляев П.И., Попович П.Р., Гагарин Ю.А., Аникеев И.Н., Горбатко В.В., Шонин Г.С. и Хрунов Е.В. Первые 13 человек кандидатов в космонавты выполнили по 4 полета. Остальные 7 человек - по 5 полетов.

Наилучшие результаты показали: капитан Попович П.Р., капитан Волинов Б.В., ст. лейтенант Гагарин ЮА, ст. лейтенант Титов Г.С., капитан Быковский В.Ф., капитан Николаев А.Г., майор Беляев П.И., ст. лейтенант Шонин Г.С., инженер- капитан Комаров В.М.

Всего кандидатами в космонавты выполнено 86 полетов с общим налетом 30 часов 25 минут. Каждый

Он погиб до полета Гагарина...

слушатель участвовал в 4-5 полетах, с налетом от 80 до 90 минут, в том числе в состоянии невесомости - 7 минут 10 секунд.

Старший лейтенант Валентин Бондаренко выполнил четыре полета на невесомость с общим налетом 1 час 20 минут и получил за них оценку «хорошо». Валентин понимал, что эти полеты на учебных самолетах-истребителях дали возможность медикам хоть как-то, пусть за короткие промежутки времени, но все же оценить влияние невесомости на организмы кандидатов в космонавты. А будущим пилотам внеатмосферных кораблей эти полеты позволили получить навыки работы при невесомости и перегрузках, научиться принимать пищу, писать в этих условиях. Результаты каждого тренировочного полета тщательно анализировались. Все действия пилотов в невесомости обязательно фиксировались на кино- и фотопленку. С помощью медицинских датчиков производилась также запись некоторых физиологических показателей летчиков: хотя все будущие космонавты были по профессии летчиками, отчасти знакомыми с перегрузками, но вот состояние невесомости многие испытывали впервые. Совершенно иной должна была стать координация движений: выпустил, например, пищевую тубу с соком из рук, пытаешься ее быстрее поймать, а она улетает, да так, что даже вывернувшись в пилотском кресле ее очень трудно схватить. Пытаешься выпить воды из фляги, а часть ее совершенно невообразимым на земле образом вдруг самостоятельно выныривает из емкости, моментально разбрызгивается и в виде колеблющихся серебристых пузырьков начинает плавать по кабине...

Если кто-то думает, что эти полеты на невесомость – «забавный пустячок», приключение и развлечение, то он глубоко ошибается. Дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Владимир Викторович Аксенов в его книге «Дорогами испытаний» писал:

Он погиб до полета Гагарина...

«Эдгар Митчелл (американский астронавт, участник полета на Луну на космическом корабле «Аполлон-14» - С.Ч.) очень эрудированный и широкообразованный человек, глубоко понимающий проблемы, связанные с оценкой возможностей Человека, а также понимающий последствия от воздействия больших и предельных нагрузок на организм человека. Эдгар Митчелл говорит: «Самое неприятное для организма человека – это переходные процессы. Например, в режимах невесомости на самолете: сначала идет перегрузка, затем сразу же невесомость, затем опять перегрузка. Это очень вредно для организма и не остается без последствий».

Когда Эдгар Митчелл узнал, что Владимир Аксенов лично участвовал в выполнении 1400 режимов невесомости, он воскликнул: «Какое же надо для этого иметь здоровье!» И Аксенов, летчик-космонавт, выполнивший два космических полета, сделал вывод: «Если же попытаться сравнивать негативное влияние на мое здоровье космических полетов и полетов на невесомость, то значительно большее влияние все же за полетами на невесомость» (4.4).

Но двадцать молодых пилотов не обращали внимания на опасности. Они были готовы к любым испытаниям, чтобы лететь в космос.

Для кандидатов в космонавты проводились также специальные испытания на вибростенде для ознакомления будущих пилотов космических кораблей с субъективными ощущениями, возникающими при вибрации во время старта ракеты-носителя, а также для определения индивидуальной виброустойчивости каждого из кандидатов. По воспоминаниям друзей-космонавтов, Валентин Бондаренко - впрочем, как и подавляющее большинство его коллег по отряду космонавтов, - «трясся» на вибростенде без большой охоты.

Поскольку при старте с космодрома на ракете-носителе и при возвращении на Землю космонавт будет

Он погиб до полета Гагарина...

испытывать перегрузки, будущих покорителей космоса начали «катать» на центрифуге. Перегрузки постепенно доводили до отметки «10 G». В ходе этих тренировок создавалось направленное по линии «грудь – спина» утяжеление величиной 5, 7, 9 и 10 единиц, которое моделировало взлет ракеты-носителя, штатную и аварийную посадки спускаемого аппарата космического корабля на Землю. Валентин Бондаренко прошел эти испытания без существенных замечаний со стороны тренеров и врачей.

С будущими пилотами были проведены и занятия в термокамере, где температура менялась в достаточно широких пределах: не было гарантии, что системы терморегулирования космических кораблей смогут работать надежно, чтобы обеспечить комфортные условия космонавтам. Поэтому будущих пилотов «Востоков» тренировали и на устойчивость к тепловым нагрузкам.

Тренировки космонавтов в термокамере проводили для определения их индивидуальной устойчивости к перегреванию, а также для повышения их устойчивости к гипертермии. Обычно эти тренировки выполнялись в три этапа. Первый этап включал в себя два ознакомительных пребывания в термокамере при температуре + 70 °С и относительной влажности воздуха до 30 %, которые преследовали цель определения предельного времени переносимости кандидатом в космонавты температуры воздуха + 70°С. Второй этап был тренировочным и предусматривал постепенно нарастающее время пребывания в тех же температурных условиях - 30, 40, 50, 60 и 70 минут. Обычно перерыв между воздействиями составлял 1-2 дня. На третьем этапе каждый слушатель-космонавт должен был дважды «отсидеть» в термокамере для определения индивидуального максимального времени пребывания в условиях замкнутой кабины при температуре +70 °С и 30% относительной влажности. За часовую тренировку

Он погиб до полета Гагарина...

будущий космонавт с потом терял около полутора–двух килограммов веса (4.5).

Еще одно испытание включало в себя «отсидки» в специальной «комнате тишины» - сурдокамере. Сурдокамера имела хорошую звукоизоляцию, и в нее не мог проникнуть извне ни один звук. В камере имелся стол для работы, была смонтирована приборная доска. Стул и узкая тахта служили для отдыха, рядом располагались небольшой холодильник с продуктами, а за шторкой – умывальник и туалет. Космонавты проводили в сурдокамере в полном одиночестве и изоляции от внешнего мира по 10–15 суток. На первом этапе космических исследований совершать полеты вокруг Земли предстояло на одноместном корабле, и руководители будущих полетов хотели убедиться, что каждый из кандидатов в космонавты сможет перенести длительное одиночество. Связь с испытуемым осуществлялась только с использованием условных световых сигналов.

Вот как описывает сурдобарокамеру и работу в ней журналист Борис Лукьянов в своей книге «Мы верим, друзья, караваны ракет...»:

«Сурдокамера изолирует человека от внешнего мира. Тишина, постоянное наблюдение телекамеры, изменение давления, неожиданные яркие вспышки света и другие факторы создают условия, приближенные к космическому путешествию. Вот где проверяются самочувствие, психологическое состояние, моральная закалка космонавта!

Что же представляет собой сурдокамера? Вообразите небольшую комнату, спрятанную за тремя стенами. Комната установлена на мягкие амортизаторы. Стены и потолок ее обиты особым материалом. Цвет его светлый и действует успокаивающе. Из мебели всего-навсего одно кресло, похожее на то, что установлено в космическом корабле, и стол. Переключатели передатчиков и радиоприемников, пульта управления, телевизор являются как бы «художественным»

Он погиб до полета Гагарина...

оформлением. Космонавта обеспечивают водой, продуктами, предметами быта. Ему ставят часы, но идут они... беззвучно.

В течение всего испытания за космонавтом при помощи новейших регистраторов велось постоянное наблюдение. Врачам открывался весь внутренний мир индивидуальных физиологических и психологических особенностей этого человека.

За космонавтами следили не только врачи. Киноаппарат зорко подмечал поведение, а магнитофон записывал каждое слово, каждую фразу».

Испытания слушателей-космонавтов в барокамере проводили для определения их индивидуальной устойчивости к умеренным степеням кислородного голодания, большим степеням разряжения атмосферы и быстрым перепадам барометрического давления. Будущих пилотов космических кораблей обычно «поднимали» в барокамере на пять и десять километров. Особенно неприятным для ребят из космического отряда оказалось испытание с «подъемом» на пять километров, а потом с быстрым «спуском» до земли. У некоторых космонавтов после этого «полета» были отмечены сильные головные боли.

В сурдобарокамере на стене находилась и специальная таблица с красными и чёрными цифрами. Она предназначалась для всестороннего изучения психологических особенностей человека и его реакций в условиях изоляции. Метод разработали профессора Ф.Д.Горбов и Л.Д.Чайкова. В таблице 49 квадратов, в ней без последовательности, в случайной комбинации, исключая возможность запоминания, чередуются цифры черного (от 1 до 25) и красного (1-24) цветов. Испытатель должен найти и назвать поочередно, то черное, то красное число, черные - в возрастающем порядке, а красные - в убывающем (например, 1-черная, 24 - красная и т.д.).

Во время выполнения этой методики, когда наступал наиболее трудный этап, создавались помехи:

речевые и звуковые. Приборы точно регистрировали время выполнения отдельных этапов задания, а на магнитофон записывались голосовые реакции испытателя, которые могли рассказать о его эмоциональном состоянии. Одновременно можно было проводить регистрацию биотоков мозга, а потом все сопоставлялось, анализировалось. Выверялись различия при выполнении заданий в первый, второй и последующие дни пребывания в камере, а также индивидуальные реакции и особенности исследуемых.

На первый взгляд испытания в сурдобарокамере кажутся несложными – какая сложность отсидеть в замкнутом помещении 10 или 15 суток. Но так только кажется. Владимир Лебедев в книге «Личность в экстремальных условиях» подробнейшим образом рассматривает проблемы, которые могут возникнуть у испытуемого в ходе одиночной изоляции:

«1. Монотонность.

В условиях космического полета – да еще в одиночестве, как на кораблях «Восток», - имеет место не только недостаток впечатлений из внешней среды. Наблюдается еще и значительное изменение в получении информации со стороны рецепторов вестибулярного и опорно-двигательного анализаторов, объясняемое малым объемом помещений и динамикой космических летательных аппаратов.

2. Рассогласование ритма сна и бодрствования

В связи с прецессией орбиты, т.е. своеобразными ее изменениями, не позволяющими космическим кораблям на «глухих» витках поддерживать радиосвязь, не всегда удается организовать для их экипажей искусственный ритм сна и бодрствования, который бы приближался к обычному земному ритму.

Анализ имеющихся материалов позволяет заключить, что при сдвигах от 3 до 12 часов сроки перестройки различных функций в соответствии с воздействием измененных «времядатчиков» колеблются

Он погиб до полета Гагарина...

от 4 до 15 и более суток. Космонавты на 12-13-й день полета стали отмечать явления утомления, сонливости.

Рассогласование в организме внутренних и внешних ритмов (десинхроз) в результате воздействия измененных времядатчиков и нарушения ритма сна бодрствования ведет к снижению функциональных возможностей (астенизации) нервной системы и развитию неврозов.

3. Ограничение информации

В длительных походах мы наблюдали у подводников невротические состояния, явно обусловленные отсутствием информации о больных родственниках, беременных женах, о зачислении в учебное заведение, предоставлении квартиры и т.д. При этом развивалось состояние тревожности, депрессия, нарушался сон. В ряде случаев приходилось прибегать к медикаментозному лечению. При получении людьми интересующей их информации, даже отрицательной (отказ в приеме в учебное заведение, в предоставлении квартиры и т.д.), все невротические явления полностью исчезали.

Испытуемые, проходившие длительные сурдокамерные испытания, в своих отчетах постоянно отмечали, что им очень хотелось знать, как живут близкие родственники и друзья, какие события происходят в стране и в мире. Их интересовали даже такие, казалось бы, мелочи, как погода. В экстремальных условиях единственным источником информации о близких людях, о событиях в мире и на родине, о достижениях в науке, спорте и т.д. является радио.

4. Одиночество

Этот фактор весьма существенно действует на психическое состояние, о чем свидетельствуют самонаблюдения людей, находящихся в условиях одиночества. Возможны галлюцинаторно-параноидные психозы, протекающие при ясном сознании и возникающие обычно при длительном одиночном заключении.

5. Сенсорный голод

Поскольку в обычных условиях человек чрезвычайно редко сталкивается с прекращением воздействия раздражителей на рецепторы, он не осознает этих воздействий и не отдает себе отчета, насколько важным условием для нормального функционирования его мозга является «загруженность» анализаторов. Вот как описывает воздействие сурдоэффекта в наших исследованиях Г.Т.Береговой: «И тут на меня обрушилась тишина... Я услышал свое дыхание и еще, как бьется мое сердце. И все. Больше ничего не было. Абсолютно ничего... Постепенно я стал ощущать какое-то беспокойство. Словами его было трудно определить; оно вызревало где-то внутри сознания и с каждой минутой росло... Подавить его, отделаться от него не удавалось...» Эмоциональная напряженность в первые двое суток в условиях изоляции и частичного прекращения внешнего воздействия на органы чувств (сенсорной депривации) объективно выражалась в показателях электроэнцефалограммы, кожно-гальванического рефлекса, частоты пульса, дыхания, а также в нарушении восприятия времени.

При полетах на кораблях класса «Восток» и «Союз», на которых невозможно было достаточно полно загрузить опорно-двигательный аппарат, космонавты испытывали потребность в мышечных усилиях. Г. Т. Береговой так охарактеризовал это состояние: «...тело начинает как бы тосковать по нагрузкам... Захотелось почувствовать самого себя, ощутить себя изнутри - волокнами мышц, связками суставов; захотелось спружиниться, что ли, выгнуться, подтянуться до хруста в костях...»

6. Ожившие образы

При невозможности удовлетворения сенсорных потребностей в необычных условиях активизируются процессы воображения, которые определенным образом воздействуют на образную память. В условиях

сенсорной недостаточности начинает усиленно работать воображение. Испытуемым в обычной обстановке, а затем в условиях Крайнего Севера предъявлялись незаконченные рисунки, которые нужно было дорисовать. В условиях относительной сенсорной недостаточности отмечалось субъективное облегчение выполнения этой задачи. Объективно же фиксировалось уменьшение времени ее выполнения. При чтении художественной литературы воображение у ряда лиц произвольно воссоздавало образы настолько ярко, «будто прокручивается кинофильм».

7. Психология скуки

В сурдокамерных экспериментах у ряда испытуемых через неделю появлялась эйфория, сменявшаяся сонливостью и потерей интереса к продолжению эксперимента. К концу десятого дня появлялись раздражительность и вспыльчивость. В дальнейшем обнаруживались снижение работоспособности, общее понижение психического тонуса, вялость и апатия, ослабление волевых процессов, эмоциональная лабильность, раздражительность, скука и тоска, расстройство сна.

Почти все испытуемые отмечали быструю утомляемость при предъявлении тестов на сообразительность, указывали на невозможность последовательно обдумывать тепличные ситуации («мысли стали короткими, перебивают друг друга, часто разбегаются»). В экстремальных условиях на этапе неустойчивой деятельности людей в их психическом статусе наблюдаются следующие изменения: снижение настроения (вялость, апатия, заторможенность), временами сменяющееся эйфорией, раздражительностью, вспыльчивостью; нарушения сна; нарушения способности сосредоточиться, т.е. ослабление внимания; снижение умственной работоспособности и ухудшение процессов памяти. Вся эта симптоматика укладывается в астенический синдром (истощение нервной системы).

8. Пароксизмы сна

В условиях частичного прекращения внешнего воздействия на органы чувств (сенсорной депривации) были изучены особенности сна и бодрствования при различных режимах: обычном, сдвинутом и дробном. В экспериментальных условиях без достаточного притока раздражителей из внешнего мира и от опорно-двигательного аппарата активизирующая система уже не может удерживать бодрствование на оптимальном уровне. В результате стабильного снижения исходного уровня бодрствования его колебания переходят границу между бодрствованием и сном, вызывая не только дремотное состояние, но и приступы засыпания в периоды бодрствования, т.е. регуляторные механизмы включают сон. То же самое, но только с обратным знаком характеризует и уровень глубины ночного сна, когда его колебания приводят к частым пробуждениям ночью.

Снижение уровней бодрствования и сна особенно отчетливо проявилось в наших экспериментах со сдвинутым и дробным режимами. Сонливость в часы бодрствования и нарушения сна в часы, отведенные для отдыха, стали при этом общей закономерностью. Возросла частота пароксизмов сна во время операторской деятельности. При сдвинутом распорядке дня в часы, предназначенные для активной деятельности, отмечалось выраженное снижение уровня бодрствования, отражавшееся на показателях работоспособности. Если при нормальном режиме испытуемые описывали состояние сна и бодрствования немногословно, то при измененном режиме описание этих состояний в дневниках занимало значительное место.

Испытуемый Б. Сдвинутый режим.

1-е сутки: «В 14 лег спать. В общей сложности проспал около 3-4 часов после отбоя и перед подъемом. Остальное время просто лежал спокойно».

Он погиб до полета Гагарина...

3-й сутки: «Единственное, что расходится с распорядком, - мало сплю, вторую ночь просыпаюсь в 18-19 часов и дальше до подъема или совсем не сплю, или дремлю».

6-е сутки: «Сплю по-настоящему мало, остальное время в полудреме».

Испытуемый В. Дробный режим.

1-е сутки: «В дневное время очень хочется спать, состояние вялое, ленивое».

4-е сутки: «Опять ночью спал очень плохо, а днем тянет ко сну, появилась апатия к физзарядке».

6-е сутки: «Сегодня по распорядку вставать не хочется, видно, сказывается систематическое недосыпание днем».

9. Между сном и бодрствованием

В условиях длительной сурдокамерной изоляции появляются гипнотические фазовые состояния - различные видения и слуховые галлюцинации. Во время космических полетов имеют место нарушения в восприятии. Так, во время полета В.Н.Волков записал: «В шлемофонах характерное потрескивание эфира... Внизу летела земная ночь. И вдруг из этой ночи сквозь толщу воздушного пространства... донесся лай собаки. Обыкновенной собаки, может, даже простой дворняжки... А потом... стал отчетливо слышен плач ребенка».

10. Искусство, рожденное тишиной

О процессе творчества в условиях частичного прекращения внешнего воздействия на органы чувств (сенсорной депривации) Г.Т.Береговой рассказывает: «По графику... мое личное время. Я стругаю ножом мягкую, податливую липу и думаю о своем будущем... Вместе со мной вторгается в космос и мое прошлое. Ведь именно оно привело меня сюда, в сурдокамеру, где я стругаю липу и веду бой с одиночеством, тишиной и сенсорным голодом... Может быть, именно сейчас самое время вспомнить его, взглянуть в себя, чтобы знать, что берешь с собой, готовясь покинуть Землю?.. Может быть, именно в этом скрывалась еще одна из причин

Он погиб до полета Гагарина...

того, что, даже выстругивая в минуты досуга из куска липы свой Як (самолет, на котором воевал.- Владимир Лебедев.), я стремился... осмыслить пройденный путь...» Характерно, что первую часть своей автобиографической книги «Угол атаки» он назвал «10 дней и вся моя жизнь». За 10 дней, проведенных в сурдокамере, он в основном и продумал этот раздел своих мемуаров.

Когда наши испытуемые выходили из сурдокамеры, они признавались с изумлением, что вовсе не подозревали у себя способностей к рисованию, литературному и поэтическому творчеству и совсем не ожидали от себя такой острой жажды выговориться, поразмышлять, сочинить нечто в ином жанре. В условиях изоляции человек получает возможность сосредоточиться на одной идее. Внешние факторы не нарушают здесь его сосредоточенности, имеющей одну определенную направленность» (4.6).

В книге Юрия Гагарина и Владимира Лебедева «Психология и космос» описывается испытание кандидатов в космонавты в сурдобарокамере:

«...Во время опытов в сурдокамере космонавтам и испытателям давалась определенная программа деятельности, занимавшая 4 часа в сутки. В остальное время они были предоставлены самим себе. Но если первым космонавтам (Гагарину, Титову, Николаеву и Поповичу) разрешалось пользоваться книгами, другие космонавты этого были лишены. В их распоряжении находились лишь набор цветных карандашей, бумага, деревянные чурбачки и нож. Перед ними ставилась задача - найти наиболее интересный для себя способ, как проводить свободное время, но конкретных указаний они не получали.

Первые дни в свободное время они знакомились с обстановкой в сурдокамере, изучали инструкции и нередко сидели, просто ничего не делая. Начиная со второго-третьего дня большинство из них оживлялось и начинало чем-то заниматься, притом не без увлечения.

Он погиб до полета Гагарина...

Если в начале опыта они готовились к операторской деятельности намного раньше положенного срока, то, найдя себе интересное занятие в свободное время, они с трудом и с некоторым сожалением отрывались от него.

Занятия эти были различны и зависели от индивидуальных склонностей каждого.

Титов в сурдокамере читал вслух стихи любимых поэтов, Попович пел украинские песни. Космонавты делали из дерева и подручных материалов (салфеток и ваты для протирания кожи, вышедших из строя деталей электрофизиологических датчиков и др.) различные модели и игрушки, писали рассказы и стихи. Вот один из образцов их творчества:

«Повесть о том, как я жил в сурдокамере

Это не путешествие. Я бы скорее назвал приключение. Эта записка (я назвал ее с юмором повестью) не столь интересна и занимательна, как произведения, скажем, Хвата «Пришедшие издалека», Стефана Цвейга «Магеллан», Теннера «30 лет среди индейцев». И все-таки вам любопытно будет узнать мир сурдокамеры, переживания человека в ней. Совсем не героя-исполина, а такого же, как вы сами.

Эти строки я пишу в сурдокамере на исходе четвертого дня. Возможно, гораздо красивее рассказ выглядел бы, если его написать после сурдокамеры, сидя в кресле за письменным столом. Но я боюсь забыть все переживания, боюсь исказить действительность.

Перед тем как попасть сюда, я много думал об этом грозном испытании. Режим сурдокамеры мне был знаком достаточно хорошо. Здесь можно жить и по прямому графику и по обратному. График предполагает время, по которому живет испытуемый. Первый полностью совпадает с астрономическим временем, а по второму получается так: когда во внешнем мире день, в сурдокамере - ночь.

Признаться, мне очень не хотелось жить по обратному графику. Это же еще дополнительная

Он погиб до полета Гагарина...

трудность. Надо сказать, что последнее время в моей жизни было много треволнений, и я надеялся, что врачи будут гуманны.

Но вот последняя беседа, и ведущий врач, Олег Николаевич, в категорической форме заявил: «Вообще это как раз не курорт, будете жить по-обратному!» Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал.

Собираю свои небольшие пожитки: спортивный костюм, логарифмическая линейка, пачка бумаги, карандаши и зубная паста. Мыться буду тампоном ваты, смоченным розовой водой, а зубы чистить языком.

И все-таки я протащил одну «незаконную вещь» — несколько одуванчиков, которые выкопал буквально перед входом в сурдокамеру. Вдруг очень захотелось взять с собой чуточку весны. Олег Николаевич увидел мой весенний букет и ничего не сказал. Право, не знаю, из каких соображений была позволена мне такая вольность.

И еще, я был растроган, когда меня спросили, какой концерт подготовить ко дню выхода. Попросил куплеты Мефистофеля и арию Фигаро в исполнении Муслима Магомаева, арию князя Игоря, любую запись концерта Эдиты Пьехи...» (4.7).

Очень точно и образно дает картину пребывания в сурдобарокамере поэт Валентин Вологдин. Он назвал свое стихотворение коротко и по-деловому - «Сурдокамера»:

«...Мир закрыт железными ставнями,
Отгорожен глухими шторами.
Ничего внутри не оставлено:
ни луча, ни стука, ни шороха.
Где ты? Что ты? Который век?
Есть ли кто-нибудь на Земле?
Стрелки замерли на шкале:
Посмотри на нас, человек!
Мы одни с тобой.
Мы одни.

Он погиб до полета Гагарина...

Нет ни птиц, ни весны, ни ветра.
За стеной пролетают дни
Миллионами километров.
Ты не наш, не земной, ничей,
Нет ни будущего, ни прошлого,
Ты летишь в темноту ночей,
В черный мрак, в энтропию брошенный,
Ты роняешь скупые фразы.
А в ответ — глухое молчание...
Только воля да светлый разум
Помогают сломить отчаянье...
Из дальних миров приказ:
- Опыт кончен. Покинуть комнату. -
Не свести напряженных глаз
С крышки люка, железом кованной.
И врывается свет Земли,
Трепет листьев на облачном фоне.
Слышишь? Радостный шум Земли
Краше музыки всех внеземных симфоний.

«Теоретические занятия переплетались с комплексом психофизиологических тренировок и испытаний, - вспоминал Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Евгений Хрунов. - Этот комплекс включал в себя разнообразные, очень разносторонние, не похожие друг на друга виды подготовки. Мы летали на самолетах в обычных условиях и по параболе Кеплера, когда создавались, хотя и кратковременные (25—40 секунд), условия состояния невесомости, тренировались в макете кабины космического корабля и на специальном тренажере, испытывали свою волю в специальной звукоизолированной сурдокамере, крутились на центрифугах, совершали парашютные прыжки. «Поднимались» в барокамерах на различные высоты, испытывали влияние холода, тепла, жары и многое-многое другое. Некоторые из элементов тех тренировок потом отпали как малоизученные или вовсе ненужные. Но тогда мы не знали, что является главным, а что второстепенным. И потому нас готовили ко всем

Он погиб до полета Гагарина...

вероятным и маловероятным неожиданным встречам, ситуациям, готовили к необычному - готовили к космосу».

И, конечно же, в число тех дисциплин, по которым занимались кандидаты в космонавты, входила и многосторонняя физическая подготовка. Ее и с первых дней занятий было ох как много! А в дальнейшем объем физических тренировок все возрастал и возрастал. К зиме 1960-1961 года в расписании занятий будущих космонавтов были представлены едва ли не все олимпийские виды спорта. Спортивные игры: зимой – хоккеем с шайбой и мячом, летом – футбол, баскетбол, волейбол, ручной мяч, теннис. Гимнастика: обычная – на гимнастических снарядах, атлетическая – со штангами, гантелями и эспандерами. Велосипед, лыжи и коньки. Обычное и подводное плавание. Акробатика и прыжки на батуте.

Еще никогда и нигде пилотов не готовили так тщательно, многосторонне и интенсивно. Все знали, что космос ошибок прощать не будет.

Глава 5. На пороге космоса

В результате проектно-конструкторских работ и их воплощения «в металле» уже к маю 1960 года СССР располагал прообразом первого в мире пилотируемого корабля. Космический корабль «Восток» состоял из двух основных отсеков: шарообразного спускаемого аппарата (отсека для размещения космонавта) и приборного отсека (отсека для размещения двигательной установки и оборудования). Отсеки соединялись между собой с помощью металлических лент и пиротехнических замков. Масса корабля - около 4,73 тонн. Длина (без антенн) – примерно 4,4 метра. Максимальный диаметр 2,43 метра.

В сентябре 1960 года Королев решил показать космонавтам прообраз будущего космического корабля «Восток». Главный конструктор пригласил их на завод в подмосковных Подлипках, на котором собиралась космическая техника.

Из книги А.П.Романова «Королев»:

«Цех поразил летчиков не только своими размерами, но и особой чистотой, отсутствием привычного заводского шума. По обеим сторонам центрального прохода на специальных подставках стояли серебристо-матовые шары большого диаметра. Возле них работали люди в белых халатах. Летчики только переглядывались: ничего сколько-нибудь похожего на авиационный завод. И что это за шары? Вот рабочий подошел к одному из них, поднялся по лесенке, подтянулся на руках и, легко проскользнув сквозь круглый входной люк, опустился в шар.

Сергей Павлович жестом пригласил всех к одному из шаров. Тут гостей ждали одетые в белые халаты смуглый с четкими, несколько заостренными чертами лица ведущий конструктор по кораблю Олег Генрихович Ивановский, его заместитель - молодой, с кудрявой шапкой волос Евгений Александрович Фролов и

Он погиб до полета Гагарина...

худощавый, с редкой сединой на висках проектант Константин Петрович Феоктистов.

Представив специалистов летчикам, Королев положил руку на корпус шара:

- Вот это кабина, или спускаемый аппарат космического корабля. Корабль - сложный и уникальный летательный аппарат. В различных его системах работает более двух с половиной сотен электронных ламп, более шести тысяч различных транзисторов, около шести десятков электродвигателей и до восьмисот различных электрических реле и переключателей. Многочисленные приборы и механизмы соединены между собой электрическими проводами общей протяженностью в пятнадцать километров и девятьюстами штепсельными разъемами. И вот вся эта непростая, прямо скажем, техника должна работать безукоризненно четко, надежно. Задача, как видите, вполне современная...

Летчики поднялись на площадку и со всех сторон обступили шар, заглядывая в него через входной люк.

- А кабина-то больше, чем в реактивном, - заметил Валерий Быковский. - Просторная, уютная...

- Вот только ручки или же штурвала управления недостает, - недоуменно заметил Павел Беляев.

- Чистая работа! - не удержался Павел Попович.

- А где же кресло пилота? - спросил Виктор Горбатко.

- Приборного оборудования куда меньше, чем в самолете, - удивился Андриян Николаев.

- Вероятно, все автоматизировано, - предположил Георгий Шонин.

Выждав, когда первые страсти поутихнут, Сергей Павлович вкратце рассказал летчикам о конструкции корабля и главных принципах действия его оборудования, различных систем.

- А как же возвратиться на Землю на этом бескрылом шарике? - раздался недоуменный голос.

Он погиб до полета Гагарина...

- Я ждал этого вопроса, - повернулся Королев к спрашивающему. - Разрабатывается тормозная двигательная установка. Она выведет корабль на траекторию спуска, затем произойдет отделение спускаемого отсека от агрегатного. Дальше - торможение сопротивлением атмосферы, и наконец - спуск при помощи парашютных систем. Есть два варианта в самом спускаемом аппарате или отдельно от него. Предпочтительнее пока второй. На нужной высоте срабатывает катапульта, и космонавт, покинув корабль, достигнет земли на индивидуальном парашюте.

Главный конструктор взглянул на летчиков, знал, что больше всего они не любят пользоваться катапультой. Помолчав, продолжил:

- Я знаю, тренируют вас с хорошим запасом прочности. Без этого нельзя. И центрифуга, и барокамера, и термокамера, и парашютная подготовка, и все прочее - это крайне необходимо» (4.8).

Молодые космонавты начали осваивать будущий корабль «Восток» и его бортовые системы. И тут выяснилось, что у многих из них не хватает теоретических и инженерных знаний. На помощь ребятам пришел их коллега по отряду Владимир Комаров. Он имел высшее инженерное образование и первым разобрался во всех сложных конструкциях космического корабля. Более того, одним из первых стал обживать «шарик». И в конечном итоге стал помогать инструктору тренировать всю группу. Комаров в буквальном смысле «натаскивал» коллег на космическую технику. А потом даже устроил «предэкзамен». Спрашивал строго, записывал ошибки в блокнот. Поначалу записей было очень много, но со временем становилось все меньше – знания и мастерство ребят-космонавтов росли.

Уже в конце июня 1960 года фактические руководители подготовки советских космонавтов Н.П. Каманин и Е.А. Карпов решили, что готовить к первым полетам сразу двадцать человек нерационально.

Он погиб до полета Гагарина...

Отсутствие в ЦПК своей учебно-лабораторной базы, количество имеющихся на тот момент тренажеров космического корабля «Восток» (всего один!) не могли обеспечить одновременную и качественную подготовку такого большого количества космонавтов. Поэтому из первых двадцати будущих покорителей космоса выделили «ударную» шестерку. В ее состав первоначально были включены:

Валентин Степанович Варламов,
Юрий Алексеевич Гагарин,
Анатолий Яковлевич Карташов,
Андрей Григорьевич Николаев,
Павел Романович Попович,
Герман Степанович Титов.

В первую очередь при отборе в лидирующую группу учитывали «габариты» будущих космонавтов, результаты различных нагрузочных проб, успехи в теоретических занятиях, уровень физической подготовки. Почему в «шестерке» не оказалось, например, Бориса Волынова и Георгия Шонина? Просто те, кто отбирал лидирующую группу, посчитали, что кандидат Борис Валентинович Волынов слишком широк в плечах, а кандидат в космонавты Георгий Степанович Шонин - слишком высок.

Марс Закирович Рафиков в книге «Парни из отряда «Икс» вспоминал:

«В стартовую команду вошли шесть человек – наиболее изящных, меньшего роста, чем остальные. Им в первую очередь шили скафандры и изготавливали ложементы (персональные кресла в космическом корабле), они первыми направлялись на заводы и предприятия, связанные с космическими делами».

Валентин Бондаренко в первую шестёрку тоже не попал. Возможно, потому что был самым молодым в отряде.

«Когда в мае 1960 года к первым полетам в космос начали готовить шестерых кандидатов, Валентин в их число не попал, - писал в книге «О тех, кто не вышел на

Он погиб до полета Гагарина...

орбиты» Вадим Молчанов. - Но он и не переживал, понимая, что у него все впереди. Ведь он был самым молодым в отряде - на целых 12 лет моложе самого старшего Павла Беляева и на полтора года моложе предпоследнего по возрасту Германа Титова» (4.9).

«Он был самым молодым летчиком в первом отряде космонавтов. И это был его единственный минус в соревновании с товарищами по отряду», - констатировал Василий Лесников в своей книге «Рядом с космонавтами. Гагаринское время. 1960-1969».

Расстроился ли Валентин Бондаренко из-за того, что не попал в первую «шестерку»? Как-то Герман Титов спросил его об этом.

- Ерунда, Герка, - Валентин улыбнулся и похлопал Титова по плечу. - Я хочу полететь повыше. На Луну! Ты еще обзавидуешься!

Вскоре по медицинским показаниям из состава «шестерки» выбыли Валентин Варламов и Анатолий Карташов. В лидирующей группе теперь значились:

Валерий Федорович Быковский,
Юрий Алексеевич Гагарин,
Григорий Григорьевич Нелюбов,
Андрян Григорьевич Николаев,
Павел Романович Попович,
Герман Степанович Титов.

С конца июня 1960 года лидирующая группа из шести слушателей-космонавтов получила приоритет и при проведении различных тренировок, и при доступе к тренажерам будущего космического корабля «Восток». Остальные четырнадцать будущих покорителей космоса тоже продолжали подготовку, но по программе с гораздо меньшей интенсивностью. В чем это выразалось? Первая группа получила приказ заниматься по 14 часов в сутки, вторая имела «щадящий» режим занятий - всего лишь по 10-12 часов в сутки.

Из воспоминаний Ивана Акандиновича Колосова - кандидата медицинских наук, полковника медицинской службы в отставке, который в 1960–1976 годах

Он погиб до полета Гагарина...

проходил службу в Центре подготовки космонавтов в должностях помощника ведущего врача, ведущего врача и начальника Лаборатории летно-космической подготовки:

«Рабочий день у меня начинался с 7 утра на зарядке вместе со слушателями-космонавтами. В 8.30 мы разъезжались на тренировки или на полеты и домой возвращались в 20-21 час. На тренировки нам приходилось ездить в Москву, Подлипки, Томилино и Раменское. Работали слушатели и врачи много и с большим желанием. Помыслы у всех нас были одни - как можно лучше провести тренировку. К концу дня все сильно уставали, но ночной сон полностью восстанавливал силы, и на следующий день мы вновь ехали на тренировки».

Работали кандидаты в космонавты действительно много – в буквальном смысле «от зари до зари». А вот как оплачивался их труд? Потом, уже после полета Гагарина и Титова, по советской стране «гуляли» самые невероятные слухи о заработной плате покорителей Вселенной – мол, «отгребают» они в месяц не одну тыщонку рубликов.

По тогдашним советским меркам космонавты обеспечивались вполне приемлемо, хотя их оклады ненамного превышали оклады обычных военных летчиков. Кандидат в космонавты старший лейтенант Валентин Бондаренко в месяц имел: оклад - 325 руб., выслуга лет – 55 руб., звание – 60 руб., класс – 0 руб., всего – 440 руб.

На такие деньги в начале шестидесятых годов прошлого века вполне можно было прожить и прокормить семью. Тем более что и уровень цен в те годы был очень низким. Так, в 1962 году 10 яиц стоили 90 копеек, литр молока - 16 копеек, бутылка пива - 37 копеек, батон хлеба - 22 копейки, килограмм мяса - 2 рубля 20 копеек. Приличный костюм можно было купить за 100-120 рублей, автомобиль «Москвич» - за 3650 рублей, «Волгу» - за 4 500 рублей.

Он погиб до полета Гагарина...

Конечно, по сравнению с заработной платой простого советского инженера, который в лучшем случае имел в месяц 100–120 рублей зарплаты, доходы космонавтов кажутся очень высокими. В те годы средняя заработная плата научного сотрудника тогда составляла 110-120 рублей, заведующего кафедрой - 200-250 рублей. То есть кандидат в космонавты Валентин Бондаренко получал в месяц примерно раза в два больше, чем завкафедрой какого-нибудь высшего учебного заведения. Но заведующие кафедрами не рисковали едва ли не ежедневно своим здоровьем и даже жизнью...

И, конечно же, не было никаких «трех тысяч в месяц каждому космонавту и специальных премий», упорные слухи о которых ходили по стране в те годы.

Несмотря на большую умственную и физическую нагрузку, у кандидатов в космонавты на все хватало сил. В воскресные дни они часто организовывали коллективные посещения театров и различных спортивных мероприятий. Очень часто после окончания ежедневной программы подготовки собирались все вместе где-нибудь тут же на лесной поляне, где и всерьез, а часто – и с юмором, обсуждали текущие дела и строили планы.

На всем протяжении подготовки к полету космонавтов первого отряда очень тщательно анализировались успехи и недостатки каждого из них, корректировалась методика тренировок, в том числе и с учетом индивидуальных особенностей молодых пилотов.

...В фондах музея Центра подготовки космонавтов имени Гагарина в Звездном городке находится более двадцати тысяч различных документов и экспонатов, рассказывающих об экипажах космических кораблей. Вся информация о кандидате в космонавты Валентине Васильевиче Бондаренко собрана в одной тоненькой картонной папке. Здесь находятся фотография из личного дела, автобиография, написанная рукой

Он погиб до полета Гагарина...

Валентина, выписка из экзаменационных ведомостей Армавирского военного училища, диплом об окончании училища, орденская книжка. И это все...

А еще остались воспоминания друзей-космонавтов, людей, которые знали Валентина.

Многие вспоминают, что в отряде космонавтов Валя увлекался футболом и настольным теннисом. Очень любил петь. У него был хороший музыкальный слух и прекрасный голос.

«Валя был очень добродушным, весёлым парнем, - вспоминал дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Павел Романович Попович. - Сам любил пошутить и никогда не обижался, когда подшучивали над ним. Он отлично пел, голос и слух - выше всяких похвал. Мы называли его «Звоночек». Отлично играл в футбол...»

«Валентин Бондаренко, - рассказывал кандидат в космонавты Анатолий Карташов, - жил выше всех, на пятом этаже офицерской «хрущевки» (в трехкомнатной квартире № 73, которую он какое-то время делил вместе с Георгием Шониным – С.Ч.). Он спускался с криками «Подъем! На зарядку, на зарядку!», всех будил, нажимая по очереди кнопку звонка. Я жил на четвертом. Ниже - Горбатко, Хрунов, Волынов, Варламов...» (5.1).

Единственные кинокадры, на которых можно увидеть Валентина Бондаренко во время подготовки в отряде космонавтов, - это как раз съемка во время утренней зарядки космонавтов. Вот он во время общей пробежки... Вот Валентин в прыжке головой достает в полете мяч... Улыбающийся Валентин на берегу озера попадает в кадр снимающего тренировку кинооператора...

«Валентина полюбили в отряде, - писал в своей книге «О тех, кто не вышел на орбиты» Вадим Молчанов. - А сам он любил песни, любил угощать и слушать старших товарищей. Павел Попович рассказывал, что Бондаренко в отряде прозвали Звоночком.

Он погиб до полета Гагарина...

Символическое прозвище. От него веет лаской и доброжелательностью».

«В настольный теннис Валентина никто обыграть не мог, - вспоминал дважды Герой Советского Союза, лётчик-космонавт СССР Алексей Леонов. - Он никогда не обижался на дружеские шутки. А когда «попадался», то смеялся вместе со всеми. Если у человека есть чувство юмора и относительно себя - это, как правило, добрый человек. Смелости и решимости ему было не занимать».

Товарищи Валентина Бондаренко по отряду космонавтов вспоминают такой случай. Однажды на подоконник из квартиры на пятом этаже вылез мальчишка и в страхе застыл – боится даже пошелохнуться. Внизу тут же собралась охающая и ахающая перепуганная толпа. Криками стали уговаривать мальчонку вернуться обратно, в квартиру. Но он боялся поворачиваться на подоконнике. И тут подошел Валентин Бондаренко. Среагировал мгновенно: залез по водосточной трубе на уровень пятого этажа, перебрался на подоконник и стащил ребенка обратно в окно квартиры. «Меня и теперь трясёт, когда вспоминаю, как Валентин поднимался по водосточной трубе. А ведь каждую секунду он мог свалиться вместе с трубой», - рассказывал Герой Советского Союза, лётчик-космонавт СССР Георгий Шонин.

Валентин вышел из квартиры, спустился вниз, во дворе его встретили, как героя, а он, смущенно улыбаясь, отмахнулся: «Бывает и куда сложнее». И спокойно пошел по своим делам.

В книге Георгия Шонина «Самые первые» читаем:

«В то время, когда строилось Звездный городок, мы жили в одной квартире с младшим из трех наших Валентинов (Георгий Шонин имеет в виду кандидатов в космонавты Валентина Варламова, Валентина Филатьева и Валентина Бондаренко – С.Ч.), веселым и общительным парнем. Иногда Валентин мог погорячиться, но без злобы и обиды, буквально на мгновение, сорвется и сразу покраснеет, устыдится

Он погиб до полета Гагарина...

своей невыдержанности. Я всегда восхищался его самоотверженностью и решительностью.

Бывало, во время спортивных игр вспыхнут страсти и кто-нибудь, обидевшись на Валентина-младшего за неразрешенный прием, бросит крепкое слово в его адрес. Но он, как это ни странно, не обидится, спокойно ответит:

- Точно, я именно такой. А ты разве еще не знал об этом?

И инцидент исчерпан.

Валентин очень любил своего отца. Он гордился им, бывшим партизанским разведчиком. По вечерам, когда мы выходили на балкон подышать перед сном, он много и интересно рассказывал о нем. А когда приезжал в гости отец, он не знал, куда его посадить» (5.2).

Интересное отражение нашел образ Валентина Бондаренко и в художественной литературе. Так, бывший участник подготовки советских космонавтов и писатель Василий Лесников в своей пьесе «Космические игры» описывает взаимоотношения космонавтов первого отряда. Правда, в пьесе почему-то представлены только семь космонавтов из двадцати – лидирующая «шестерка» (Юрий Гагарин, Герман Титов, Григорий Нелюбов, Андриян Николаев, Павел Попович и Валерий Быковский) и... Валентин Бондаренко. При этом образ Бондаренко введен в повествование для того, чтобы показать, как Валентина в буквальном смысле третирует так и не полетевший в космос Григорий Нелюбов. Защищает и почти по-отечески опекает молодого космонавта, конечно же, Юрий Гагарин. Приведем несколько характерных эпизодов из текста пьесы:

«Эпизод 1.

БОНДАРЕНКО. А ведь верно, мужики. Мы почти не летаем, а времени свободного почти нет. Я уже и забыл, как это можно вечером с друзьями за бутылкой пивка посидеть. Хотя... если честно признаться, я и мечтать не мог получить провозные с такими инструкторами-

Он погиб до полета Гагарина...

летчиками! Что ни инструктор, то живая легенда. Я с ними за один тренировочный полет будто весь академический курс высшего пилотажа проходил! Думал раньше, что что-то умею, а теперь... Разве до них дотянешься?!

НЕЛЮБОВ. Пацан! Пора бы от сиськи оторваться. Тебе даже не семнадцать лет!

БОНДАРЕНКО. При чем тут?... Да, я самый молодой в отряде. Но я ведь о летчиках! Они же испытатели! Каждое имя...

НЕЛЮБОВ. А я о самостоятельности! Паршивый из тебя, видать, был летчик, а космонавт... \Махнул рукой, отвернулся\

БОНДАРЕНКО. Чего он? Я ведь... Он же ...

ГАГАРИН. Ты не ответил ему на равных, Валентин – и ты проиграл. У нас ребята добрые, но суровые... Не смей прощать таких вещей, парень! Затопчут! Здесь идет тихая, но страшная война. Война личностей. Пора тебе это понять... Если хочешь чего-нибудь добиться.

БОНДАРЕНКО. Он старше... Меня учили...

ГАГАРИН. А разве ты кукла? Но летаешь ты хорошо.

БОНДАРЕНКО. Правда? Мне ... инструктор сам предложил повторить его действия. Я даже не просил и не надеялся.

ГАГАРИН. Все хорошо было, Валя. Очень!... Но на земле будь тверже с ребятами.

БОНДАРЕНКО. Не могу я... Хоть и стараюсь... Знаешь, я ведь думал, что не попаду в отряд. После медкомиссии мужики потребовали поставить отходную. Я не смог отказать. А утром... В общем, выговор схлопотал я один. Отсидел сутки на гауптвахте. И даже не знаю до сих пор, почему меня не завернули.

ГАГАРИН. Может быть, посчитали, что ты получил хороший урок?

БОНДАРЕНКО. Не знаю... Только характер у меня остался прежний.

Он погиб до полета Гагарина...

Эпизод 2.

БОНДАРЕНКО. Но ведь летчики-испытатели перед первым полетом нового самолета тысячи раз проигрывают возможные аварийные ситуации на тренажерах. А нам что – сразу с листа и в полет?

ГАГАРИН. Согласен. Наземный тренажер нужен. И, наверное, он будет. Как, впрочем, и учебе по полной программе. Те научно-популярные лекции, которые нам читают, это, по-моему, еще не учеба.

БЫКОВСКИЙ. Испытателей не учат. Ими становятся. А мы...

БОНДАРЕНКО. Верно. Почему среди нас нет летчиков-испытателей? Ведь с их опытом многое решалось бы гораздо проще.

НЕЛЮБОВ. С их опытом ты полетишь в космос в последнюю очередь. Согласен на такую перспективу?... Я разговаривал кое с кем из них. Им просто неинтересно то, чем занимаемся мы. Вот кто из вас может представить себе летчика-испытателя, несколько месяцев сидящего за партой? Без самостоятельных полетов! В ожидании какой-то призрачной надежды то ли на славу, то ли... на гроб... Похоже, мужики, обдурили нас здорово. А испытатели не дураки. Они придут, когда летать в космос станет интересно... После Жучек.

Эпизод 3.

НЕЛЮБОВ. Коперник! Муж науки. Тебе мед, так сразу же и ложкой. Ладно. С психикой ясно. Тут дело темное, и только полет все решит. А вот с техникой?... В авиации как? И тут наши детишки, \смотрит на Бондаренко\, кое в чем правы. Новый самолет сначала учат бегать по бетонке, потом отрыв от Земли, потом кружочек поменьше над аэродромом. И уж только потом дальше, быстрее, выше. Так что давайте выделим для первого полета несколько минут. Нырнем в космос на несколько минут и обратно. А дальше видно будет. Во всяком случае, для этого управление кораблем не понадобится. Не успеешь и за ручку схватиться.

Он погиб до полета Гагарина...

БОНДАРЕНКО. Я понял так по лекциям, что инженеры и не хотят, чтобы мы хватались за ручку.

БЫКОВСКИЙ. Да пусть для начала хоть так, лишь бы по бетонке зря не бегать! Скучотища! Факт. Надо хоть что-то сделать конкретное.

Эпизод 4.

ГАГАРИН. Верно. Но я лично верю тем, кто создает корабль.

БОНДАРЕНКО. Нельзя без веры. Иначе... дрогнуть можно в самый неподходящий момент.

НЕЛЮБОВ. Был пацаном ты, пацаном и остался. Конструктору нужны не вера, а испытатели, которые в случае необходимости могут пойти и на риск. Вот только... Испытатель самолетов всегда знает, что в случае осложнений у него всегда есть парашют. А что нам предлагают? Ну вот, хотя бы как с этим спутником?!... Должен признать – риск велик» (5.3).

Кто такой Василий Лесников? Родился 6 марта 1940 года – значит, в 1961 году, когда погиб Валентин Бондаренко, ему был двадцать один год. В 70-90-х годах минувшего века служил в Центре подготовки космонавтов имени Ю.А.Гагарина. Автор очерков и статей в газетах и журналах, а также в книжных сборниках. Соавтор книги «Не могло быть иначе» вместе с космонавтом Павлом Поповичем. Осуществил литературную запись книги Павла Поповича «Испытания космосом и землей». Участником или очевидцем событий 1960-1961 года не был.

Все написанное Василием Лесниковым в его пьесе – плод авторской фантазии. Увы, некоторые читатели принимают ее за реальность. На самом же деле вряд ли Григорий Нелюбов мог называть своего коллегу Валентина Бондаренко «пацаном», которого от «сиськи оторвали» - хотя бы потому, что разница в возрасте между ними была всего три года: Григорий родился в 1934-м, Валентин – в 1937-м. На возраст друг друга будущие космонавты вообще обращали мало внимания.

Он погиб до полета Гагарина...

Тем более что в отряде были и более старшие по возрасту коллеги. Например, Павел Беляев был 1925 года рождения, Владимир Комаров – 1927 года, Павел Попович – 1930 года.

Да и Валентин Бондаренко далеко не был беззащитным мямлей, который не мог дать отпор хамству. Зачем же понадобилось его таким изображать? Об этом лучше всего спросить самого писателя Лесникова.

...Первоначально первый космический полет человека ориентировочно и слишком оптимистично намечался на 5 ноября 1960 года – канун очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Но уже летом 1960 года стало ясно, что эти планы далеки от реальности. Космический корабль «Восток», на котором предстояло штурмовать космос, не был еще готов даже к испытаниям в беспилотном варианте. Молодые космонавты пока учились разбираться в космической технике на тренажере – имитаторе космического корабля.

В декабре 1960 года кандидаты в космонавты приступили к тренировкам по управлению космическим кораблем и его системами. Они должны были научиться выполнять различные виды ориентации корабля, ведению радиосвязи с наземным центром управления и многочасовой работе в скафандре. Также тщательно отработывался порядок действий после приземления и приводнения.

Как и его коллеги, Валентин Бондаренко получил индивидуальное задание на первую тренировку в макете космического корабля: предстояло на практике отработать посадку в кабину корабля и осмотр ее бортовых систем. Все было очень непривычно и необычно для кандидата в космонавты. В корабле приходилось находиться в полугоризонтальном положении. И в таком необычном для летчика положении необходимо было научиться управлять

Он погиб до полета Гагарина...

кораблем и его бортовыми системами. Валентин начал работать.

После окончания тренировки, которой руководил опытный летчик-инструктор Е.Е.Целикин, были тщательно разобраны все ошибки и недочеты в работе кандидата в космонавты. На следующей тренировке в «Востоке» Валентин отрабатывал управление ориентацией корабля по Земле с помощью оптического визира перед включением тормозной двигательной установки для торможения при посадке на Землю.

Постепенно у него вырабатывались новые рабочие навыки, возникали новые критерии оценки системы управления и всей деятельности по управлению космическим кораблем. От тренировки к тренировке поэтапно проигрывался весь космический полет - от посадки космонавта в корабль перед стартом на космодроме до приземления после выполнения полета.

Во время тренировок Валентин часто пытался представить себе в воображении реальный космический полет, но, скажем прямо, это удавалось плохо. Как на самом деле будет там, в невесомости, на околоземной орбите? Этого не знал никто, никто еще не летал в космос и еще никто не ощутил на себе реальности космического полета.

А испытательные пуски беспилотных кораблей шли своим чередом и с переменным успехом. 15 мая 1960 года со стартовой площадки космодрома Байконур был запущен первый советский космический корабль-спутник (заводской индекс 1КП). Это был простейший прообраз будущего пилотируемого корабля «Восток». Хотя на нем еще не было системы жизнеобеспечения для космонавта и не устанавливалась тепловая защита, первый корабль-спутник через четыре дня космического полета по командам с Земли произвел имитацию спуска. Однако из-за отказа одного из блоков системы ориентации тормозной импульс двигателя был направлен не в ту сторону, в какую требовалось для

Он погиб до полета Гагарина...

входа герметичной кабины корабля в земную атмосферу. Поэтому корабль-спутник вместо спуска перешел на более высокую орбиту. Обо всех этих перипетиях испытательного полета на следующий же день было честно и открыто сообщено в информации Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС).

Не прошло и суток, как прозвучавшей в эфире информацией заинтересовались разведывательные службы США. Вывод аналитиков ЦРУ был однозначен: фразы из сообщения ТАСС о том, что «в течение последних лет в Советском Союзе проводятся научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по подготовке полета человека в космическое пространство» и что корабль-спутник - это и есть такой космический корабль «для длительных полетов человека в космическом пространстве», не являются обычной «коммунистической пропагандой». Советский Союз действительно приступил к испытаниям космической техники для запуска космонавтов на околоземные орбиты.

Космический корабль стали доводить до требуемого уровня надежности. Следующим этапом были испытания кораблей-спутников, пассажирами которых стали собаки. К сожалению, второй корабль с собаками Лисичкой и Чайкой на орбиту не вышел из-за аварии двигательной установки первой ступени. Следующая попытка запуска животных в космос с намерением вернуть их на Землю была предпринята 19 августа 1960 года. В этот день впервые в мире удалось запустить в космос, а затем вернуть на Землю живыми и здоровыми собак Белку и Стрелку вместе с другими живыми организмами.

Успех, как известно, окрыляет. 11 октября 1960 года Никита Сергеевич Хрущев подписывает Совместное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в котором запуск человека в космос объявляется особо важной задачей и намечается на декабрь 1960 года.

Он погиб до полета Гагарина...

Но успешное проведение летно-конструкторских испытаний корабля-спутника в августе 1960 года в любом случае еще предстояло закрепить новыми удачными пусками беспилотных кораблей. Сергей Павлович Королев не собирался рисковать жизнями испытателей космической техники и принял твердое решение: только после двух удачных полетов беспилотных кораблей с собаками на борту мог последовать первый полет человека в космос.

Как назло, началась черная полоса неприятностей. Очередной запуск корабля-спутника состоялся 1 декабря 1960 года. Выведение на орбиту и сам полет в космическом пространстве прошли нормально. Но при возвращении на Землю случилась беда. Из-за нерасчетного угла входа в плотные слои атмосферы корабль вместе с собаками Пчелкой и Мушкой пошел на посадку по продолжительной пологой траектории и должен был сесть за пределами территории Советского Союза. Секретный космический корабль не должен был попасть в чужие руки. Поэтому система аварийного подрыва объекта уничтожила беспилотный корабль еще в верхних слоях атмосферы.

22 декабря состоялся следующий пуск, но вновь произошла авария: раньше положенного времени выключилась двигательная установка третьей ступени, и корабль произвел аварийную посадку в лесах Якутии, недалеко от города Туры. К счастью, летевшая в космос собака осталась жива.

Следующие пуски кораблей-спутников инженеры и конструкторы готовили с особой тщательностью. Они должны были стать «зачетными» перед запуском в космос человека.

9 марта 1961 года состоялся полет четвертого космического корабля-спутника. Собака Чернушка и одетый в скафандр космонавта манекен «Иван Иванович» облетели Землю и успешно приземлились.

Он погиб до полета Гагарина...

На конец марта был намечен зачетный полет – если он пройдет успешно, то следующий корабль будет уже пилотируемым.

13 марта 1961 года кандидату в космонавты Валентину Бондаренко предстояло начать десятидневный тест в сурдобарокамере.

«...Наш общий знакомый виделся с ним в 1960-м, – вспоминал позднее Леонид Голенко. – Валя говорил, что летает, но сказать где – не может, военная тайна. И еще сказал, что о нем скоро услышат».

Не услышали...

Глава 6. Трагедия в «Мавритании»

Перед полетом в космос проводились наземные тестовые испытания всех бортовых систем космического корабля «Восток» - причем в самых экстремальных ситуациях. Для этого был сформирован даже специальный отряд испытателей. Александр Железняков в книге «Секретный космос. Были ли предшественники у Гагарина?» писал:

«Предоставлю слово, пожалуй, самому известному испытателю космической техники в нашей стране, Герою России Сергею Павловичу Нефедову. В первом отряде испытателей он стал тридцатым по счету, зато первым – по выносливости. Если в барокамере его коллег «поднимали» на высоту пять тысяч метров без кислорода на полчаса, то Нефедова – на семь тысяч метров на час. Потом его единственного «запускали» на высоту пятнадцать километров с кислородной маской, затем давали критические перегрузки на центрифуге, на тридцать суток помещали в сурдокамеру (а до этого американцы, к примеру, утверждали, что человек не может выдержать в ней более пятнадцати дней), «крутили» в тренажерах, проводили медицинские эксперименты.

Вот что Сергей Нефедов вспоминает о своей работе в первые годы космической эры:

«Больше двадцати лет я был основным испытателем космической техники. На мне впервые отработывали и испытывали системы жизнеобеспечения космонавтов, средства спасения, которые были на борту кораблей «Восток», «Восход» и «Союз». Я первым ходил в невесомость – тогда только-только была создана специальная лаборатория для тренировок космонавтов. Потом на меня первого шили скафандр – предшественник того, в котором летал Юра Гагарин.

Он погиб до полета Гагарина...

Но как его шили! Приехал я на завод, меня всего начали обматывать гипсом – статую, говорят, будем делать. И действительно сделали по форме тела статую и по этой статуе шили скафандр. Тогда много чего было неизвестно. Поэтому считалось: скафандр надо шить точно по телу.

Тогда же я познакомился с Сергеем Павловичем Королевым. Первый эксперимент у меня был – пять суток просидеть в скафандре в корабле «Восток». Выясняли, можно ли управлять кораблем в скафандре, как работают регенерационные системы, как обеспечивается подача воздуха. Не знали даже, как пить, как поесть, как в туалет сходить в корабле.

Закончил, поставили задачу посерьезней – отсидеть 15 суток. Причем не просто так. Королев предупредил: «Сережа, будем создавать аварийные условия, экстремальные». И начали. Сначала дали в корабле температуру минус 60 – вроде как отказ системы и нужно понять, защитит ли тебя скафандр, сможешь ли управлять кораблем. Выдержал трое суток. Потом имитировали разгерметизацию кабины. Семь суток я прожил на высоте пятидесяти километров над землей в разгерметизированной капсуле.

А уже прямо перед полетом Гагарина, в конце января 1961-го, посадили меня на зачетный эксперимент. Месяц прожить в корабле «Восток». Необходимо было проработать все ситуации, которые могли возникнуть в полете. Отказ двигательной системы мог произойти, когда корабль не удастся вернуть назад? Мог. Программа была сложнейшая. И разгерметизация, и перепады температур, и отказ регенерационной системы, и ремонт ее. При этом я должен был управлять кораблем, выполнять психотесты. Когда вышел, выяснилось, тринадцать килограммов потерял. И еще одна проблема была. Датчики медицинские тогда к телу приклеивали. За месяц на месте, где их крепили, язвы образовывались. Когда сняли скафандр, кожа отваливалась вместе с датчиками.

Он погиб до полета Гагарина...

Корабль, в котором проходил мой зачетный эксперимент, назывался «Восток-0». Все свои замечания и ощущения я записал в бортовой журнал, который потом передал Гагарину» (6.1).

Для кандидатов в космонавты планировались не столь жесткие испытания. Задачей при таких испытаниях была не проверка техники, а проверка самого человека, будущего пилота космического корабля. Как уже говорилось выше, одной из таких проверок был тест в сурдобарокамере.

Стационарная сурдобарокамера СКБ-48 предназначалась для проведения высотных испытаний летного состава в целях определения его годности к высотным полетам, а также для проведения исследований в условиях разреженной атмосферы. В период с 1960 по 1961 год основное назначение сурдобарокамеры - проведение длительных (10-15 суток) физиологических, психологических экспериментов и других исследований с кандидатами в космонавты.

Технические данные сурдобарокамеры СКБ-48:

- наружные габариты СКБ-48: длина – 3 метра 89 сантиметров, ширина – 1метр 74 сантиметра, высота - 1метр 98 сантиметров;

- внутренние габариты СКБ-48:

1) камера: длина - 2 метра 44 сантиметра, ширина - 1метр 47 сантиметров, высота - 1метр 98 сантиметров;

2) шлюз: длина – 97 сантиметров, ширина 1 метр 47 сантиметров, высота - 1метр 98 сантиметров

- полезный объем - 7 кубических метров;

- общий вес – 6982 килограмма;

- максимальная высота подъема - до 12 километров 500 метров, скорость подъема - до 12000 метров за 2 минуты.

Вот как описывает сурдобарокамеру Николай Ларьков в книге «Харьков космический»:

«Сурдобарокамера чем-то напоминает большой сейф с двумя массивными, расположенными друг за

Он погиб до полета Гагарина...

другом дверями. Внутри - напротив дверей у стены - кресло, в котором предстоит работать и отдыхать. На стенах - различные датчики и оборудование: специальный пульт, глазок телекамеры, специальные часы, которые то спешат, то отстают, чтобы по ним нельзя было определить время и число прошедших суток. Электроплитка для подогрева пищи. Среди всего этого выделяется красная кнопка: при ее нажатии эксперимент прекращается. Чуть выше головы - полка, на которой необходимые предметы быта и в строгом порядке по суткам помещен пятнадцатидневный рацион космонавта. (Впоследствии А. Леонов, с которым у меня сложились наиболее теплые отношения среди всех знакомых мне космонавтов, говорил, что по оставшимся пакетам он считал дни до конца эксперимента). От кресла до двери два шага. Вытянутая рука упирается в потолок.

Обе массивные двери с мягкими уплотнениями закрываются винтовыми замками и опечатываются, чтобы быть распечатанными только по завершении эксперимента. Барометрическое давление снижается до пятисот двадцати миллиметров ртутного столба, содержание кислорода увеличивается до 40 процентов. По громкоговорителю, установленному в сурдобарокамере, сообщается, что вошедший находится «на высоте пяти тысяч метров», и громкоговоритель отключается на все пятнадцать суток...» (6.2).

По графику очередности подготовки кандидатов в космонавты в сурдобарокамере в НИИ-7 ВВС (ныне Институт авиационной и космической медицины) Валентин Бондаренко должен был начать испытания 13 марта 1961 года. Он был далеко не первым из числа своих коллег-кандидатов в космонавты, кому предстояло пройти эту тренировку – до Валентина Бондаренко шестнадцать его товарищей успешно справились с «отсидкой» в «сурдобаро». Так, к примеру, Юрий Гагарин прошел тренировку в сурдобарокамере с 26 июля по 5 августа 1960 года. К марту в отряде

Он погиб до полета Гагарина...

осталось восемнадцать человек – уже выбыли по медицинским показателям Анатолий Карташов и Валентин Варламов. Значит, Валентин Бондаренко был предпоследним на этих испытаниях. То есть не предполагалось ничего экстраординарного – методика тестов хорошо отработана и многократно проверена. Но отработка методики еще не гарантировала удачных индивидуальных результатов «отсидки». В пятидесятые годы проводились аналогичные опыты в лаборатории военно-воздушных сил США по космическим полетам:

«Четверо наугад отобранных летчиков были одновременно помещены в четыре совершенно одинаковые сурдокамеры. Они должны были пробыть в этих «обителях тишины» около полутора суток. Но когда прошло немногим более двадцати часов, из сурдокамер начали поступать по радио удивительные сообщения.

Один из испытуемых утверждал, что его камера быстро вращается, хотя на самом деле она была совершенно неподвижна.

Другой жаловался на боль в глазах оттого, что изображение на экране телевизора, находившегося внутри его камеры, расплывалось. В действительности же телевизор работал вполне исправно, без всяких помех. Лаборант, который наблюдал за работой аппаратуры через специальную смотровую щель, это ясно видел.

Однако все попытки убедить испытуемого, что он ошибается, ни к чему не привели - летчик настоятельно требовал выпустить его на свободу. Когда это было сделано, «пострадавший» немедленно отправился к главному врачу. Однако врач, осмотрев его, подтвердил, что зрение в полном порядке. Тогда пилот дополнительно сообщил, что во время пребывания в камере он ясно видел, как над ним смыкаются стены.

В третьей камере неприятности также исходили от телевизора. Испытуемый утверждал, что от экрана пышет жаром, и требовал немедленно прекратить «пытку». В конце концов, пришлось выключить

Он погиб до полета Гагарина...

телевизионную установку, и тотчас же нилот сообщил, что чувствует себя лучше. Телевизор включили через три часа, и ощущение нестерпимой жары возникло снова. Испытуемый даже «увидел» на экране прогоревшее место.

Наконец, четвертый пилот, благополучно пробыв в своей камере около тридцати часов, вдруг совершенно отчетливо увидел, как приборная доска начала плавиться и по каплям стекать на пол. Испытуемого охватил панический ужас...

Странные, удивительные вещи «видели» американские летчики в своих сурдокамерах. Но в действительности ничего подобного не происходило, вся аппаратура работала совершенно нормально» (6.3).

Из будущих советских космонавтов первым отправился «покорять сурдобаро» Валерий Быковский. Журналист Борис Лукьянов писал в своей книге «Мы верим, друзья, караваны ракет...»:

«На первых порах Валерий вел себя не совсем обычно. Торопился, хотя спешить ему было некуда. Закончив с одним делом, вставал, задумывался, как бы припоминая, что ему делать дальше. Брался за телеграфный ключ и, торопясь, выстукивал: «Температура воздуха... давление... влажность...» и другие данные, относящиеся к нему самому и к состоянию «жилья».

В течение суток в камере по несколько раз менялось давление, неожиданно врывались то яркие световые вспышки, то резкие звуки. Валерий реагировал на все спокойно. Он разумно и своевременно принимал необходимые меры. Отличным был у него и сон. Спал спокойно и глубоко, просыпался точно в нужное время, быстро включался в заданную программой работу. Хотя в камере имелись лишь обычные часы и не было будильника, по тому, как четко соблюдал Валерий распорядок дня, экспериментаторы могли проверять свои часы.

Он погиб до полета Гагарина...

«Скучать не пришлось, - добавляет Валерий Быковский. - Приборы требовали внимания, и я следил за их показаниями, упражнялся с таблицей. В свободное время читал «Занимательную математику», произведения Цвейга, книгу по психологии, рисовал карикатуры, распевал любимые песни, хотя на такие развлечения времени оставалось немного - рабочий день был довольно уплотненным.

Правда, первое время чувствовал себя несколько скованно, зная, что телевизионный глазок бдительно следит за каждым движением, а чуткие приборы периодически записывают физиологические функции, контролируют устойчивость организма. Но потом привык. Сожалел, что мало захватил с собой книг. Поэтому в свободные минуты целиком отдавался мыслям, и они уводили меня в мир недавно прочитанного. Я вспоминал любимых героев и их поступки и, пусть это не покажется сентиментальным, от всей души благодарил Островского и Горького, Фадеева и Маяковского и многих других, кто через своих героев открывал мне пути-дороги жизни, заставлял размышлять, звал к правде человеческой».

В 1960-1961 годах в сурдобарокамере ГНИИИ АиКМ в общей сложности было проведено восемнадцать экспериментов – с каждым кандидатом в космонавты. Но эти тесты были индивидуальными и по продолжительности, и по проводимым в них психофизическим исследованиям. Так, период пребывания в сурдокамере космонавтов П.И.Беляева, В.Ф.Быковского, Б.В.Волынова, Ю.А.Гагарина, В.В.Горбатко, В.М.Комарова, А.Г.Николаева, П.Р.Поповича, Е.В.Хрунова составлял 10 суток. А.А.Леонов провел в «безмолвном заточении» 13 суток. Для Г.С.Титова и Г.С.Шонина выбрали увеличенный в полтора раза срок «отсидки» - 15 суток (6.4).

Герой Советского Союза, летчик-космонавт Герман Титов рассказывал:

Он погиб до полета Гагарина...

«Было много смешных случаев во время курса общекосмической подготовки... Нас, первый отряд космонавтов, тогда медики прогоняли через сурдобарокамеру. Сажали каждого на десять-пятнадцать суток и изучали, как на испытуемом скажутся полная тишина и одиночество. Ну, и вот Алексей Леонов отсидел свои сутки, прошел двухдневную реабилитацию и медицинское обследование и решил прогуляться по Москве. Усы и бородку, которые выросли во время «отсидки» в сурдобарокамере, сбривать не стал. Сел в метро и поехал. А напротив него сидела бабулька с авоськами. И стала она очень подозрительно Леонова рассматривать – так и сверлит недобрым взглядом. Вид у Алексея, конечно, с легкой небритостью на лице был колоритный, это надо признать...

Тут на станции «Маяковская» в вагон заходит наш коллега по отряду космонавтов Жора Шонин. Увидел Леонова, обрадовался, заулыбался:

- Привет, Алексей, - говорит. – Ну, что отсидел свои суточники?

Бабка с авоськами при этих Жоркиных словах нервно дернулась. И авоськи к себе подтянула.

- Отсидел, Жорик, - отвечает Леонов Шонину. – А ты как?

- Да вот еду завтра садиться на пятнадцать суток, - говорит Жорка, снимает кепку и проводит рукой по гладко выбритой голове. - Решил вот перед «отсидкой» постричься...

И тут бабка как заорет на весь вагон:

- Хулиганье проклятое! И в метро проходу от вас нету! Милиция!»

Шутки – шутками, но к «отсидке» в «сурдобаре» кандидаты в космонавты психологически готовились очень серьезно. И это принесло свои результаты: срывов ни у кого не было.

«Валерий Быковский, первым прошедший испытания одиночеством в сурдокамере, успокаивал сослуживцев: «Ничего особенного». Но Павел Попович

Он погиб до полета Гагарина...

потом признался: «Нелегко». Андриян Николаев вспоминал: «Хотелось услышать хотя бы тонюсенький птичий писк, увидеть что-нибудь живое. И вдруг меня словно кто-то в спину толкнул. Поворачиваюсь – и в малюсеньком обзорном кружочке вижу глаз. Живой человеческий глаз. Он сразу исчез, но я его запомнил: от табачного цвета глаза до каждого волоска рыжеватых ресниц». Нечто подобное испытал Борис Волинов: «Живое слово, только одно слово – что бы я отдал тогда за него!» У Марса Рафикова, когда он спал, отказал датчик дыхания. Дежурный врач заглянул в иллюминатор – и обмер: лежит и не дышит! А может, все-таки спит? Он написал записку, положил ее в передаточный люк и включил микрофон: «Марс Закирович! Возьмите содержимое передаточного люка». Теперь перепугался проснувшийся Рафиков: ему показалось, что начались слуховые галлюцинации.

Юрий Гагарин отправился в сурдокамеру 26 июля 1960 года. С собой он взял инструменты, чтобы мастерить. На каждый день было составлено расписание: с утра физзарядка, велоэргометр, ходьба и бег на месте, проведение анализов, а также наблюдения и отчеты о температуре, давлении в сурдокамере, ведение рабочего дневника и многое другое. Дежурные на связь не выходили, хотя и смеялись над шутками неистощимого на выдумки испытуемого. Чтобы не скучать, Гагарин загрузил себя дополнительной работой с астронавигационными приборами. Меню Гагарина состояло из содержимого туб с супами, копченой колбасы, плавленого сыра, хлеба» (6.5).

«- А вот Юрий Гагарин в «заточении» любил поюморить, - вспоминает кандидат биологических наук Ирина Пономарева, работавшая когда-то лаборанткой в отделе отбора и подготовки Института авиационной и космической медицины. - Представляете? Вечер. И вдруг вместо кодового штатного сообщения Юра неожиданно четко докладывает: «Пройдено сорок миллионов километров! Приближаемся к планете Венера!

Он погиб до полета Гагарина...

Подготовить посадочную площадку! Лаборант, вы готовы?» В каком-то замешательстве я что-то ответила и тут же, спохватившись, отключила обратную связь, ругая себя за нарушение режима и условий эксперимента» (6.6).

13 марта был понедельник. Утром Валентин попрощался с женой Аней и матерью, поцеловал еще спавшего в кроватке сына. Сказал, что едет в командировку. Предположительно где-то на десять-двенадцать дней. К концу следующей недели обещал быть обязательно.

«Он уходил, помню, это было рано утром, он уезжал, попрощался с нами, - вспоминала позднее Анна Бондаренко, супруга Валентина. - Мама говорит: «Все! Это все, конец. Он не вернется».

Слухи о том, что вот-вот предстоит полет в космос, ходили среди родственников будущих космонавтов. Любая командировка могла означать вылет на космодром и полет на орбиту.

«К этому времени в отряде уже наметились первые потери, - писал Вадим Молчанов в книге «О тех, кто не вышел на орбиты». - У медиков были очень серьезные, как им казалось, мотивы для отчисления из отряда Анатолия Карташова. После вращения на центрифуге все его тело покрывалось точечными кровоизлияниями. В 1960 году еще никто не мог сказать, как это проявится в космосе. Валентин Варламов, ныряя в озеро, повредил шейный позвонок. Все шло к тому, что космоса ему не видать. Владимир Комаров перенес операцию грыжи и на шесть месяцев был освобожден от тренировок. И не было никакой гарантии, что потом он их продолжит. Подстерегла беда и Павла Беляева. На парашютных прыжках он сломал ногу. Перелом оказался сложным. А поскольку в первых полетах приземление планировалось вне корабля, на парашюте, этот перелом мог сыграть плохую службу в космической карьере Беляева» (6.7).

Он погиб до полета Гагарина...

Но никто и предположить не мог, что еще одного кандидата в космонавты поджидает смерть...

Владимир Яковлевич Фишелев, кандидат технических наук, действительный член Российской академии космонавтики им. К.Э.Циолковского, член-корреспондент Международной академии информатизации вспоминал:

«Эксперимент начался... Место проведения - барокамера, которая находилась в старом здании, которое сотрудники ГНИИИ АиКМ называли «Мавританией». В этом здании была гостиница «Мавритания», в которой, как описано в романе Л.Н.Толстого «Воскресенье», Катюша Маслова как будто отравила купца. Здание действительно было старинной постройки, барокамера установлена в большом помещении (возможно, это была «зала») с высокими сводчатыми потолками» (6.8).

Здание располагалось в Москве, около станции метро «Динамо».

Валентину Бондаренко были заданы испытания в перевернутом режиме дня - днем он должен был спать (с 14 до 23 часов), ночью - бодрствовать, нести вахту.

Георгию Шонину, товарищу Валентина по отряду космонавтов, в таком же «космическом полете» в сурдокамере был задан аналогичный «перевернутый» распорядок дня. По его словам, Георгий не смог быстро перестроиться. Ему трудно давался переход на новый рабочий ритм. Но, если надо работать ночью, – что же, будем работать. Он четко и молодецкато выполнял все методические указания, подготовленные медиками. Медицинский персонал, наблюдавший за экспериментом, отметил в контрольных записях высокую организованность и дисциплинированность пилота Шонина.

За окнами лаборатории светало, а Шонину передавалась команда «Отбой». Он ложился на койку и достаточно быстро засыпал. Хотя его организм и не сразу адаптировался к новым условиям существования,

Он погиб до полета Гагарина...

но усталость к концу очередного «дня» брала свое, и сон кандидата в космонавты был глубоким и спокойным.

Его будили или он просыпался сам в точно назначенное время. Умывался, делал легкую разминку, завтракал и сразу приступал к выполнению программы «полета». Во время пребывания в сурдобракамере СБК-48 Георгий ежедневно вел дневник и вносил в него все необходимые записи: параметры внутреннего микроклимата «кабины космического корабля» (температура и влажность) и показатели межэлектродного сопротивления перед регистрацией электрофизиологических параметров. Он старался подробно записать все свои личные впечатления, дать общую оценку своему самочувствию и настроению. Правда, изо дня в день эти записи получались практически одинаковыми: «Самочувствие хорошее. Настроение бодрое. Все идет нормально».

Но к концу эксперимента усталость все-таки стала накапливаться. Уже потом Шонин признается:

«Чем меньше оставалось дней до конца эксперимента, тем более нетерпимым становился я сам. В последние дни буквально считал часы. И когда на пятнадцатые сутки динамик вдруг заговорил и вместе с приветствием предложил мне продолжить эксперимент еще на несколько дней, я категорически отказался».

Валентин Бондаренко проходил испытания на одиночество в сурдокамере также успешно, как и его коллега Шонин. В помещении очень небольшого объема, где можно было только встать с кресла и сделать один-два шага вдоль стены, он провел уже девять суток. Все шло нормально.

Увы, в нашем распоряжении нет записей, которые делал Валентин Бондаренко в ходе эксперимента в «сурдобаро» - да и сохранились ли они где-то? Поэтому предоставим слово для рассказа о похожем эксперименте Валентине Пономаревой – кандидат в космонавты и дублер Валентины Терешковой

Он погиб до полета Гагарина...

опубликовала свои воспоминания в книге «Женское лицо космоса»:

«Испытания проводились в Институте авиационной и космической медицины, методика только еще отработывалась, и характер испытаний от раза к разу менялся. Вначале была сурдобарокамера с кислородной атмосферой, потом просто сурдокамера. Сначала разрешали брать с собой книги, потом запретили, менялись сроки «отсидки» и многое другое.

Сейчас испытание в сурдокамере представляет собой сложное комплексное исследование, и, к слову, были случаи, когда «испытуемые» его не выдерживали.

Мне как-то не очень верилось, что тишина и однообразие зрительных впечатлений могут катастрофически подействовать на психику. Ну, а если дают с собой книги, то какое же это испытание! Я набила книгами большую спортивную сумку и никакой «депривации» не боялась. К тому же у меня был ряд обязанностей, связанных с испытанием: вести связь с бригадой, проводившей испытания, несколько раз в день накладывать датчики для записи физиологических функций, проводить психологические тесты. Кроме того, мы получили задание написать доклады на различные темы по космонавтике; для этой цели я взяла с собой толстенную книгу со статьями, стихами и песнями о космосе («Утро космической эры», М., 1961. - прим. ред.), и еще была кучка книг «для души».

Так что десяти дней «отсидки» мне могло и не хватить.

Руководил этими исследованиями Федор Дмитриевич Горбов, известный советский психолог. Из наших «центровских» медиков в них принимали участие Олег Николаевич Кузнецов, а затем Владимир Иванович Лебедев, которые впоследствии приобрели известность в научном мире.

Перед «посадкой» меня несколько раз привозили в институт для обследований. Федор Дмитриевич обычно приходил на эти мероприятия, смотрел ленты с

Он погиб до полета Гагарина...

записями и подолгу со мной беседовал: торопиться было некуда - шла одна запись, потом другая, в перерывах можно было разговаривать. Говорили больше всего о том, что есть человек и почему он таков. Вернее сказать, говорил Федор Дмитриевич, а я слушала, что называется, во все уши.

Во время «отсидки», как и было предписано, занималась «самонаблюдением» - прислушивалась к своим ощущениям и настроениям и фиксировала их в дневнике, пытаюсь осмыслить.

Записи дают представление о том, как чувствует себя человек в «замкнутом ограниченном пространстве», и без них рассказ об испытании в сурдокамере превратился бы в сухой медицинский отчет.

18 мая 1962 года.

15.15. Заперли. Верней, я сама себя заперла - долго крутила здоровенный вентиль на двери, а дверь очень толстая и железная, как на подводной лодке (наверное). Да, крепко меня закрыли...

Не могу сказать, что совершенно спокойна. Какое-то волнение, как будто уезжаю куда-то очень далеко. Потом наступило странное ощущение - и одна и не одна. Ну, как жить, если следят за каждым твоим шагом!

С интерьером своего обиталища я была уже знакома: помещение размером примерно два с половиной на два с половиной метра, длинный рабочий стол вдоль стены, перед ним кресло, как в самолете. Днем я в этом кресле сидела, занимаясь разными делами, ночью, откинув спинку, спала.

Спать было неудобно, в дневнике встречаются жалобы, что, мол, «кресло у них кривое, не иначе раздобыли со списанного самолета» (впоследствии выяснилось, что так оно и было).

Оставалось небольшое свободное пространство, где можно было подвигаться. Я делала там разминку и даже умудрялась прыгать через скакалку - была весьма озабочена тем, чтобы «укрепить голеностопы» перед парашютными прыжками.

Он погиб до полета Гагарина...

Справа и слева над столом - объективы телекамер, впереди - иллюминатор. Только почему-то они в этот иллюминатор меня видели, а я их - нет! Было окошко, скорее, небольшой лючок, через который можно было что-то передать в случае необходимости. Через этот лючок ко мне поступали чай - горячий! - и горячие эмоции.

У другой стенки стоял холодильный агрегат, можно сказать, в «голом виде», его включали из той комнаты для регулирования параметров атмосферы. Еще был переносной электроциток «на ноге», куда включались штекеры проводников при записи физиологических функций, и гофрированный шланг со стеклянной трубкой, в которую время от времени нужно было дышать (а приборы для анализа выдыхаемого воздуха находились с той стороны стены). Был маленький импровизированный пульт управления для включения связи (связь велась строго по времени), записей, еще чего-то; часы, специальные таблицы и устройства для психологических исследований. Были, конечно, запасы воды и пищи (пища «космическая», в тубах, тогда это было новинкой и привлекало внимание).

Вот тут и предстояло мне жить.

Запись того же дня:

18.15. Мне не очень хорошо: голова тяжелая, сонливость, без конца зеваю. Сейчас бы на улицу... Люди за стенкой нисколько меня не беспокоят, совершенно не ощущаю их присутствия. Пусть себе смотрят в свои телевизоры, у них работа такая. А я буду себе жить.

Интересно, а как будет с туалетом? Стоит в углу, прошу прощения, параша, правда, в очень цивилизованном и пристойном виде. Но все равно - параша. И никакого закутка, ни ширмочки, спрятаться некуда, разве что под стол залезть... А я совсем забыла спросить, как подать сигнал «туалет», а они забыли, наверное, мне сказать. Передо мной тут всякие кнопки

Он погиб до полета Гагарина...

и тумблерчики, но все «при деле». Только одна непонятная – «Латр. на 60».

Передавала отчетное сообщение. Мне было смешно и неловко. Сначала вполголоса сказала «Алло». Слушают меня там или нет? Оказалось, слушают.

... Ау, девчонки! Как у вас прошел семинар? Таньку, конечно, опять похвалили, недаром она вчера весь вечер была такая серьезная... А сейчас вы что, пьете чай? Или только еще собираетесь? Как мне хотелось бы быть сейчас с вами!

О доме думать нельзя. И не буду. А буду пить чай.

Так прошел первый день. Немножко освоилась, но мысли были не здесь... Хоть и далеко меня увезли и надежно изолировали от мира, все равно душой я была там, с девчонками, следила по часам - что у них сейчас? Вот семинар какой-то, оказывается, был, ну, а чай мы пили каждый вечер, это было Заключительное Событие дня. Уезжая, человек не сразу расстается с тем, от чего уехал, - это старо как мир. И конечно, все время мысли о доме - я отсутствовала уже второй месяц...

А что касается сигнала «туалет», в дневнике не написано, чем кончилось. Помню, я долго раздумывала, как быть, а когда мне стало уж совсем грустно, подала сигнал «Латр. на 60». Не знаю, что у них там сработало, может, и ничего, потому что никакой реакции сначала не было, а потом они, видно, догадались и погасили свет.

19 мая 1962 года.

Оказывается, здесь очень много занятий и мало свободного времени.

Спала хорошо, если бы не разбудили, поспала бы еще. Чувствую себя бодро, тяжести в голове, как вчера, нет.

Случилось два Непредвиденных События - вчера сломался проводник от энцефалограммы, сегодня - стеклянная трубка от «дыхания». Когда обнаружила, что запчастей нет, первое движение было - сообщить «на Землю». А на фанерке написано – «Вызов производится в исключительном случае». Вот и сидела я грустно, и

решала проблему - исключительный это случай или нет? Решила, что нет, и принялась чинить. Ничего, справилась. Запишут мне где-нибудь плюсик за эти подвиги?

Интересно, кто сегодня дежурит? Ира, наверно, пришла. Очень трудно думать о людях и не представлять себе, как они выглядят.

Эксперимент вели три сменные бригады - врачи, инженеры, лаборанты, в процессе обследований я с ними познакомилась, правда, не со всеми. В моем дневнике фигурируют три имени - Миша, Ира и Галя. Миша был начальником смены - врачом или физиологом, а Ира и Галя – лаборантками.

Должна сказать, что у меня всегда возникало какое-то родственное чувство к людям, которые проводили тренировки и испытания, особенно если испытания были тяжелые. Какие-то ниточки протягивались между мною и этими людьми, возникало, если можно так сказать, духовное соприкосновение. И я всегда старалась сделать предписанное как можно лучше - не в последнюю очередь для тех, кто со мной занимался.

В тот же день:

14.30. Пригодилась моя склонность к самоанализу: фиксирую каждое свое ощущение и настроение. Настроение претличнейшее! Оно и понятно - есть ощущение занятости, совершения полезной работы, и никаких раздражителей извне. Проще говоря, никто не портит настроение. (Впрочем, и на Земле на настроение я особенно не жаловалась.) Думаю, из меня получился бы хороший естествоиспытатель. Только для этого надо было бы жить в девятнадцатом веке (лучше в конце).

Если буду столько писать, мои книжки (целый сундук!) пролежат здесь без надобности!

...Все-таки чувствую себя довольно изолированной от мира. Людей за стенкой ощущаю почти все время, много о них думаю. И они не мешают мне жить. Почти не мешают, если быть точной.

Он погиб до полета Гагарина...

...Сегодня суббота. Интересно, кто заберет Саньку (сын Валентины Пономаревой от брака с Юрием Пономаревым – С.Ч.) из садика? Неделя была дождливая, он, наверное, побледнел... Как тебе живется, мой мальчик?

17.10. Дали музыку.

Подумала, как, наверное, дорога будет звездолетчику тоненькая ниточка, связывающая его с Землей, - радио. Как будет он напряженно вслушиваться в замирающие звуки, с какой теплотой думать об оставшихся на Земле! Уж если я здесь почувствовала это, то там это будет в миллион раз сильнее...

Прочла и подумала: господи, какая же я была наивная! И глупенькая! И еще подумала, как это было близко и реально - полет в космос! Мой полет в космос... Наверное, тогда я не ощущала этого так остро, а вот сейчас, читая эти строки, ощутила. Мне даже захотелось написать, не боясь высокопарности, что Космос дышал мне в лицо. Тогда ни за что бы так не сказала: все было будничней.

...Сегодня уже ощущаю себя как обычно. Как на воле. И - время идет слишком быстро. И опять начинаю торопиться. А вчера пребывала в давно забытом состоянии «спешить некуда». Последние три года у меня все время была бешеная гонка, и вот сегодня это начинается снова. В тумбочке ждет английский, и доклад, и к Блоку со страшной силой тянет, и я, конечно, ничего не успею. Пожалуй, пора перестать думать, что у меня когда-нибудь будет время свободно вздохнуть и пожить в свое удовольствие. Чего уж там, скоро пойдет четвертый десяток!

21.10. Закончила записи. Шифратор волнует меня больше, чем нужно бы. Черно-красная таблица и особенно счет времени (17 раз по 20!) наводят страх и скуку великую.

Устала. С удовольствием растянулась бы сейчас на полу, да ведь испугаются до смерти!

20 мая 1962 года.

10.15. Воскресенье, день веселья!

Как вы поживаете, мои дорогие мужички? Есть ли у вас запасы воды-еды? Надеюсь, что Санька здоров и у тебя, Юра, хорошее настроение. Да нет, ворчишь, наверно: «Вечно ее черти где-то носят!» Ладно, это запретная тема.

Не знаю, кто сегодня в той комнате, и от этого немножко неуютно - у разных смен разные почерки. Сегодня забыла сообщить, что проснулась, а сразу зажгла «Латр. на 60», так они, вредные, не почесались, пока я не проделала все по порядку. Как будто не ясно - раз я что-то зажигаю, значит, проснулась! В общем, я была сконфужена.

...Настроение прекрасное. Купаюсь в волнах блоковских стихов.

...Ну, хватит, пора, наконец, приниматься за работу - имею в виду доклад. Как всегда, впуталась в историю - ну, что бы мне взять простую, ясную тему! Так нет же, понадобилась «творческая»! Словом, «мастерица варить кашу». Как-то расхлебаю?..

Тема доклада была: «Социализм - надежная стартовая площадка для советских космических кораблей» - сокращенный вариант фразы из обращения ЦК КПСС в связи с успешным завершением полета Германа Титова. Она, эта фраза, тогда везде мелькала, звучала по радио, висела на домах, на демонстрациях ее носили в виде лозунга.

Я очень убедительно показала в докладе, что это именно так и есть, очень гордилась тем, что мы первые в космосе, как будто это было моим личным достижением, и считала, что это так и должно быть. И нисколько не сомневалась тогда, не сомневаюсь и теперь, что такое настроение было едва ли не у всех советских людей.

16.25. Начала читать эту здоровенную книгу и неожиданно так увлеклась, что сама удивилась. Материала для доклада полным-полно, и у меня уже «бьется сердце и горит голова».

Он погиб до полета Гагарина...

...Обо мне сегодня очень заботятся: холодильник работает почти непрерывно, температура 20, влажность 70 - 80%. Спасибо, люди!

22.35. Увлеклась докладом, читаю целый вечер. Удивительно, как успели столько написать и издать про космос всего за год!

Ничего не происходит, как на Луне. Чувствую себя совершенно обычно, настроение бодрое и очень хорошее.

Доклад получился красивый, в нем было много цитат, в том числе стихотворных. Такие, например, строчки:

«Нашим стартом к неведомым звездным просторам

Были звезды на шапках и картузах!»

В бытность мою в отряде я приобретала книги в Специальной книжной экспедиции по спискам, которые присылались летчикам-космонавтам (нам их отдавали те, кто не пользовался). Потом, когда Ю. был в Отряде гражданских космонавтов (с 1970 по 1979 год муж Валентины Пономаревой Юрий также проходил подготовку в отряде космонавтов – С.Ч.), для них периодически привозили книги в книжный магазин в Подлипках.

Я всегда отправлялась туда сама - не могла отказать себе в этом удовольствии. Меня препровождали в подсобное помещение, где на полках и стеллажах горами лежали книги, и я могла копаться в них сколько угодно. Хотелось взять чуть ли не все, и иногда получалось рублей на 200, а то и на 300 - по тем временам сумма весьма значительная.

Дома книги долго лежали горой на полу, мы их перебирали, рассматривали, раскладывали; у меня была своя горка, у Ю. - своя. В течение месяца-двух они так и лежали, потом постепенно рассасывались - прочтешь или просмотришь и ставишь на полку.

Но все это так, к слову.

Он погиб до полета Гагарина...

Доклад был не только красивый, но и очень искренний, я писала то, что думала и чувствовала, недаром же у меня «билось сердце и горела голова». Получила за него высший балл, а Масленникову доклад так понравился, что он приказал прочесть его нашим солдатам. Я перепугалась, но, к счастью, до этого не дошло. А доклад потом потерялся.

...Сообщила на Землю, что лечу к созвездию Эридана: меня давно уже подмывало что-нибудь такое сделать - пусть хоть улыбнутся. Может, шутка и не люкс, ну и ладно, все равно буду лететь к созвездию Эридана.

21 мая 1962 года.

8.15. Проснулась. Прodelала все утренние манипуляции. Все хорошо. Чувствую себя прекрасно. Лечу к Эридану!

Сегодня понедельник, придет много людей. В той комнате у меня два больших друга - Миша и Ира. Поэтому днем, когда они там, мне как-то лучше.

...Пришел Миша - гудит радио, это очень приятно. Сейчас, наверно, начнется Окуджава, и тогда пропала зарядка!

...Жду музыку с замиранием сердца...

Музыку «давали» часто, в основном песни тех лет. Особенно мне нравилась «В нашем городе дождь» - отвечала тогдашнему настроению. И очень нравился Окуджава.

Окуджава стал потом одним из любимейших моих поэтов-песенников, а в «сурде» объектом моих размышлений была песня «Опустите, пожалуйста, синие шторы»... Она записана в моей тетрадке и вся разрисована крючками и завитушками - видно, не так-то просто было моей душе, возвращенной различными маршами энтузиастов, постичь сокровенный смысл песни...

12.05. Дали чай. Ух, красотища!

Надо уметь быть благодарной людям не только тогда, когда сидишь в клетке. (Чушь получилась, но - ясно.)

Он погиб до полета Гагарина...

16.40. Кажется, я совершенно не тоскую о внешнем мире, ну, нисколько! И меня даже ничуть не интересует, какая стоит погода. И не стремлюсь я увидеть солнце. Похоже даже, что мне совсем не хочется уходить отсюда. Мне хорошо, занятий достаточно, вода-еда есть. Я даже не испытываю потребности видеть людей. Может, не люблю людей?

Люди за стенкой, к вам я отношусь с огромной теплотой и благодарностью. Когда дали чай, я чуть не растаяла от теплых чувств!

Ира и Миша, вы еще там?

19.45. Чрезвычайное происшествие! Мой большой друг Миша прислал записку! Трудно передать, как я обрадовалась.

А дело вот в чем: передала в отчетном сообщении, что траектория моего полета искривилась, а они испугались и решили, что что-то не в порядке. Ну, как они не понимают, я же лечу к Эридану! Мало ли что может в пути случиться! А если все благополучно и ничего не происходит, то зачем тогда и лететь! Теперь и не знаю, лететь ли мне дальше - вдруг сочтут мою шутку за сдвиги в психике??

Мне осталось жить здесь всего два дня. Это жаль, я не успею сделать и половины намеченного. И зачем взяла столько книг?! Да еще этот детектив! Пока догадалась отложить его в сторону, прошло три дня, и осталось всего ничего.

22 мая 1962 года.

Сегодня мне плохо, состояние совершенно угнетенное. Сижу неподвижно в кресле, в камере гробовое молчание. Не знаю, в чем дело. Неужели меня сбила с панталыку моя нелепая выдумка с Эриданом и их реакция? Немного же мне надо...

Кажется, я запуталась с днями, и быть мне здесь еще четыре дня. А еды у меня почему-то на три. Как же так?..

Я проснулся на мгlistом рассвете
Неизвестно которого дня...

Он погиб до полета Гагарина...

... Миша, вы пришли? Не знаю, почему, но именно Миша есть тот человек, которого я больше всего хочу видеть. Интересно - если не считать по числам, не могу сказать, сколько здесь живу, два дня или две недели.

14.20. Они думают, что мне тяжело. Сегодня записка - перевалило за половину. А меня это несколько не волнует. Похоже, милый Миша волнуется больше, чем я. И, кажется, они от души желают мне успеха. Хоть бы намекнули, хорошо ли все идет, ведь я тоже от души желаю себе успеха. И дозарезу хочется узнать, каковы результаты. Мне кажется, не очень: с шифратором путаюсь, с триггерной стимуляцией, с часами, словом, со всем. Юрка сказал бы: синдром отличника - любишь поплакаться.

Прочла у Юрия Германа: «Милые, хорошие, родные люди!» И мне тоже хочется завопить во всю силу легких: «Милые, хорошие, родные люди!» Почему? Я же не лечу никуда! Сажу в тепле, в светле, вода-еда есть. Наверно, у меня неустойчивая психика, хотя я всегда считала наоборот. Все-таки жизнь в изоляции есть нечто противоестественное.

Ну вот, мысли перешли на Саньку. Стоп, машина!

Мы готовились к полету чуть больше года - какая, в сущности, короткая дистанция! Можно сказать, спринтерская. Каждый шаг на этой дистанции - сурдокамера вот, например, - это был реальный шаг к реальной цели, и каждая из нас хотела достичь этой цели во что бы то ни стало, и на каждом испытании казалось, что вот тут-то все и решается. И поэтому всегда была установка на максимальное напряжение сил и на получение максимально высокой оценки. Точно так же я потом думала, что если не выполню программу парашютной подготовки - то все, конец, и продолжала прыгать с травмой. Знаю, что подобные «эпизоды» случались и у других.

Только позже я стала понимать - даже блестящий успех в каждом конкретном виде подготовки ничего не решал. Все было гораздо сложнее...

Он погиб до полета Гагарина...

23 мая 1962 года.

С добрым утром, с добрым утром,
И с хорошим днем!

Спала как убитая, снов не показывали. Когда зажгли свет, не могла понять, что к чему и что надо делать.

Настроение прекрасное. По предварительным расчетам, лететь еще двое суток. Как-то примет нас эта незнакомая планета? Как отнесутся ко мне коренные жители?..

...Не представляю, как это я отсюда выйду, кажется, что мне надо здесь жить если не до конца дней своих, то очень долго.

Сидела сегодня в темноте и думала: а что, если бы меня посадили без света? Или хотя бы без книг? Было бы у меня такое же хорошее настроение?

Действительно, это вопрос. Следующему потоку книг не дали. Ни с кем из них, правда, ничего не случилось, а занимались они кто чем умел: кто рисовал, кто лепил, а кто стихи сочинял. А если Бог, как мне, талантов не дал?..

Я, признаться, со страхом думала о возможности оказаться в изоляции без книг и с уважением смотрела на тех, кто это перенес: не могла представить себе, как бы просуществовала без чтения и без занятий. Едва ли не только что научившись читать, я не расставалась с книжкой, читала всегда и везде: в метро, в трамвае, даже на ходу. Как понимаю теперь, просто не могла (может, боялась?) оторваться от книжки, потому что не умела оставаться наедине с собой - мне нечего было самой себе сказать.

13.45. Ни чаю, ни писем, ни музыки... Решили меня не баловать. Что ж, могу и без чая, гораздо хуже безмолвие. Когда они никак себя не проявляют, мне кажется, что они плохо ко мне относятся: рассердились или я им неприятна. Для меня очень важно, как люди ко мне относятся, я всегда остро это чувствую. А тут - ничего. Пустота.

Он погиб до полета Гагарина...

16.00. Подозреваю, что там сегодня какие-то посторонние люди, поэтому у меня так тихо. Да и у них, кажется, тоже тихо. Сегодня, пожалуй, впервые не ощущаю вокруг себя никакого движения, и мне немножко грустно.

И чаю не дали!

19.30. Включили последние известия. Но я могу и без них.

Пришла к выводу, что если бы меня продержали здесь еще недельку, это пошло бы на пользу: дописала бы доклад, прочла бы все свои книжки, позанималась бы английским. К тому же я не рвусь отсюда, только очень хочу видеть своих мужичков - скоро уж две недели...

...Иногда чувствую себя маленькой мышкой в громадной клетке. Громадные люди стоят около клетки и смотрят на меня сверху вниз. И это кажется до того нелепым! Скажите, уважаемые мои доктора, неужели вы ожидали, что я сойду с ума? Что у меня появятся галлюцинации? Что буду стучать кулаками в дверь и вопить: «Откройте!»? Я чувствую себя хорошо, настроение ровное, спокойное, и я не ожидала, что будет по-другому.

21.30. У нас там сейчас праздник. Все принарядились, во всяком случае, девчонки - в платьях, а именинник при галстуке. На столе - шампанское, ананасы, торт. Как раз в этот момент, наверное, поднимают тост. Я надеюсь, что мой бокал налит. Я поздравляю вас, Николай Петрович (Н.П.Кузин, преподаватель физкультуры. – прим. ред.)!

Ирина говорит, что мне остался один день и послезавтра меня привезут, Н.П. рассказывает какую-нибудь смешную историю, девчонки хохочут, и только меня нет - я сижу здесь, серьезная и спокойная, и сочиняю всю эту чепуху. И на душе у меня тепло. А танцы будут? Ай-ай-ай, один кавалер и четыре дамы! А может, есть еще кто-нибудь? Может, пришел «милый доктор»? Тогда будет весело. Выходит, хуже всего мне.

Он погиб до полета Гагарина...

А после танцев будет песня. Татьяна скажет: «Давайте споем Валину любимую», - и будут долго думать, какая же моя любимая. Если погода хорошая, пойдут гулять, будут считать звезды. В сотый раз скажут Н.П., что его звезда называется Бетельгейзе, а не Медельвейс, и что она - вон она. А Танька поищет Вегу. И потом долго еще не угомонятся.

А завтра у них полеты.

24 мая 1962 года.

У меня сегодня очень тихое настроение. Уж не жду от жизни ничего я... Ни писем, ни чаю. Чай, правда, дали. В глубоком молчании. И даже не знаю, кто.

16.00. Ну, похоже, я выговорилась. Душа молчит. Ни мыслей, ни чувств. Тихо.

20.00. Вдруг, подумала, что мне осталось быть здесь всего ничего, и сердце защемило...

Сочинила отчетное сообщение о посадке на планету ГНИИКОЗИА (Неправильная аббревиатура названия института - Государственный научно-исследовательский испытательный Ордена Красного Знамени институт авиационной и космической медицины (ГНИИОКЗИАиКМ) - прим. ред.). И задумалась - хорошо ли это? Если бы можно было спросить Ю.! Очень может быть, что этого делать не следует. Да неужели уж они такие не улыбочивые люди! Ведь я не назойливо, только утром и вечером... И всего несколько слов! Ну, все равно, останавливаться поздно. Взяться за гуж - полезай в кузов!

И тут возник конфуз: я неправильно написала аббревиатуру названия Института. Но все равно - на этой планете ГНИИКОЗИА местные жители встретили меня очень тепло, радостно и взволнованно, как будто я и впрямь вернулась из космического полета.

Ну, а я, конечно, просто-таки таяла от теплых чувств...»

Вполне возможно, что и у Валентина Бондаренко были примерно такие же мысли и ощущения во время отсидки в сурдобарокамере, как и у его коллеги

Он погиб до полета Гагарина...

Валентины Пономаревой. Начатый 13 марта 1961 года эксперимент проходил нормально.

Трагедия произошла на десятые сутки. В это день предполагалось закончить эксперимент. Приборы зафиксировали внутри сурдобарокамеры парциальное давление четыреста тридцать шесть миллиметров.

О том, что случилось в тот весенний день 1961 года, большинство советских граждан смогли узнать только через четверть века – в апреле 1986 года, когда журналист Ярослав Голованов опубликовал в «Известиях» серию откровенных статей о подготовке первого отряда советских космонавтов. С тех пор именно эта, «головановская» версия событий в марте 1961 года тиражируется и в той или иной форме воспроизводится во всех книгах по истории космических полетов. Поэтому предоставим слово Ярославу Голованову:

«Погиб военный летчик Валентин Васильевич Бондаренко. Не в космосе погиб, на земле. Это случилось 23 марта 1961 года. Валентин был самым молодым в первом отряде космонавтов (ему было 24 года). Согласно расписанию тренировок, он в тот день заканчивал десятисуточное пребывание в сурдобарокамере - как и других космонавтов, его испытывали одиночеством и тишиной. Давление в сурдобарокамере было пониженным, что компенсировалось избыточным содержанием кислорода. Сняв с себя датчики после медицинских проб, Валентин протер места их крепления ваткой, смоченной в спирте, и не глядя бросил эту ватку, которая упала на спираль включенной электроплитки. В перенасыщенной кислородом атмосфере пламя мгновенно охватило маленькое пространство сурдобарокамеры. На Валентине загорелся шерстяной тренировочный костюм, но он не подал сигнал тревоги на пульт, пробовал сам сбить пламя. Дежурный врач сразу открыть герметичную дверь, не выровняв давления снаружи и внутри, не мог. На все это

Он погиб до полета Гагарина...

требовались лишние секунды. А их не было. Когда Валентина вытащили из сурдобарокамеры, он был еще в сознании, все время повторял: «Я сам виноват, никого не вините...» (6.9).

Из этого описания трагедии следует, что Валентин Бондаренко погиб из-за собственной ошибки – не посмотрев, куда бросает, бросил пропитанную спиртом вату, и ватный шарик упал на электроплитку. Более того, Валентин не подал сигнал тревоги и сам пытался погасить пламя собственными силами, что привело к задержке спасательной операции. То есть три последовательные ошибки и привели кандидата в космонавты к гибели.

После эвакуации Валентина из сурдобарокамеры его немедленно доставили в ближайшую больницу - Боткинскую.

Восемь часов больничные врачи боролись за его жизнь. Тело кандидата в космонавты было так обожжено, что даже инъекции медицинские сестры не рискнули делать в места ожогов. Препараты вводили с помощью шприцев в единственные не обгоревшие участки кожи – в ступни ног.

Сотрудники НИИ-7 для спасения жизни Валентина Бондаренко предлагали свою кровь и кожу для пересадки.

Валентина Пономарева, кандидат в космонавты и дублер Валентины Терешковой, пишет в своей книге «Женское лицо космоса»:

«Он (Валентин Бондаренко – С.Ч.) прожил восемь часов, лежал, весь завернутый бинтами, в виде белого кокона. Когда привезли жену - попрощаться, она бросилась к его ногам. Он сказал: «Анечка, это ноги...»

Анна Бондаренко всю жизнь вспоминала тот страшный день в марте 1961 года со слезами. В Звездном городке ей сообщили о разыгравшейся трагедии и повезли в Москву, в больницу, к мужу. Провели в отдельную палату. Анна увидела Валентина, полностью перебинтованного. Он был в сознании:

Он погиб до полета Гагарина...

«Да, он узнал, что я пришла. Узнал... Говорит: «Ну, Анюта, все». И нас сразу увезли. В три часа дня на следующий день сказали, что он умер».

К сожалению, врачи оказались бессильны... Спасти Валентина Бондаренко не удалось, и после нескольких часов страшных мучений, он скончался от ожогового шока.

Так 23 марта 1961 года, за девятнадцать дней до полёта Юрия Гагарина, погиб Валентин Бондаренко. Это была первая потеря в отряде космонавтов. Это вообще была первая потеря в мировой пилотируемой космонавтике...

К сожалению, так и не удалось разыскать информацию, как и когда проходило прощание с телом кандидата в космонавты Валентина Васильевича Бондаренко. Генерал Николай Каманин и космонавты первой «шестерки» в эти дни безвыездно находились на космодроме Байконур – шли последние приготовления к запуску пятого советского корабля-спутника и к апрельскому старту Юрия Гагарина. Видимо, в церемонии официального прощания, – если она вообще была вопреки пресловутому «режиму секретности», – участвовали только остававшиеся в то время в Подмоскowie одиннадцать коллег Валентина по отряду космонавтов и администрация Центра подготовки космонавта. Тело кандидата в космонавты было решено в закрытом гробу отправить в Харьков – туда, где жили его родители...

3 апреля 1961 года вторая группа слушателей-космонавтов - Аникеев И.Н., Беляев П.И., Волынов Б.В., Горбатко В.В., Заикин Д.А., Комаров В.М., Леонов А.А., Рафиков М.З., Филатьев В.И., Хрунов Е.В. и Шонин Г.С. - сдала выпускные экзамены по курсу общекосмической подготовки. Экзамены у лидирующей «шестерки» преподаватели приняли еще раньше. Если бы не трагедия 23 марта 1961 года, в этот список из одиннадцати человек обязательно добавилась бы фамилия Валентина Васильевича Бондаренко...

Он погиб до полета Гагарина...

В тот же день 3 апреля 1961 года Никита Сергеевич Хрущев провел очередное заседание Президиума ЦК КПСС. Один из вопросов повестки дня был весьма необычен – членам партийного руководства предлагалось принять решение о запуске первого человека в космос, советского человека. Президиум ЦК партии подробно рассмотрел вопрос и единогласно дал «добро» на запуск во второй декаде апреля 1961 года космического корабля «Восток» с человеком на борту. Вопрос о причинах гибели кандидата в космонавты Валентина Бондаренко руководство советских коммунистов не рассматривало – это был «вопрос ниже уровня Президиума ЦК КПСС».

Валентина Васильевича Бондаренко похоронили в городе Харькове на Филипповском кладбище (иногда его еще называют «десятым»), - совсем недалеко от дома его родителей.

Существует мнение, что кандидата в космонавты Валентина Бондаренко опасались – опять же, из соображений секретности! – хоронить по месту жительства семьи, в Подмосковье. Поэтому и отправили гроб с телом погибшего по месту жительства родителей.

Чуть позже на могиле Валентина Бондаренко установили каменный обелиск, на котором была высечена стандартная надпись: «Светлой памяти от друзей-лётчиков». Жил, мол, молодой летчик-истребитель, летал и погиб в обычной авиационной катастрофе.

Секретность – секретностью, но военное командование постаралось всемерно облегчить жизнь семье погибшего кандидата в космонавты. 16 апреля 1961 года под грифом «Секретно» было издано особое распоряжение, подписанное Министром обороны СССР П.Д.Малиновским. В этом документе предписывалось: «Обеспечить семью старшего лейтенанта В.В.Бондаренко всем необходимым как семью космонавта».

Он погиб до полета Гагарина...

За Аней Бондаренко и осиротевшим Санькой сохранили жилье и льготы.

После триумфального полета в космос Юрия Гагарина советское руководство щедро наградило всех причастных к грандиозному свершению. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 июня 1961 года за успешное выполнение задания правительства был награжден орденом Красной Звезды и старший лейтенант Валентин Васильевич Бондаренко (посмертно).

А уже 1 июля 1961 года приказом Главкома ВВС №897 старший лейтенант Валентин Васильевич Бондаренко был исключен из списков Вооруженных сил СССР как погибший.

Трагическая гибель Валентина Бондаренко 23 марта 1961 года заставила многих специалистов задуматься о том, что в космонавтике мелочей не бывает. Испытания для будущих пилотов космических кораблей стали готовиться тщательнее. С тех пор и по сегодняшний день во время подготовки космонавтов на тренажерах в Центре подготовки космонавтов и в родственных ему по виду деятельности структурах больше трагических случаев не было.

Семья погибшего кандидата в космонавты еще несколько лет прожила в Звездном городке, а потом...

- Мы с мамой после гибели отца прожили в Звёздном ещё несколько лет и уехали к родным в Харьков, - рассказывал сын космонавта Александр Валентинович Бондаренко. - Думали, там будет полегче жить. Отдали здесь двухкомнатную квартиру и получили такую же в Харькове. Помогали ли нам? Матери за отца выплачивали около ста рублей в месяц, - пока мне не стукнуло шестнадцать. Больше никто о нас не вспоминал...

Через много лет кандидат в космонавты и дублер Валентины Терешковой Валентина Пономарева напишет в своей книге «Женское лицо космоса»:

Он погиб до полета Гагарина...

«После завтрака, как было приказано, явилась к начальнику Центра (подготовки космонавтов – С.Ч.) Евгению Анатольевичу Карпову для знакомства. Это помню хорошо: я коротко рассказала о себе - кто, да откуда, да из каких, хотя все это он знал и сам. Потом он рассказал, какая жизнь меня здесь ожидает и из чего будет складываться подготовка. С удивившей меня извиняющейся интонацией сообщил, что старшей группы назначена Терешкова, так как она имеет опыт комсомольской работы, а я, хоть и старше по возрасту, такого опыта не имею, да к тому же у меня семья и ребенок. Я ничего не поняла - не претендовала я ни на какие посты, да и не знала, что в любом армейском коллективе, даже из двух человек, обязательно должен быть старший и что это может иметь какое-то значение.

Над столом Евгения Анатольевича висели два портрета - на одном был Гагарин, а на другом неизвестный мне молодой человек в военной форме. Я слушала Карпова и ломала голову - кто же это такой? Евгений Анатольевич проследил за моим взглядом, но ничего не сказал.

Позже рассказал Леонов: это Валентин Бондаренко, член первого отряда космонавтов. Он погиб 23 марта 1961 года - сгорел при испытании в сурдобарокамере. Это случилось так: смоченный спиртом кусочек ваты, которым Валентин протирал кожу после записи физиологических функций, попал на включенную плитку. Пожар вспыхнул мгновенно: атмосфера в камере была кислородная. Быстро открыть массивную герметичную дверь было невозможно...

Я слушала Леонова, а на спине между лопатками сидел мороз...

Память о нем отряд хранил свято. На служебных совещаниях, когда отмечались очередные успехи или подводились очередные итоги, на всех застольях по поводу космических и некосмических праздников его вспоминали с любовью и болью. Когда Гагарин поминал

Он погиб до полета Гагарина...

Бондаренко, мы слушали благоговейно: он был первый, кто погиб на этой дороге...

Его похоронили в Харькове, где жили родители. Туда и перебралась его вдова с маленьким Сашей. Отряд не выпускал их из поля зрения. Бывало, кто-нибудь - Гагарин или Попович - говорил: «Скоро Новый год, надо послать подарок Саше Бондаренко». Или: «Пришло письмо от Ани Бондаренко, она пишет...» Когда требовалась помощь, помогали.

Мир узнал о нем только четверть века спустя...»

Глава 7. А был ли человек?

Первый искусственный спутник Земли был запущен Советским Союзом. Первым в космосе стал советский человек - Юрий Гагарин. Алексей Леонов первым вышел в открытый космос из космического корабля. Советские станции первыми проложили трассы к Луне, Венере и Марсу...

Увы, но и первая космическая драма в пилотируемой космонавтике тоже разыгралась в советской стране. Имя Валентина Васильевича Бондаренко открывает список тех сынов человечества, которые, увлеченные мечтой о полетах в космос, стали на звездную дорогу, однако так и не смогли дойти до заветной цели.

Но узнали люди Земли о трагедии, разыгравшейся в марте 1961 года, только спустя четверть века после того, как она произошла.

Подготовка советских космонавтов в те годы велась в глубокой тайне. Фамилии не летавших в космос пилотов засекречивались вплоть до середины 80-х годов прошлого века, до самого начала «перестройки». При этом советскому народу еще и откровенно ввали об отсутствии серьезных проблем и трагических случаев при подготовке космических полетов. Так, например, в книге Бориса Лукьянова «Мы верим, друзья, караваны ракет...» приводится цитата из дневника некоего инженера-испытателя Л.Марьянина, который «решительно опровергает вымыслы зарубежной печати»:

«За все время подготовки советских космонавтов не было ни одного несчастного случая или вообще какого-либо неприятного случая. Это следует отметить в связи с отдельными высказываниями в зарубежной прессе о якобы имевших место в СССР авариях при подготовке космических полетов. Никаких аварий ни с кем не было».

Он погиб до полета Гагарина...

И далее в той же книге, в том же духе, но уже применительно именно к сурдобарокамере:

«Все советские космонавты успешно прошли испытания одиночеством, продемонстрировав высокие моральные качества, стойко перенесли исключительное нервное напряжение».

Формально все правильно. Прошли испытания, продемонстрировали моральные качества, перенесли напряжение... Вот только «забыл» сказать уважаемый автор, что один из будущих советских космонавтов трагически погиб при этих «испытаниях одиночеством».

Из-за пресловутой дымной пелены секретности даже близкие друзья Валентина Бондаренко не знали подлинную причину его смерти.

Леонид Голенко, одноклассник Валентина по средней школе, вспоминал:

«Через год мама сообщила мне в письме: «Валя Бондаренко сгорел на ракете»... Считаю, что это судьба, мелочей в жизни не бывает, особенно в таких экстремальных профессиях. Ему был знак – не иди в летчики. Валю ведь не приняли в одно авиаучилище, а потом расформировали второе, куда он все-таки поступил! Но Бондаренко никогда не сдавался, шел к своей мечте. И погиб...».

Некоторые исследователи космонавтики считают, что именно после трагической смерти Валентина Бондаренко в Советском Союзе было принято окончательное решение впредь отказаться от проектирования космических аппаратов с обогащенной кислородом атмосферой. Но, как мы уже писали выше, гибель кандидата в космонавты была надежно скрыта советским руководством.

Многие аналитики, работающие в области космонавтики, полагают, что если бы не эта секретность, то, возможно, удалось бы избежать гибели троих американских астронавтов при весьма сходных обстоятельствах в январе 1967 года.

Он погиб до полета Гагарина...

Так генерал Николай Каманин отмечал в своем дневнике:

«28 января (1967 года – С.Ч.).

Поспешность всегда приводила и приводит к печальным последствиям: астронавты Гриссом, Уайт и Чаффи стали первыми жертвами освоения космоса. Американцы часто и много писали о русских космонавтах, якобы погибших в космических полетах. Судьба распорядилась иначе: первыми погибли американские астронавты. Правда, до этой трагедии были случаи гибели космонавтов и у нас, и в США, но эти случаи не были связаны непосредственно с космическими полетами. В 1961 году у нас погиб в барокамере из-за собственной халатности слушатель-космонавт В. В.Бондаренко, в прошлом году разбились на самолете два американских астронавта, но то были никому неизвестные люди. А вчера мир потерял двоих из тех, кто уже побывал в космосе. Из первых сообщений следует, что несчастье произошло в результате пожара на старте при тренировке астронавтов в корабле «Аполлон», установленном на ракете «Сатурн» (7.1).

Как знать, может быть то, что трагическая гибель Валентина Бондаренко была засекречена, косвенно ударило и по американской космонавтике. Если бы за океаном вовремя узнали о трагедии с советским кандидатом в космонавты, то вполне возможно могли бы предотвратить гибель экипажа «Аполлон-1», которая произошла спустя шесть лет, 27 января 1967 года при наземных испытаниях ракеты-носителя «Сатурн-1Б» и основного блока пилотируемого лунного корабля. Кабина «Аполлона» заполнялась чистым кислородом под давлением 1,14 кг/ см². Даже при атмосферном давлении 0,35 чистый кислород легко поддерживает открытый огонь. А при указанном выше давлении опасность возрастает многократно. Увы, никто из американских разработчиков не смог спрогнозировать возможную аварийную ситуацию. Национальное

Он погиб до полета Гагарина...

управление по авиации и исследованию космического пространства США (НАСА) подготовило инструкцию по безопасности экипажа и обслуживающего персонала стартовой позиции объемом в 213 страниц. Но в этой инструкции не были прописаны действия на случай внезапного пожара внутри самого космического корабля.

Вскоре после начала тренировки Вирджила Гриссома, Эдварда Уайта и Роджера Чаффи произошло возгорание от электрической искры. Экипаж немедленно сообщил о пожаре на борту. На стекле телемонитора, который транслировал изображение астронавтов через иллюминатор выходного люка, заплясали языки пламени. Спасатели немедленно бросились к люку корабля, чтобы его открыть, но тут же отпрянули назад – от корабля шел жар, как от раскаленной печи. Во время вскрытия кабины экипажа двое из двадцати семи членов стартовой команды получили сильное отравление угарным газом. Люк удалось открыть лишь через несколько минут. Астронавты к тому времени были уже мертвы, они сгорели заживо.

В этой связи журналист и исследователь истории космонавтики Джеймс Оберг писал:

«Трагедия Бондаренко в 1961 году очень похожа на катастрофу в Мысе Кеннеди в январе 1967 года, когда три американских астронавта тоже погибли во время пожара в насыщенной кислородом атмосфере. Не имея сведений о советской катастрофе, инженеры НАСА проявили небрежность при использовании чисто кислородной атмосферы. На «Аполлоне-1» (как и в советской барокамере) были использованы материалы, которые, как оказалось, становятся очень огнеопасными в атмосфере, обогащенной кислородом, на «Аполлоне-1» (как и в советской барокамере) не было люка для аварийного покидания кабины; на «Аполлоне-1» (как и в советской барокамере), не было никакого эффективного противопожарного оборудования.

Он погиб до полета Гагарина...

Могло ли знание о гибели в огне Бондаренко предотвратить пожар на «Аполлоне-1» и тем самым спасти Вирджила «Гаса» Гриссома (Virgil «Gus» Grissom), Эдварда Уайта (Edward White) и Роджера Чаффи (Roger Chaffee)? Сведения о том, что в обогащенной кислородом атмосфере из-за пожара погиб советский космонавт могло предотвратить повторение этой трагедии в Америке.

Во время трагедии Бондаренко советским лидером был Хрущев, и спустя десятилетия, в мемуарах, написанных им в отставке, на пенсии, он отметил, что, по его мнению, информация о таких происшествиях должна быть общедоступна».

К сходным выводам пришел и известный исследователь истории космонавтики Юрий Караш. В своей книге «Тайны лунной гонки» он писал:

«К сожалению, нет сведений о том, насколько подвигли трагедии руководителей советского государства и, в частности, космической программы СССР, к мысли о том, что, объединив усилия с другой космической державой - США, подобные инциденты можно было бы предотвращать в будущем. Но у руководства НАСА подобные мысли возникли. Свидетельство тому - слова Уэбба (Джеймс Эдвин Уэбб руководил НАСА в период с 14 февраля 1961 года по 7 октября 1968 года – С.Ч.), которые он произнес на пресс-конференции через три дня после пожара на «Аполлоне-1»:

«Мы в Национальном управлении по аэронавтике и исследованию космического пространства стремимся сделать каждое реальное усилие [чтобы обеспечить безопасность астронавтов]. Могли бы жизни, которые уже нельзя вернуть, быть спасены, если б мы знали надежды, устремления и планы друг друга? Или могло бы их спасти полноценное [советско-американское] сотрудничество, будь оно в наличии на тот момент?»

...Я очень надеюсь, что драматические события, случившиеся в 1967 году, наполнят реальным

Он погиб до полета Гагарина...

содержанием многочисленных заявления руководителей обеих стран о необходимости установления взаимодействия [в космосе] между двумя государствами».

Увы, предположение Уэбба о том, что знание «надежд, устремлений и планов друг друга» могло бы спасти жизни американских астронавтов, не лишено оснований. 23 марта 1961 года первый отряд космонавтов, или как его еще называли - «гагаринский» (все его члены были набраны туда вместе с Гагариным) понес первую утрату. В ходе проведения сурдобарокамерных испытаний погиб старший лейтенант Валентин Бондаренко. Сурдобарокамера - это изолированное от окружающей среды, замкнутое и герметичное пространство, где созданы условия абсолютной тишины, а внутренняя атмосфера отличается от обычной земной. До начала космических полетов считалось, что в корабле на орбите космонавта будет окружать абсолютное беззвучие, а потому требовалось проверить, как он будет реагировать на окружающую его невольную немому.

Но вернемся к Бондаренко. Он погиб из-за нелепой случайности. В тот день Валентин работал при пониженном давлении, а это компенсировалось избытком кислорода. Сняв с себя датчики после медицинских проб, Бондаренко протер места их установки на теле ваткой и не глядя, бросил ее в сторону. Она упала на спираль включенной электроплитки, которая использовалась для подогрева пищи. В перенасыщенной кислородом атмосфере мгновенно возникло пламя, охватившее практически все пространство камеры. На Валентине загорелся шерстяной тренировочный костюм, но он не сразу подал сигнал тревоги, пытаясь самостоятельно ликвидировать пламя. Дежурный врач сразу открыть герметичную дверь, не выровняв давления снаружи и внутри, не мог. На это требовались лишние секунды, которые, в конечном итоге, и решили судьбу Бондаренко. Когда его

Он погиб до полета Гагарина...

вытащили, он был еще в сознании, повторяя: «Я сам виноват, никого не вините...» Врачи сделали все, что могли, но через восемь часов Валентин умер от ожогового шока.

Разумеется, информация о гибели Бондаренко была скрыта властями. О трагедии широкая публика узнала только в 1986 году, когда об этом на страницах газеты «Известия», получив поддержку на уровне членов Политбюро и преодолев сопротивление всевозможных цензур, рассказал Ярослав Голованов. Но если бы о том, что произошло с одним из членов гагаринского отряда, а главное - о причинах произошедшего, стало известно тогда же, как знать - не спасло бы это жизни Гриссому, Уайту и Чаффи? Ведь пожар на «Аполлоне-1» случился почти при тех же обстоятельствах, что и в сурдобарокамере - в замкнутой среде, в атмосфере, насыщенной кислородом. Быть может, зная о трагедии Бондаренко, американские специалисты предприняли бы особые меры безопасности для астронавтов, находящихся в аналогичных условиях, и экипаж первого «Аполлона» остался бы жив?» (7.2).

Но в Советском Союзе решили, как мы уже отмечали выше, скрыть информацию о гибели кандидата в космонавты Валентина Бондаренко. Уж очень эта трагедия портила радужную картину триумфального шествия по просторам Вселенной советской космонавтики. Более того, некоторые авторы уже после трагедии на мысе Канаверал 27 января 1967 года и гибели астронавтов Вирджил Гриссом, Эдвард Уайт и Роджер Чаффи позволяли себе злословить по поводу успехов американской космонавтики. Так, Александр Алексимов в книге «4 октября 1957 года. Спутник и США» писал:

«После серии успешных полетов по программе «Джемини» самонадеянность и свехуверенность достигли таких масштабов, что, по мнению многих, это обстоятельство в сильной степени способствовало возникновению той опасной ситуации, в которой

Он погиб до полета Гагарина...

произошла катастрофа 27 января 1967 года, унесшая жизни трех космонавтов: В. Гриссома, Э. Уайта, Р. Чаффи.

Организованное конгрессом расследование показало, что пожар, в результате которого погибли три космонавта при наземных испытаниях командного отсека «Аполлон», был следствием безобразного недосмотра. Далекое не идеально работала фирма «Норд Америкэн Авиэйшн», главный подрядчик, строивший отсек. Установлено также, что НАСА знало о многих недостатках, но не приняло действенных мер для исправления положения.

«Пожар возник из-за небрежности, которую мог бы заметить даже школьник, - констатирует журнал «Форчун», - ведь это был космический корабль, полный горючих материалов, с массой недостаточно изолированных электропроводов и с атмосферой из 100-процентного кислорода под давлением».

Дорогой ценой решили заплатить в США за престиж, бросившись «вдогонку за русскими!» (7.3).

Однако не все эксперты в области космонавтики разделяют изложенную выше точку зрения Джеймса Оберга и Юрия Караша о том, что открытие информации о гибели кандидата в космонавты Валентина Бондаренко могло бы предотвратить трагедию на «Аполлоне-1». С мнениями Джеймса Оберга и Юрия Караша не согласен, к примеру, Вадим Молчанов. В книге «О тех, кто не вышел на орбиты» он пишет:

«Кое-кто утверждает, что если бы американцам своевременно сообщили о гибели Валентина Бондаренко, то это предотвратило бы гибель экипажа «Аполлона-1» при пожаре 27 января 1967 года на мысе Кеннеди. Вряд ли.

Еще в 1962 году во время эксперимента в исследовательском центре (Филадельфия) в наполненной кислородом барокамере возник пожар. Четыре испытателя получили серьезные ожоги. Чуть позже, во время тренировки в школе космической

Он погиб до полета Гагарина...

медицины на военно-воздушной базе Брукс пожар возник в кислородной атмосфере тренажера космического корабля. В этот раз пострадали двое. Американцы из случившегося серьезных выводов не сделали. И только гибель Гриссома, Уайта и Чаффи в кабине «Аполлона-1» вынудила их принять максимальные меры по обеспечению безопасности астронавтов. Так что вряд ли информация о гибели Валентина Бондаренко что-нибудь бы изменила. От «голой» информации пользы не так уж много. Для предотвращения аварий и катастроф, как локальных, так и глобальных, требуются помимо информации еще доверие и сотрудничество».

К сожалению, и в Советском Союзе только частично сделали выводы из трагедии, случившейся в марте 1961 года. Конечно, в 1963 году в Институте авиационной и космической медицины ввели в строй новую сурдобарокамеру, в которой уже были предусмотрены многие организационные и технические новшества, позволяющие избежать аварийных ситуаций. Но никто и предположить не мог, что аналогичные проблемы возникнут не на Земле, а в космосе - в феврале 1965 года во время полета космического корабля «Восход-2» и выхода в космос Алексея Леонова. В книге Владимира Касьянова, «Скрытый космос» читаем:

«Сам космонавт (Алексей Леонов – С.Ч.) об этой ситуации вспоминает следующим образом:

- Самое страшное было, когда я вернулся в корабль: начало расти парциальное давление кислорода (в кабине), которое дошло до 460 миллиметров и продолжало расти. Но ведь 460 миллиметров - это гремучий газ, ведь Бондаренко сгорел на этом... Вначале мы в оцепенении сидели. Все понимали, но сделать почти ничего не могли... А давление растет... Малейшая искра - и все превратилось бы в молекулярное состояние, и мы это понимали. Семь часов в таком состоянии, а потом заснули - видимо, от стресса. Потом

Он погиб до полета Гагарина...

мы разобрались, что я шлангом от скафандра задел тумблер наддува...» (7.4).

Эту же ситуацию, только куда более живописно, описал и журналист Михаил Ребров в книге «Космические катастрофы. Странички из секретного досье»:

«В народе говорят: «Одна беда не приходит». Или «Пришла беда - открывай ворота». Им (космонавтам Павлу Беляеву и Алексею Леонову – С.Ч.) на себе довелось испытать правоту этих слов. В какой-то момент «Алмазы» (полетный позывной экипажа космического корабля «Восход-2» - С.Ч.) заметили, что началось «закислораживание» атмосферы в корабле. Прибор показывал - парциальное давление кислорода поднялось до 460 миллиметров. Им стало не по себе. Они понимали, сколь это опасно. Малейшее искрение в контактах и реле автоматики или при переключении тумблеров могло вызвать пожар и взрыв. В памяти всплыл трагический случай, происшедший с их товарищем Валентином Бондаренко в барокамере, еще до старта первого «Востока». Тогда парциальное давление было много меньше - 436.

Хотелось не думать ни о Бондаренко, ни о давлении кислорода, ни о чем плохом.

Алексей (Леонов – С.Ч.) записал в бортжурнал время и показания приборов: «Пригодится для будущего, если что». Им повезло: ничего не искрило, не коротало» (7.5).

Более семи часов космонавты Павел Беляев и Алексей Леонов летели, по сути, внутри металлической пороховой бочки, на которую стал похож их корабль. Постепенно атмосфера внутри кабины пилотов стабилизировалась. Уже потом, на Земле, определили причину изменения давления. Оказалось, что входной люк после возвращения Алексея Леонова из открытого космоса закрылся не полностью, негерметично – в нем была микрощель между крышкой и обрезом люка. Через нее воздух сочился наружу. Бортовые системы

Он погиб до полета Гагарина...

зафиксировали падение давления внутри корабля и начали усиленно нагнетать кислород, чтобы восстановить потери воздуха. Когда давление внутри корабля повысилось, крышку «поддавило» и она точно встала на свое место, микроскопическая щель закрылась.

Нелепая секретность скрывала имя погибшего кандидата в космонавты Валентина Бондаренко. Но слухи о «космонавте, который погиб до полета Юрия Гагарина» все равно расползались. И часто в этих слухах утверждалось, что этот таинственный космонавт погиб не на испытаниях в сурдобарокамере, а во время тайного космического полета.

Джеймс Оберг писал в книге «Красная звезда на орбите»:

«В 1977 году в книге Георгия Шонина («Самые первые» - С.Ч.) было признано наличие восьми «отчисленных» из первого набора космонавтов. Были названы только имена этих космонавтов (через десять лет Голованов назвал и их фамилии). Книга Шонина (и некоторые другие, более поздние книги космонавтов), дала очень скудную информацию по поводу их отчисления, упоминая медицинские, дисциплинарные и прочие причины, давая тем не менее ясно понять, что все они покинули отряд живыми. Шонин даже рассказал на двух страницах про «молодого Валентина» (Бондаренко, как мы позже узнали), правда, без всякого упоминания о происшедшей трагедии. Эти частичные объяснения и обманы были предприняты в ответ на продолжение западного интереса к тайне исчезнувших советских космонавтов.

(Увы, Джеймс Оберг ошибается относительно того, что имена нелетавших космонавтов впервые были названы в 1977 году в книге Георгия Шонина «Самые первые». Еще в 1965 году в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» вышла книга записок корреспондента ТАСС Бориса Борисовича Лукьянова «Мы верим, друзья, караваны ракет...», в которой имена

Он погиб до полета Гагарина...

(без указания фамилий!) некоторых еще не летавших в космос кандидатов в космонавты были действительно названы впервые – С.Ч.).

Даже во время гласности старая и резкая русская параноя на иностранное любопытство относительно своих неудач все ещё очень заметна.

Примером такой реакции является история Денниса Огдена, британского корреспондента в Москве в 1961 году. Как раз перед полетом Гагарина Огден написал о том, что летчик по имени Владимир Ильюшин полетел в космос за неделю до Гагарина, но возвратился тяжело раненый и был спрятан в больнице. Голованов писал в «Известиях»: «Сначала я отнесся к этой истории [о полете Ильюшина] с иронией и отвращением. Это хорошо продуманная антисоветская кампания, авторы которой в течение многих лет обманывали миллионы людей и умаляли научно-технические достижения нашей страны... Мы могли ожидать и того, что наши враги будут стараться подорвать значение полета Гагарина тем или иным способом .... Такие сообщения предназначены для крайне неосведомленных читателей. Я повторяю: это - целая кампания».

Иронический аспект выпада Голованова против «врагов» и использования истории Ильюшина как примера состоит в том, что история это исходила не от врагов СССР. Она исходила от его друзей. Автором был Деннис Огден, московский корреспондент Daily World, официальной газеты Британской Коммунистической партии.

Огден жил в Москве в 1961 году и, возможно, получил сильно искаженную версию смерти Бондаренко, которая, как мы теперь знаем, действительно произошла за двадцать дней до полета Гагарина. Или он, зная (так как он жил в одном доме с Ильюшиным), что Ильюшин получил сильные ранения (во время автокатастрофы), мог связать их со слухами относительно раненых космонавтов, которые циркулировали в Москве в то время. Он высказал правдоподобную версию, которая,

Он погиб до полета Гагарина...

как оказалось, была ложной, вовсе не пытаюсь выступить против «рабочего рая», который он фактически обожал».

Более подробно и с указанием дополнительных нюансов останавливается на истории фальшивки корреспондента Дениса Огдена Леонид Владимиров в книге «Советский космический блеф»:

«Королев решил ограничиться самым элементарным запуском - на один виток; и если этот запуск дважды будет удачным, то повторить его абсолютно так же в третий раз - но уже с космонавтом на борту. Первые четыре таких корабля запускались на сутки каждый - к семнадцатому витку они выходили снова в позицию для посадки на территорию СССР. После третьего витка посадка на советскую территорию становилась невозможной, и нужно было ждать семнадцатого оборота, наступавшего через сутки.

Девятого и двадцать пятого марта 1961 года каждая из ракет сделала по витку вокруг земли. Помещенные в них собаки и манекены космонавта благополучно приземлились на парашютах, причем собаки прикреплялись к манекенам, и для их катапультирования применялась точно такая же система, как для будущего космонавта. Вообще эти два полета были выполнены с повторением самых мельчайших деталей, без каких-либо изменений. Тем временем шел монтаж следующей, абсолютно такой же ракеты для запуска следующего, совершенно такого же корабля-спутника. Только вместо манекена с привязанной к нему собакой в кресле должен был сидеть космонавт.

Об успехе мартовских запусков было широко объявлено в советских газетах. Это привело в возбуждение аккредитованных в Москве иностранных журналистов - они понимали, что Советский Союз постарается запустить человека на орбиту раньше американцев, и ждали, что это произойдет со дня на день. Корреспонденты приставали по телефону ко всем

Он погиб до полета Гагарина...

известным им ученым - вплоть до тогдашнего президента Академии наук А. Н. Несмеянова, по профессии химика, не имевшего никакого отношения к космическим полетам и часто ничего не знавшего о предстоящем запуске. Но, видимо, кто-то из советских специалистов, то ли шутки ради, то ли «по поручению», дал какому-то иностранцу «информацию». Журналист бросился к телефону - и последствия оказались печальными.

Утром 12 апреля 1961 года (то есть в день запуска Юрия Гагарина – С.Ч.), по дороге в редакцию, я купил в московском уличном киоске единственную доступную советским гражданам иностранную газету на английском языке — лондонскую «Дейли уоркер» (ныне «Морнинг стар»). На первой странице в глаза бросался огромный заголовок, сообщавший о том, что в Советском Союзе запущен в космос человек.

Вокруг меня сейчас же собралась толпа, потребовали переводить. Я с большим трудом стал пересказывать длинное сообщение корреспондента «Дейли уоркер» Денниса Огдена из... Москвы.

Г-н Огден писал, что космический корабль с человеком на борту сделал три оборота вокруг земли и совершил посадку на советской территории; что космонавтом был «сын известного советского авиаконструктора»; что он вернулся из космоса тяжело больным, и лучшие кремлевские врачи собраны у его изголовья.

«Вранье?», «Не может быть!» - кричали вокруг. В советских газетах за этот день не было никакого сообщения. Я пожал плечами и спустился в метро, предпочитая не ввязываться в разговор на столь опасную тему, как оперативность и достоверность информации в СССР и странах Запада. Размышляя над сообщением, я все же приходил к выводу, что оно было неправдой. И первое, что меня насторожило, было упоминание «сына известного советского авиаконструктора». Речь могла идти только об одном

Он погиб до полета Гагарина...

человеке - Владимире Ильюшине, сыне Сергея Ильюшина, создателя советских самолетов «ИЛ». Владимир Ильюшин, молодой летчик-испытатель самой высокой квалификации, мог быть космонавтом. Он очень невысок ростом, легок и в то же время физически крепок. Но все дело в том, что Ильюшина я знал лично, бывал у него в доме. Насколько мне известно, он космонавтом не был. А кроме того, я припомнил, что Владимир Ильюшин и корреспондент «Дейли уоркер» Деннис Огден живут рядом, в одном и том же квартале на Ленинградском проспекте. Огден мог знать Владимира Ильюшина. Он мог позвонить ему для проверки попавшей ему в руки «сенсации». И выяснить, что Ильюшин болен и находится в госпитале. А в госпитале он и вправду был: врезался в столб на своем автомобиле и сломал ногу.

Было бы чрезвычайно любопытно выяснить, знал ли Деннис Огден (ныне живущий в Англии) Владимира Ильюшина, звонил ли ему 11 апреля 1961 года и вообще, откуда он взял версию о «сыне известного советского авиаконструктора», облетевшем землю три раза и вернувшимся больным. Боюсь только, что г-н Огден вряд ли захочет отвечать на такие вопросы. Журналисты на Западе вообще не любят отвечать на вопросы об источниках информации, а коммунистические журналисты - в особенности.

Неверным выглядело в сообщении «Дейли уоркер» и другое - количество витков. От друзей, работавших с Королевым, я знал, что предполагается точная копия мартовских «собачьих» запусков - то есть один виток и посадка в районе старого ракетного полигона Капустин Яр. Как могло быть три витка?

Приехав в редакцию, я показал газету товарищам, и мы дружно решили, что сообщение Денниса Огдена - чепуха. А через десять минут после разговора в редакционную комнату ворвался сотрудник, крича: «Скорее к радио! Космический полет с человеком!»

Он погиб до полета Гагарина...

Действительно, по радио передавали, вперемешку с торжественными фанфарами, сообщение о том, что сегодня, то есть 12 апреля 1961 года, в 9 часов утра с минутами, запущен космический корабль «Восток» с космонавтом Юрием Гагариным на борту. Через некоторое время последовало столь же торжественное сообщение, что космонавт благополучно приземлился.

Мы были потрясены совпадением. Кто-то пошутил на тему об оперативности западной прессы, сообщающей о событиях в СССР за сутки до того, как события происходили. Кто-то вспомнил о брандмейстере, бравшемся мгновенно ликвидировать любой пожар при условии, что ему сообщат о пожаре за пятнадцать минут до того как загорится. Но все чувствовали какое-то смущение - тем более, что газета «Дейли уоркер» ведь считалась нашей, она коммунистическая. Мы удивлялись и тому, что бдительная советская цензура пропустила этот номер «Дейли уоркер» в продажу за два часа до того, как было объявлено о полете Юрия Гагарина.

Мне не терпелось выяснить, что же на самом деле случилось. Начал звонить друзьям, работающим у Королева. Никого из них в Москве не было.

Впоследствии эти друзья в один голос уверяли меня, что сообщение в западной прессе (не только в «Дейли уоркер») было вымыслом, что оно просочилось через кого-то, кто мог знать о подготовке запуска в те дни, но в то же время не был осведомлен о деталях. Как и следовало ожидать, слухи о «догагаринском» полете распространились в стране очень широко и обогатились самыми невероятными подробностями. Властям даже пришлось выпустить особое сообщение, что эти слухи неверны и что летчик Ильюшин, будто бы совершивший полет в космическом корабле, на самом деле попал в автомобильную аварию и лечится на китайском курорте Ханчжоу. Последнее, подтверждаю от себя, было чистой правдой.

Он погиб до полета Гагарина...

Анализируя все тогдашние события, я и сегодня склоняюсь к тому, что никакого «догагаринского» полета с человеком - с Ильюшиным или еще кем-либо - не было. И не только потому, что доверяю моим друзьям-специалистам, но и по ряду других обстоятельств.

Например, не подлежит сомнению, что Юрий Гагарин летал именно в то время, когда полет был объявлен. Иными словами, Королев настоял, чтобы объявление по радио было сделано сразу после выхода «Востока» на орбиту, а не после приземления.

Можно понять, почему власти пошли на предложение Королева сразу объявить о вылете Гагарина. Ведь если бы о нем объявили постфактум, было бы трудно доказать, что полет вообще имел место. А так зарубежные радиоустановки могли принимать сообщения Гагарина, могли подтвердить всему миру, что человек говорил действительно из космоса. Если бы кто-то летал до Гагарина, то об этом опять-таки было бы объявлено по выходе на орбиту. Наконец, если допустить, что полет почему-либо не был объявлен, и его неудачный исход привел к решению умолчать о нем, то уж о вылете Гагарина, во всяком случае, не сообщили бы до его приземления!

Далее. В 1961 году отношения между Хрущевым и Мао Цзэдуном были уже далеко не блестящими. Совершенно исключается, чтобы Хрущев принял решение «спрятать» больного космонавта в Китае, тем самым открыв именно китайцам такую важную тайну, как успех первого космического полета. Одно это соображение, вместе с тем неоспоримым фактом, что Владимир Ильюшин действительно лечился на китайском курорте, начисто опровергает часть версии, относящуюся к нему.

Весь конфуз с заграничными сообщениями о каком-то неудачном полете проистекает из советской секретности, порождающей и слухи, и газетные «утки». Причем виноватыми в таких случаях всегда оказываются в СССР «стрелочники». В данном случае

Он погиб до полета Гагарина...

вина была возложена на тех нерадивых цензоров, которые пропустили в продажу тот злосчастный номер «Дейли уоркер». По слухам, в почтовой цензуре был устроен настоящий погром. А вскоре после этого покинул Москву и корреспондент «Дейли уоркер» Деннис Огден. Советское начальство стало относиться к нему холодно...»

Казалось бы, все ясно, поставлена точка. Увы, но слухи о том, что был «догагаринский» пилотируемый полет, который закончился аварийно, циркулируют и сегодня. И в этих слухах нет-нет да и всплывает фамилия кандидата в космонавты Валентина Бондаренко - мол, именно он был «космонавтом № 0», то есть полетел в космос до Юрия Гагарина и во время полета получил ожоги, от которых скончался. Читаем посты в социальных сетях и на форумах различных сайтов в интернете:

«Олег Мел-к: «Первым был Бондаренко, у которого Гагарин был вторым номером. Бондаренко похоронен на Филипповском кладбище, третий ряд, шестой слева. Весь первый отряд космонавтов неоднократно возлагал цветы, кроме Гагарина. «Первый космонавт планеты» там никогда не был. НИКОГДА».

Виталий М-ев: «Говорят, что именно после гибели Бондаренко Гагарин и начал злоупотреблять алкоголем».

Анна С-ко: «Бондаренко сгорел в ракете».

Валерий П-ский: «Сергей Павлович Королёв прямым текстом Хрущёву докладывал: «У меня на примете замечательный лётчик из Прибалтики, любимец отряда. Трудолюбив. Авиацию любит, в полётах не устаёт... Летает смело, грамотно, уверенно. Честный и преданный коммунист». Бондаренко и был бы первым, если бы не трагическая случайность».

Алексей Бен-ц: «В судьбе Бондаренко много политики. Ведь, по сути, он считался первым кандидатом на полёт в космос. Скромно и без претензий Бондаренко именуют в нашей печати «одним из

кандидатов», забывая упомянуть, что шансы быть первым у Валентина были стопроцентными. Об этом буквально кричит вся мемуарная литература о космосе».

Как там у Владимира Высоцкого?

«Словно мухи, тут и там, ходят слухи по домам,

А беззубые старухи их разносят по умам».

«Отметились» на поле слухов о «догагаринском» полете и современные писатели. Так, в шпионско-детективном романе Анны и Сергея Литвиновых «Сердце Бога» читаем:

«Москва

Агент Сапфир

Мы с американкой Лаурой - Ларой часто разговариваем о космосе. Не думаю, что потому, что тема интересует ее хозяев из конторы. Все, что им было действительно нужно, они узнали от меня и безо всяких разговоров - из подробнейших опросников, что передавали мне другие связники, предшественники Лауры (и последователи Марии).

История космонавтики, похоже, волнует девушку сама по себе - и я, насколько могу (и насколько позволяет мой английский), удовлетворяю ее любопытство.

- Скажи, почему, - спрашивает она меня, - российские космонавты гибли только при посадке? Почему они не терпели катастрофы при взлете - как наш «Челленджер» в 1986 году?

- Королев сделал надежную ракету, - пытаюсь отшутиться я. - Самую надежную в мире. До сих пор летает.

- Может, дело в другом? - Лара смотрит на меня как прокурор.

- В чем?

- В Советском Союзе не извещали о предстоящих ракетных запусках. О них никто не знал. Однако о состоявшихся пусках уведомляли. Поэтому, когда космический аппарат садился, деваться было некуда, приходилось рапортовать о неполадках. Так что делаем

Он погиб до полета Гагарина...

вывод: когда ваши космонавты погибли на старте, они умирали втайне. О них никто не знал.

- Старая песня! - усмехаюсь я. - Об этом желтая пресса (ваша, буржуазная, в СССР не было никакой желтой прессы) стала писать еще в конце пятидесятых. И знаешь что? Ни одного факта не подтвердилось. Ни единого! Даю тебе гарантию сто процентов. Нет никаких сведений о том, что в Союзе летали какие-то астронавты, кроме тех, о которых было объявлено.

- А Бондаренко? - наносит она удар.

- О, Лара, - вздыхаю я, - ты знаешь о Бондаренко. Ты хорошо подготовилась.

- О нем никто не знал, до тех пор пока у вас не началась пе-ре-строй-ка, - это слово она произносит по-русски, - и ваш журналист Го-ло-ва-нов не обнародовал о нем информацию. Но это случилось в конце восьмидесятых. А Бондаренко погиб в шестидесятом.

- В шестьдесят первом, - поправляю я. - В марте шестьдесят первого года. Кстати, в доме, куда заселили первых космонавтов - в районе платформы Чкаловская, Валентин Бондаренко жил на последнем, пятом этаже. Обычная, кстати, была хрущоба. - Лара кивает. Она знает это русское слово. - Перед тренировкой он сбегал со своего этажа и звонил во все квартиры подряд, подгонял товарищей. Поэтому ему дали прозвище Звоночек - не знаю, как перевести, маленький колокол, что ли? Так вот, старший лейтенант Валентин Звоночек Бондаренко проходил тренировку в сурдокамере. Камера была наполнена практически чистым кислородом. Он брал сам у себя анализ крови, отбросил ватку, она упала на спираль электроплитки. И воздух в камере запылал. Кислород хорошо горит, я думаю, ты знаешь. Примерно так, из-за пожара в атмосфере из чистого кислорода, погибли трое ваших астронавтов - в шестьдесят седьмом году, если я не ошибаюсь.

- Не переводи стрелки, - хмурится она. - Ты точно знаешь, что все именно так и было? Не много ли деталей? Не слишком ли хорошо проработана легенда?

Он погиб до полета Гагарина...

Электроплитка, анализ крови, ватка, смоченная спиртом? Может, все было не так? И Бондаренко на самом деле сидел на вершине ракеты? И она взорвалась? Дело было как раз меньше чем за месяц до полета Гагарина. Может, первым в космос собирались послать Валентина? Да не получилось? Запуск, как все у вас, засекретили. А потом придумали байку про сурдокамеру для отвода глаз.

- Исключено, - отрезаю я. - В те дни, в марте шестьдесят первого, не было никаких запусков. Это и вы, штатовцы, могли знать, несмотря на всю нашу секретность. Над Байконуром ваши самолеты-шпионы вовсю шныряли. А в шестьдесят первом - и ваши спутники.

- А кто говорит, что несчастный Бондаренко погиб именно в марте шестьдесят первого? - наносит она новый удар. - Про март шестьдесят первого придумали позже, чтобы замести следы. А он взорвался вместе с ракетой, например - дай вспомнить - в октябре шестидесятого. Тогда на вашем полигоне Байконур была страшнейшая ракетная авария - о которой тоже стало известно только четверть века спустя, во время перестройки-ка.

- Ты имеешь в виду катастрофу с ракетой Р-16? - вопрошаю я. - Когда погиб маршал Неделин?

- Именно.

- И в ней, по-твоему, находился Бондаренко?

- Да.

- Какая чушь! - убежденно восклицаю я.

- Почему? - невозмутимо спрашивает Лара.

- Да по многим причинам! Хотя бы потому, что взорвавшаяся ракета принадлежала совершенно другому КБ, находившемуся в Днепропетровске. Они конкурировали с Королевым, и он никогда не дал бы своего космонавта, чтобы его использовали в чужой ракете! Это исключено!

- Но ведь не Королев был тогда самым главным в вашей стране, - хладнокровно парирует она. - И не ему

Он погиб до полета Гагарина...

подчинялись ракеты, корабли и космонавты. Они подчинялись мистеру Хрущеву. А ты сам говорил мне, что он был са-мо-дур, то есть вздорный человек. Вот он и придумал (или его убедили), что надо лететь в космос прямо тогда. И попытались послать Бондаренко. Однако, увы, ничего не вышло.

- Нет, Лара! Хрущев хотя и самодур, - но не такой, чтобы хладнокровно жертвовать советскими людьми!

- Еще какой такой! Как все ваши руководители - цари, генеральные секретари и президенты - от Ивана Грозного до Сталина и наших дней. Их ничто и никогда, до сегодняшних дней, не ограничивает - ни конгресс, ни свободные выборы, ни пресса. Поэтому они творят что хотят. Захотел Хрущев разогнать мирную демонстрацию в Новочеркасске - и расстрелял, и погибли обычные простые советские люди.

- Все это демагогия, Лара. И бесплодные фантазии. Никаких доказательств у тебя нет - и быть не может. Так, как ты говоришь, просто не могло быть. У ракеты Р-16 тогда первый пуск был. Ты понимаешь, первый! И пусть Хрущев самодур, но ни один главный конструктор (а Р-16 делал Янгель, замечательный, умнейший, совестливый человек) не посадит на неотработанную ракету космонавта. Знаешь, как Королев говорил? До того момента, как полетит человек, должно состояться два полностью успешных беспилотных полета по намеченной программе. Так и произошло, когда полетел Гагарин. А все остальное - беспочвенные выдумки.

- Хорошо же советская пропаганда промыла тебе мозги, - смеется Лаура.

- А тебе - американская! - фыркаю я. И она переводит разговор на другую тему» (7.6).

Слухов о космических полетах «до Гагарина» стало так много, что, в конце концов, возникла даже необходимость периодически опровергать их. Так, журналист Михаил Ребров пишет в книге «Космические катастрофы. Странички из секретного досье»:

Он погиб до полета Гагарина...

«Небылицы о Гагарине не новость. Слухов о перипетиях его судьбы ходило много и разных. Сошлюсь хотя бы на то, что в зарубежной печати «авторитетно утверждалось», что он - потомок князей Гагариных, что после гибели космонавта Валентина Бондаренко Юрий отказался участвовать в подготовке к полету на «Востоке», что был агентом КГБ и т. д.

Валентин Бондаренко действительно ушел из жизни. Он умер после ожогов, полученных в барокамере. Случайная и нелепая смерть. Но на земле, а не в космосе» (7.5).

Известный исследователь истории космонавтики и писатель Александр Железняков в 2011 году даже написал книгу «Секретный космос. Были ли предшественники у Гагарина?», в которой обоснованно и мотивировано опровергал многочисленные вымыслы о «догагаринских» пилотируемых полетах и едва ли не двух десятках погибших в них фальшивых космонавтах.

Есть и другой сорт слухов, в которых утверждается, что Валентин Бондаренко не был первым, но входил в состав лидирующей «шестерки», которая готовилась для самых первых полетов в космос:

«Как рассказала «Городскому Дозору» директор харьковского планетария Галина Железняк, Валентин Бондаренко условно был шестым по уровню подготовки в отряде. Он находился в великолепной физической форме» (7.7).

В книге харьковчанина Николая Сергеевича Ларькова «Харьков космический», изданной в 2006 году в издательстве ВК «ВФ «Консум», можно прочесть:

«В ноябре 1960 года (на самом деле еще летом 1960 года – С.Ч.) из двадцати отобранных для первого космического полета в официальный список была внесена стартовая шестерка: Ю.Гагарин, А.Николаев, В. Быковский, Г.Титов, П.Попович и Г. Нелюбов. Назвать фамилию первого, кто полетит в космос, должна предполетная Государственная комиссия. И все же даже в среде руководителей Центра подготовки космонавтов

Он погиб до полета Гагарина...

первым называли Ю.Гагарина, вторым Г.Титова, третьим Г.Нелюбова. Однако вскоре в стартовой шестерке произошли изменения. Быстро воспламеняющийся Г.Нелюбов по какой-то причине был задержан в Чкаловске (где готовили группу для полета) гарнизонной патрульной службой. В комендатуре гарнизона, куда он был доставлен, Г.Нелюбов вел себя очень агрессивно, о чем стало известно С.П.Королеву. Вызвав начальника Центра подготовки космонавтов Е.А.Карпова, он сказал ему:

- Может ли летчик принимать правильное решение при полете в экстремальных условиях, если даже в обыденной обстановке эмоции захлестывают его и он становится неуправляемым?.. Вы, врачи, добивайтесь того, чтобы в полет на космическом корабле летчик уходил в наилучшей форме. Вот и действуйте, пожалуйста, как надо...

Об этом разговоре с С.П.Королевым, Карпов доложил руководителю отряда космонавтов генерал-полковнику Н.П.Каманину и помощнику Главкома ВВС по медицинской части генералу А.Н.Бабийчуку. Проинформировали об этом и Главкома ВВС К.А.Вершинина. Было принято решение - Г. Нелюбова из стартовой шестерки вывести.

(Вся описанная выше история действительно произошла, но не в 1960 году, а весной 1963 года, через два года после трагической гибели Валентина Бондаренко. За дисциплинарный проступок из отряда космонавтов были отчислены Иван Аникеев, Григорий Нелюбов и Валентин Филатьев. Правда, без всякого участия в этой истории Сергея Павловича Королева – С.Ч.)

Для его (Григория Нелюбова – С.Ч.) замены медицинская комиссия отобрала две кандидатуры - А.Карташова и В.Бондаренко. Из-за нехватки времени, они должны пройти все положенные тренировки в ускоренном режиме.

Он погиб до полета Гагарина...

Здесь я должен заметить, что в обычном режиме испытания на центрифуге начинали с шестикратной перегрузки, и каждый день по одной увеличивали. И только на шестые сутки крутили по двенадцатикратной. В данном случае полную нагрузку дали в один день. При двенадцатикратной перегрузке на центрифуге у 28-летнего А.Карташова на спине появились кровоподтеки; 24-летний В.Бондаренко - выдержал. А.Карташова отстранили. У В.Бондаренко остался последний рубеж - пятнадцатисуточное пребывание в сурдобарокамере. Ему предстояло испытать, что представляет собой длительное одиночество в абсолютной тишине и «ограниченном пространстве».

На самом деле в лидирующую шестерку летом 1960 года отобрали Валентина Варламова, Юрия Гагарина, Анатолия Карташова, Андрияна Николаева, Павла Поповича и Германа Титова. Анатолий Карташов действительно не прошел испытаний на центрифуге. Валентин Варламов получил бытовую травму и был отстранен от подготовки. На их место были назначены Валерий Быковский и Григорий Нелюбов. В этом составе «шестерка» тренировалась до апреля 1961 года, до полета в космос Юрия Гагарина. Валентин Бондаренко никогда не был в числе первых шестерых кандидатов на космический полет.

Понятно, что харьковчанин Николай Ларьков в своей публикации просто пытается «повысить статус» земляка Валентина Бондаренко. Не совсем понятно, зачем это же делает бывший испытатель и писатель Василий Лесников в своей пьесе «Космические игры». Там можно прочесть якобы имевший место диалог генерала Николая Каманина и некоего летчика-инструктора Иванова:

«КАМАНИН. Через три дня Королев будет проверять первую шестерку. Я должен назвать ему первого кандидата. Твое мнение как инструктора?

ИВАНОВ. Не мое это дело... Все хороши одинаково.

Он погиб до полета Гагарина...

КАМАНИН. И все же.

ИВАНОВ. Если вас это действительно интересует...

КАМАНИН. Для того и начал разговор.

ИВАНОВ. Бондаренко.

КАМАНИН. Да ты что, свихнулся! Он же сопляк. Самый молодой. Да и в шестерке его нет.

ИВАНОВ. Вы же спросили мое мнение... На последних тренировках именно он был лучшим. Очень прогрессирует.

КАМАНИН. А ты знаешь, что он единственный привез из полка взыскание за пьянку?

ИВАНОВ. Вы спрашивали о лучшем. А в полку... я тоже пил. Только наказывают всегда только молодых. Для науки.

КАМАНИН. Хватит о нем...» (7.8).

Версию вхождения Валентина Бондаренко опровергают ветераны космодрома Байконура. Так, Петр Струщенко, тоже харьковчанин, говорил: «Где был бы Валентин Бондаренко во время полета Гагарина, трудно сказать: возможно, на космодроме, возможно, был бы кандидатом на очередной пуск. На месте Гагарина он оказаться никак не мог. В группу из шести человек вошли Гагарин, Николаев, Быковский, Титов, Попович и Нелюбов» (7.9).

Окончательную ясность в вопрос о составе первой «шестерки» советских космонавтов вносят записи в дневнике генерала Николая Каманина:

«6 января (1961 года – С.Ч.).

Сегодня Главком ВВС подписал приказ о назначении комиссии по приему выпускных экзаменов у первых шести слушателей-космонавтов. Председателем комиссии назначен я, заместителем - Бабийчук. Сдавать экзамены будут следующие товарищи: капитан В.Ф.Быковский, капитан А.Г.Николаев, капитан П.Р.Попович, ст.лейтенант Ю.А.Гагарин, ст.лейтенант Г.Г.Нелюбов, ст.лейтенант Г.С.Титов.

17 января (1961 года – С.Ч.).

Он погиб до полета Гагарина...

Сегодня комиссия, назначенная приказом Главкома ВВС под моим председательством, начала прием выпускных экзаменов у первой шестерки слушателей-космонавтов, подготовленных в Центре подготовки космонавтов (ЦПК) ВВС. В состав комиссии входят: генерал-майор Бабийчук, генерал-лейтенант Волынкин, генерал-лейтенант Клоков, полковники Яздовский и Карпов, академик Сисамян (АН СССР), кандидат технических наук Феоктистов (ОКБ-1), Главный конструктор завода №18 ГКАТ Алексеев и заслуженный летчик-испытатель Галлай (ЛИИ). Присутствовал начальник ЛИИ ГКАТ Н.С.Строев. Это первые в нашей стране выпускные экзамены космонавтов. Проходили они в филиале ЛИИ и были засняты на киноплёнку.

Каждый слушатель-космонавт занимал место в кабине действующего макета космического корабля «Восток-3А» и в течение 40-50 минут докладывал комиссии о назначении корабля, его оборудовании, о действиях космонавта на различных этапах полета от посадки в кабину корабля на старте и до приземления в районе посадки. Во время доклада экзаменуемого и после доклада члены комиссии задавали вопросы. Особое внимание комиссией уделялось умению космонавта ориентировать корабль перед включением ТДУ (тормозная двигательная установка), знанию и умению пользоваться аппаратурой, обеспечивающей жизнедеятельность космонавта, действиям космонавта после приземления в пустынной местности и на воду. Все слушатели показали хорошие знания космического корабля и условий его полета. Гагарин, Титов, Николаев и Попович получили оценки «отлично», а Нелюбов и Быковский – «хорошо».

18 января (1961 года – С.Ч.).

Сегодня комиссия в том же составе продолжила свою работу, но уже в ЦПК. Каждый слушатель вынимал экзаменационный билет и после 20-минутной подготовки отвечал на три вопроса, записанные в билете. Сумма всех вопросов в билетах полностью охватывала объем

Он погиб до полета Гагарина...

пройденного за 9 месяцев курса обучения. После ответов на вопросы билета каждому слушателю задавалось еще 3-5 дополнительных вопросов.

Все слушатели показали отличные знания. Рассмотрев личные дела, характеристики, медицинские книжки и оценки слушателей по учебным дисциплинам, комиссия единогласно решила всем слушателям поставить общую отличную оценку и записала в акте: «Экзаменуемые подготовлены для полета на космическом корабле «Восток-3А», комиссия рекомендует следующую очередность использования космонавтов в полетах: Гагарин, Титов, Нелюбов, Николаев, Быковский, Попович». После окончания экзаменов в присутствии членов комиссии я объявил результаты экзаменуемым, пожелал им успехов в дальнейшей учебе и в космических полетах (7.10).

Без сдачи экзаменов космонавтом не станешь. Фамилии Валентина Бондаренко не было в числе шестерых экзаменуемых. Значит, он никак не мог входить в состав лидирующей «шестерки» советских космонавтов и никогда не рассматривался в качестве кандидата на первые полеты на околоземную орбиту.

Еще один слух утверждает, что 25 марта 1961 года готовился полет корабля «Восток» с человеком на борту. Но космонавт Валентин Бондаренко погиб во время последней наземной тренировки, и вместо него в космический корабль посадили собаку Звездочка, которая успешно выполнила одновитковый полет. Корабль в сообщении ТАСС назвали «пятым советским космическим кораблем-спутником».

Увы, придется разочаровать разносчиков этого слуха – пятый корабль-спутник был последним тестовым кораблем в серии беспилотных полетов. Вот что писал академик Борис Евсеевич Черток в книге «Ракеты и люди»:

«Если исходить из современных стандартов надежности ракет-носителей, то у нас к апрелю 1961 года не было оснований для оптимизма.

Он погиб до полета Гагарина...

Из пяти кораблей-спутников, запущенных в 1960 году для отработки систем, взлетели четыре. Из этих четырех на орбиту вышли три, а приземлились два. Из двух вернувшихся только один приземлился нормально! До пуска человека было совершенно необходимо иметь еще два-три успешных беспилотных.

9 марта состоялся пуск корабля-спутника с манекеном и собакой Чернушкой по предлагаемой для человека программе. Совершив один виток, корабль приземлился в положенном районе, в двухстах шестидесяти километрах от Куйбышева. Собака Чернушка была продемонстрирована Владимиром Яздовским местным колхозникам. 25 марта 1961 года был запущен корабль ЗКА. Пуск прошел успешно. Присутствовавшие на полигоне космонавты могли убедиться в надежности радиосвязи на этапе выведения и при полете по орбите, пока корабль был в зоне видимости наших НИПов (наблюдательно-измерительных пунктов – С.Ч.). Приземление прошло благополучно в районе Воткинска. На Землю вернулся манекен «Иван Иванович» и собака Звездочка.

29 марта 1961 года состоялось заседание Военно-промышленной комиссии, заслушавшее предложение Королева о запуске человека на борту космического корабля «Восток». Заседание проводил Устинов (Дмитрии Федорович Устинов – в те годы заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам – С.Ч.). Он чувствовал историческую значимость предстоящего решения и, может быть поэтому, просил каждого главного конструктора высказать свое мнение. Получив заверения о готовности каждой системы и поддержку председателей Госкомитетов, Устинов сформулировал решение: «Принять предложение главных конструкторов...» Таким образом, его, Устинова, следует считать первым из высоких государственных

Он погиб до полета Гагарина...

руководителей, который дал «зеленый свет» запуску человека в космос.

3 апреля состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, которое проводил Хрущев. По докладу Устинова Президиум ЦК принял решение, разрешавшее запуск человека в космос» (7.11).

Подтверждение, что полет корабля 25 марта не планировался в качестве пилотируемого, находим и в опубликованных дневниках генерала Николая Каманина: «24 марта (1961 года – С.Ч.).

С 11:00 заседала Государственная комиссия по пуску «Востока-3А» под председательством академика Келдыша.

Решили, что пуск корабля «Восток-3А» с манекеном проведем 25 марта в 8:54 по московскому времени. В 13:00 ракету вывезли на старт.

25 марта (1961 года – С.Ч.).

В 6:30 местного времени Келдыш провел очень короткое заседание. Подготовка к пуску идет нормально, погода на старте и в районе посадки хорошая. Комиссия разрешила пуск.

За 10 минут до старта я перешел в бункер. За 2-3 минуты до старта и в течение трех минут после пуска я принимал с борта магнитофонную запись отсчета секунд и песни. Через 18 минут поступил сигнал об отделении корабля от носителя и выходе его на орбиту.

Посоветовавшись с Королевым и Келдышем, я принял решение отправить в Москву тремя самолетами Ил-14 всех космонавтов и офицеров ВВС (всего 34 человека). Перед нашим отлетом Бушуев передал по телефону, что в районе посадки приняты сигналы от передатчиков П-37 и Р-126. Это означало, что парашюты раскрылись, и корабль приземлился. В Москву прилетели уже ночью. Дежурный по КП ВВС доложил: «Корабль приземлился отлично в районе Ижевска».

27 марта (1961 года – С.Ч.). Москва.

Корабль приземлился в сорока пяти километрах юго-восточнее Воткинска. Манекен приземлился

Он погиб до полета Гагарина...

нормально, животные чувствуют себя хорошо. Собака Звездочка перенесла полет благополучно и сегодня весь день будет «выступать» перед журналистами и корреспондентами. Идут непрерывные звонки, все хотят побыстрее заснять знаменитую «космонавтку». Между прочим, Звездочкой ее окрестил накануне полета Юрий Гагарин. Остальные космонавты его дружно поддержали, я «утвердил» их предложение, и собака Удача стала Звездочкой».

В чем причина возникновения и распространения всех этих слухов о «догагаринских» полетах, о «космонавте № 0», о гибели космонавта «в ракете»? Александр Железняков в книге «Секретный космос. Были ли предшественники у Гагарина?» приводит мнение известного ракетостроителя Бориса Евсеевича Чертока:

«...Мы сами породили всех этих «призраков». И сами виноваты в том, что эти сплетни так живучи. Из-за того, что многое не рассказали в те годы. Из-за того, что по приказу свыше лгали «во благо идеи». Как результат, появлялись слухи о секретных полетах в космос. Боюсь, что эти вымыслы еще долго будут гулять по белу свету. И переубедить «сомневающихся» в обозримом будущем вряд ли удастся. Но Гагарин-то действительно был первым и останется таковым навсегда!» (7.12).

Мы уже писали выше, что первым Валентина Бондаренко и его трагическую гибель рассекретил журналист Ярослав Голованов. И произошло это только через двадцать пять лет после трагедии в марте 1961 года. Почему же нельзя было сказать правду раньше? Ярослав Голованов в предисловии к книге Вадима Молчанова «О тех, кто не вышел на орбиты» писал:

«Мне очень хотелось рассказать, например, правду о первом, «гагаринском» отряде наших космонавтов, о двадцати молодых, часто наивных, очень чистых ребятах, не ведавших о возможной вселенской славе, не мечтавших о золотых звездах и золотых генеральских погонах. Два года убеждал я

Он погиб до полета Гагарина...

многочисленных цензоров, что обороноспособность нашей страны не ослабнет, если назвать восемь фамилий нелетавших космонавтов первого отряда, из которых одних уже нет в живых, а другие - на пенсии. Дошел до маршала С.Ф.Ахромеева.

- Зачем их называть? - удивился маршал. - Ведь в космос они не летали, а стало быть, никакого вклада в космонавтику не внесли...

- Но, Сергей Федорович, быть может, та взыскательность, с которой отбирались космонавты, и помогла другим взлететь в космос, - возражал я. - А потом, чисто по-человечески, разве не хочется этим летчикам, которые, кстати говоря, перед нашей армией ни в чем не провинились, чтобы их внуки говорили с гордостью:

«Мой дед готовился лететь в космос вместе с Гагариным...»

Маршал не внял. Прошло два года, и лишь прямое вмешательство члена Политбюро ЦК КПСС Александра Николаевича Яковлева позволило опубликовать весной 1986-го в «Известиях» документальную повесть «Космонавт № 1» и назвать все дотоле «секретные» имена».

Ну, и что случилось, когда бы названы фамилии всех космонавтов первого «гагаринского» отряда? Рухнул мир? Москва-река потекла вспять?

Никаких катаклизмов не случилось. Люди просто узнали правду. Узнали правду и друзья Валентина Бондаренко – их друг прошел отбор в первую плеяду советских покорителей космоса и трагически погиб, не дойдя до цели всего лишь полшага. А еще на мемориальном монументе Валентина Васильевича Бондаренко на харьковском кладбище надпись «Светлой памяти от друзей-лётчиков» была дополнена припиской: « - космонавтов СССР». Отличающийся оттенок золотой краски хорошо заметен даже на фотоснимках.

Любопытно, что секретной гибель Валентина Бондаренко была только для граждан СССР. На Западе, -

Он погиб до полета Гагарина...

от которого и скрывались «секреты», - давно уже знали о трагедии. Да еще не было полной ясности, но общее представление о происшедшем уже имелось.

Джеймс Оберг пишет в книге «Красная звезда на орбите»:

«Много фактов о трагедии Бондаренко уже успели просочиться на Запад через железный занавес.

В 1982 году, эмигрировавший незадолго до того из СССР еврей по фамилии С.Тиктин обсуждал советские космические тайны в русскоязычном ежемесячном журнале, издаваемом эмигрантским обществом в Западной Германии. Он упомянул о существовании подобного инцидента. «Вскоре после полета Гагарина распространились слухи относительно гибели космонавта Бойко (или Бойченко) от пожара в барокамере», - писал он в своей статье.

В 1984 году издательство St. Martin's Press опубликовало книгу с названием «Русский доктор», написанную хирургом, доктором Владимиром Голяховским, эмигрантом из СССР. Он описал смерть стажера-космонавта при пожаре в барокамере. Половина главы была посвящена этому инциденту, происшедшему в престижной больнице им. Боткина, где Голяховский (хирург-травматолог) работал в отделении неотложной хирургии и куда был доставлен умирающий космонавт.

Как вспоминает Голяховский, этот очень сильно обожженный человек, зарегистрированный как «Сергеев, 24-летний лейтенант Военно-Воздушных сил», был принесен в носилках. «Я не мог сдержать дрожь, - продолжает Голяховский. - Весь он был обожжен. Тело было полностью лишено кожи, голова волос, не было видно глаз на лице. ... Это был сплошной ожог самой высокой степени. Но пациент был еще жив...»

Голяховский заметил, что человек пытается что-то сказать, и наклонился, чтобы услышать. «Очень больно, пожалуйста, сделайте что-нибудь, чтобы убрать боль», - это были единственные слова, которые он смог разобрать.

Он погиб до полета Гагарина...

«Сергеев» был обожжен всюду, кроме подошв его ног, где летные ботинки слегка защитили его от огня. С большим трудом врачи вставили внутривенные капельницы в его ноги (они не могли найти целые кровеносные сосуды где-нибудь еще) и применили болеутоляющие лекарства. «К сожалению, Сергеев был обречен, и мы поняли это немедленно», - вспоминает Голяховский. «И все же, каждый из нас стремился сделать хоть что-нибудь, чтобы облегчить его ужасные страдания». Врачам удалось отсрочить смерть лишь на шестнадцать часов.

Далее Голяховский сообщает о разговоре с маленьким молодым офицером, который ждал у телефона в вестибюле, в то время как обожженный человек боролся со смертью. Врач потребовал и получил официальную запись о несчастном случае. Она включала такие детали «барокамера ... насыщенная кислородом» и «маленькая электрическая комфорка ... загорание тряпки». Голяховский также сообщил, что потребовалось полчаса, чтобы открыть барокамеру с «Сергеевым», и что за это время выгорел почти весь кислород внутри камеры.

Позже Голяховский видел фотографию этого офицера в газетах. Это был Юрий Гагарин, который стал первым человеком в космосе.

Несмотря на некоторые неточности в сообщениях Тиктина и Голяховского, они явно указывали на какую-то катастрофу, произошедшую в начале советской пилотируемой космической программы. Советским властям оставалось только привести детали относительно реальной смерти Валентина Бондаренко, что они и сделали в апреле 1986 года».

Выше Джеймс Оберг цитировал Владимира Голяховского по книге, изданной в 1984 году. Через двадцать лет (в 2005 году) уже в русском издании книги «Путь хирурга. Полвека в СССР» Владимир Голяховский существенно дополнил картину событий, происшедших

Он погиб до полета Гагарина...

в марте 1961 года и касавшихся гибели кандидата в космонавты Валентина Бондаренко:

«22 марта 1961 года я дежурил в Боткинской больнице. Меня вызвали к телефону, я услышал взволнованный мужской голос:

- Товарищ дежурный хирург, с вами говорит военный врач полковник Иванов. Через несколько минут к вам привезут больного с тяжелым ожогом. Будьте готовы к оказанию немедленной помощи. Я приеду вместе с ним.

Это было задолго до мобильных телефонов, звонок и взволнованный голос военного врача были необычным предупреждением. Я сказал сестрам и анестезиологу приготовить комнату для выведения из шока, наладил систему для вливания физиологического раствора и вышел наружу - встречать. Через несколько минут на большой скорости в ворота въехала военная санитарная машина, а за ней несколько официальных черных «Волг». Из них торопливо выскочили военные в полковничьих папахах и кинулись к «санитарке». Из нее уже вытаскивали носилки с пострадавшим. Ничего не спрашивая, я тоже взялся за носилки, почти бегом мы внесли больного в «шоковую». От прикрытого простыней тела исходил жгучий запах опаленных тканей, типичный для ожога. С помощью сестры я снял простыню и - содрогнулся: человек сгорел весь! На теле не было кожи, на голове не было волос, на лице не было глаз - все сгорело: глубокий тотальный ожог с обугливанием тканей. Но больной был еще жив, он с трудом поверхностно дышал и шевелил сгоревшими губами. Я наклонился вплотную к страшному лицу и разобрал еле слышные слова:

- Больно... Сделайте... чтобы не болело...

Первым делом следовало начать внутривенное вливание жидкостей с обезболивающими лекарствами, но в обожженных тканях невозможно было найти ни одной вены. Только на обеих стопах еще оставалась кожа. Я с трудом смог найти мелкую вену и ввел в нес

Он погиб до полета Гагарина...

иглу (пластмассовых катетеров тогда еще не было). Через иглу я ввел в сосуд морфин, и больной задышал спокойней.

Тогда я смог поговорить с полковником Ивановым. Он был напряжен и взволнован:

- Сделайте все, что возможно, чтобы спасти его - он не простой человек.

Выяснилось, что этого молодого больного - Валентина Бондаренко, двадцати четырех лет - привезли к нам прямо из института космонавтики, возле метро «Динамо», всего в трех километрах от нас. Он получил ожоги час назад, когда находился внутри испытательной барокамеры с повышенным содержанием кислорода. Внезапно в ней произошел пожар, и Бондаренко оказался в атмосфере горящего воздуха. Пока смогли разгерметизировать камеру, прошло около получаса, и все это время он горел. На нем был специальный костюм, который частично предохранял его вначале. Но потом сгорел и костюм, осталась только специальная обувь - поэтому на стопах сохранилась кожа.

- Что это за барокамера, в которой он находился?

- Я вам скажу, только не для распространения: это модель космического корабля для человека. Бондаренко проходил в ней испытания - готовился к полету в космос.

Теперь стал понятен и механизм тотального ожога, и взволнованность полковников, и секретность вокруг больного. До того времени еще никто не вылетал в космос, кроме собак Белки и Стрелки. Ходили разговоры, что готовится полет человека, но информации об этом, естественно, не было. Эта трагедия носила секретный характер.

Все время звонил единственный телефон отделения неотложной хирургии - полковники отвечали кому-то. Позвали меня:

- Вас просит к телефону главный хирург Советской Армии генерал-полковник Вишневский.

Он погиб до полета Гагарина...

Это был близкий друг моего отца, свой человек в нашей семье.

- Слушаю, Александр Александрович, это Володя Голяховский, сын Юли Зака.

- А, это ты! Объясни мне толком - что такое с больным?

Я рассказывал, он задавал вопросы, потом сказал:

- Высшее военное начальство требует, чтобы я взял его в институт хирургии, в наш ожоговый центр. Как ты думаешь, его можно довести живым?

- Думаю, что нет.

- Наверное, ты прав. Вот что: я пришлю к тебе Шрайбера со специальными жидкостями.

Михаил Шрайбер - начальник ожогового центра Института хирургии, у него был самый большой опыт в лечении ожогов. Он тоже профессор и генерал, а также хороший знакомый отца - все они вместе воевали на фронте. Шрайбер быстро приехал со своей помощницей Долговой, и сколько они уже перевидали ожогов, но такого тотального не помнили. Они привезли с собой жидкости, которых у нас не было, и объяснили, что эти жидкости проходили испытания под грифом секретности.

С приездом военных специалистов с меня снялась ответственность за жизнь космонавта. Но и под их руководством вся тактика лечения сводилась только к тому, чтобы дать больному возмещение потерянной при ожоге жидкости и этим сохранять его жизнь хоть сколько-то времени. Ничего другого сделать нельзя, я слышал, как по телефону Шрайбер сказал Вишневскому:

- Нет, спасти его невозможно.

Привезли заплаканную жену Бондаренко. Что было делать, как показать ей обугленное тело без волос, без глаз, без губ? Сестра подвела ее к двери и показала его с расстояния.

Другие больные поступали для неотложного лечения, а телефон все звонил. Звонили большие люди

Он погиб до полета Гагарина...

и спрашивали о состоянии Бондаренко. Приходилось отрываться от дел и все снова объяснять. Я попросил Иванова:

- Посадите кого-нибудь из ваших у телефона, чтобы он отвечал на вопросы.

Вскоре появился молодой старший лейтенант, на него накинули халат и посадили у телефона. Он был маленького роста, с простым симпатичным лицом и красивой скромной улыбкой. Он тихо сидел, водил за нами грустными глазами и отвечал на звонки:

- Состояние тяжелое... врачи делают все возможное, чтобы спасти... слушаюсь, товарищ генерал... будет сделано, товарищ маршал... так точно, я передам, товарищ главный конструктор... все еще без сознания, товарищ министр...

Доносились только обрывки его разговоров. Иногда он подзывал к телефону Иванова или меня, если просили начальники. Я отвечал на вопросы, а молодой лейтенант слушал, грустно наклонив голову.

Валентин Бондаренко прожил шестнадцать часов и умер на следующий день к утру - но и это было поразительно. Столько времени мог жить только очень сильный организм, даже и при специальных засекреченных жидкостях-лекарствах.

На следующее утро я опять увидел в холле того молодого лейтенанта, он одиноко сидел на диване. Я подошел к нему, он по-военному вскочил и вытянулся, выжидательно глядя.

- Сидите, пожалуйста, - я сел рядом и спросил, - вы были друзья?

- Очень близкие. Мы из одного отряда.

- Как случилось, что возник пожар в камере?

Он вздохнул:

- Просто случайность. Он был в программе трехсуточного испытания, и как раз ночью программа должна была закончиться. Он собрался согреть себе еду на электроплитке, протер руки спиртовой салфеткой, и она коснулась раскаленной плитки. Воздух вспыхнул, он

Он погиб до полета Гагарина...

пытался его загасить, дал сигнал тревоги. Но пока его разгерметизировали - сгорел.

- Неужели обычная плитка? Это же опасно.

- Да, обычная, только спираль покрыта железом.

Спасибо вам, товарищ врач, за все, что вы для него сделали.

Я пожал его маленькую руку, кисть была почти как детская, ножатие очень крепкое, мужское.

Через три недели, 12 апреля 1961 года, когда я делал обход больных, одна из них слушала радио через наушники и воскликнула:

- Человек в космосе, человек в космосе!

Это было историческое событие, и все хотели узнать подробности. Их напечатали в газетах на следующий день. Тогда я увидел в газете портрет улыбающегося приветливой улыбкой моего недавнего собеседника - это был Юрий Гагарин.

Я не мог знать, заместил ли он умершего Бондаренко, но через много лет стало известно, что Гагарина выбрали к полету всего за четыре дня до события. Кто знает, вполне возможно, что Бондаренко должен был стать самым первым космонавтом.

Мне пришлось еще два раза встречаться с Гагариным. Через год он приезжал в Боткинскую больницу опять - навещал своего друга летчика – испытателя Георгия Мосолова, которого мы лечили от множественных переломов, полученных при испытании истребителя МиГ-17. В другой раз я видел его в клинике Вишневского, после операции по поводу аппендицита. Вишневский пригласил его побеседовать с группой хирургов. Мы спросили:

- Юрий Алексеевич, а по-настоящему - страшно вам было взлетать?

Он улыбнулся ставшей знаменитой на весь мир мягкой улыбкой:

- Еще бы не страшно! Пока я сидел наверху той гигантской ракеты и ждал взлета, я понимал, что подо мной тысячи тон горючего, да еще какого горючего. А как

Он погиб до полета Гагарина...

оно загорится - кто его знает? Но по-настоящему я испугался при приземлении, после витка вокруг шарика (так он фамильярно называл земной шар и имел на это право, потому что был первым человеком, который видел этот шар весь). Когда мой «Восток-1» вошел в плотные слои атмосферы, я увидел через иллюминатор, что вокруг меня бушует пламя и я лечу в сплошном огне. Откуда мне было знать - выдержит корабль это горение или нет? Тогда я вспомнил своего друга из отряда, сгоревшего при испытаниях.

Он не назвал Валентина Бондаренко - советская пропагандистская машина держала в секрете все сведения о космических полетах: у советских не должно было и не могло быть никаких ошибок!

Гагарин был любимцем диктатора Хрущева и всего советского народа. Его даже называли Колумб XX века. Да, он совершил подвиг, превозмог страх и выдержал испытания. Но сам он ничего не сделал для успешного полета в космос - не задумал и не подготавливал его. А Колумб все задумал и осуществил сам. Какой же Гагарин Колумб?

Через несколько лет в Америке сгорели сразу три космонавта, тоже при испытаниях корабля на земле, и обстоятельства их гибели были почти такие же, как у Бондаренко. Этот факт и обстоятельства их гибели разбирались в прессе досконально. Советские люди тоже узнали об этом и, возможно, думали: американцы не умеют тренировать своих космонавтов, не то что у нас в Советском Союзе!» (7.13).

Свидетельства доктора Владимира Голяховского исключительно ценны для понимания всей полноты трагедии, разыгравшейся в марте 1961 года. Но и в них есть небольшая неточность: Юрий Гагарин в тот день никак не мог быть в Боткинской больнице.

В дневниках генерала Николая Каманина есть записи за период с 16 марта по 12 апреля 1961 года. Из этих записей следует, что Юрий Гагарин все это время находился на космодроме Байконур:

Он погиб до полета Гагарина...

«16 марта (1961 года – С.Ч.).

Тремя самолетами Ил-14 в 6:00 по московскому времени вылетели на полигон. Один самолет полетел прямо в Тюра-Там (т.е. на космодром Байконур – С.Ч.), а два других сначала полетели в Куйбышев. Там мы облетели район штатного приземления корабля и космонавта. В моем самолете были Гагарин, Нелюбов и Попович. В другом самолете с генералом Гореглядом находились Титов, Быковский и Николаев.

17 марта (1961 года – С.Ч.).

Вылетели в Тюра-Там. В самолете играли в шахматы. На аэродроме полигона нас и Королева с Келдышем ждали пять кинооператоров. Королев и Келдыш очень тепло встретились с космонавтами, но категорически отказались от участия в киносъемке. Я дал задание операторам не жалеть пленки и наиболее полно заснять космонавтов, их быт, тренировки, подготовку к старту и сам старт в космос. Со мной прибыли три наших кинооператора Кордюков, Павлов, Анисимов. Они снимали космонавтов в самолете.

18 марта (1961 года – С.Ч.) Тюра-Там.

В 10:00 космонавты встречались с Королевым, Келдышем, Глушко и другими конструкторами и специалистами. Королев каждому из космонавтов задал по 1-2 технических вопроса. Ответы всех удовлетворили.

После двухчасовой беседы все прошли в МИК (монтажно-испытательный корпус) и ознакомились с носителем и кораблем.

Затем часа два вместе с космонавтами обсуждали текст «Инструкции космонавту». Космонавты сделали несколько существенных поправок.

19 марта (1961 года – С.Ч.).

С космонавтами отработали план радиопереговоров.

20 марта (1961 года – С.Ч.).

Сегодня космонавты тренируются в надевании и регулировании скафандра.

Он погиб до полета Гагарина...

Мои встречи с космонавтами стали более частыми; я был председателем экзаменационной комиссии, знал их подготовленность к полету, их анкетные данные, но я почти не замечал их различий между собой - все они были для меня космонавтами и только. Вот уже пятые сутки мы все время вместе. Я провожу с ними занятия, мы вместе занимаемся спортом, едим за одним столом, играем в шахматы, смотрим кино. Все они доверчиво и с уважением относятся ко мне, а я начинаю подмечать их сугубо индивидуальные черты и интересы.

21 марта (1961 года – С.Ч.).

Вечером Гагарин, Титов и Нелюбов в МИКе тренировались в надевании скафандра, посадке в кабину корабля, проверке скафандра и средств связи.

22 марта (1961 года – С.Ч.).

С 10 до 12 часов Главный конструктор стартового комплекса Бармин Владимир Павлович проводил занятия с космонавтами.

23 марта (1961 года – С.Ч.).

Вечером получили неприятное сообщение из Москвы: погиб слушатель-космонавт старший лейтенант В.В.Бондаренко. Нелепая первая жертва среди космонавтов. Он погиб от пожара в барокамере на десятые сутки 15-суточного эксперимента, проводившегося в Институте авиационной и космической медицины. Причина возникновения пожара пока неизвестна.

24 марта (1961 года – С.Ч.).

При вывозе и установке ракеты на старте присутствовали космонавты. В 18:00 Гагарин и Титов надели скафандры и в специальном автобусе отправились на старт. Здесь они провели тренировку по подъему на лифте к люку космического корабля. Космонавты в скафандрах чувствуют себя уверенно и укладываются в интервалы времени, предусмотренные инструкцией» (7.10).

Он погиб до полета Гагарина...

Из этих записей в дневнике генерала Николая Каманина следует, что Юрий Гагарин и вся лидирующая «шестерка» всю неделю перед днем трагедии и в день смерти кандидата в космонавты Валентина Бондаренко неотлучно находилась на космодроме Байконур. Значит, врач Владимир Голяховский никак не мог беседовать в Боткинской больнице с будущим первопроходцем Вселенной.

Может быть, с врачом в тот день беседовал кто-то другой из кандидатов в космонавты?

Владимир Голяховский описывает своего собеседника, как человека небольшого роста, имеющего звание старший лейтенант. На момент трагедии из двадцати отобранных кандидатов в космонавты в строю оставалось восемнадцать человек - Анатолий Карташов и Валентин Варламов были отчислены по медицинским соображениям. Из восемнадцати оставшихся шестеро были в командировке на Байконуре, готовясь к первому космическому полету, - Юрий Гагарин, Герман Титов, Григорий Нелюбов, Андриян Николаев, Павел Попович и Валерий Быковский. Из остальных двенадцати, кроме самого Валентина Бондаренко, звание старший лейтенант имели Иван Аникеев, Виктор Горбатко, Алексей Леонов, Евгений Хрунов, Георгий Шонин. Иван Аникеев уже в молодые годы был лысоват и мало похож на Юрия Гагарина. Георгий Шонин был самым рослым в отряде космонавтов – 172 сантиметра - и вряд ли его можно назвать человеком небольшого роста. Алексей Леонов – человек очень публичный, любящий общаться с прессой и за минувшие годы давший журналистам ни один десяток интервью. Но ни в одном из них – даже, когда упоминал о трагедии, происшедшей в марте 1961 года, - он никогда не говорил, что дежурил в Боткинской больнице в день, когда в ней умирал его товарищ по отряду космонавтов Валентин Бондаренко. Ни словом не обмолвился о таком дежурстве и Евгений Хрунов - ни в своих интервью, ни в своей книге «Покорение невесомости». Не упоминал о таком событии, общаясь с

Он погиб до полета Гагарина...

представителями прессы, и Виктор Горбатко. Хотя именно Виктор Горбатко из рассмотренных выше кандидатов в «старшие лейтенанты небольшого роста» в те уже далекие годы чертами лица более или менее отдаленно напоминал Юрия Гагарина.

Впрочем, не верить полностью воспоминаниям Владимира Голяховского нет оснований - в них действительно много подробностей, которые мог знать только пытавшийся спасти жизнь Валентина Бондаренко врач. Видимо, за давностью лет часть воспоминаний просто наложилась на другие сходные воспоминания и трансформировалась. Тем более что в предисловии к своей книге «Путь хирурга. Полвека в СССР» в издании 2005 года Владимир Голяховский откровенно признается, что «освежил ранние воспоминания».

Глава 8. Вопросы и ответы

Версия гибели Валентина Бондаренко, приведенная в статьях Ярослава Голованова, а затем и в его книге «Космонавт №1», с весны 1986 года воспроизведена в десятках и сотнях публикаций по истории космонавтики. Иногда в «копиях» изложенной Ярославом Головановым информации авторы книг и статей по истории космонавтики пытаются разглядеть какие-то нюансы случившейся трагедии. Так, Джеми Доран и Пирс Бизони в книге «Гагарин. Человек и легенда» пишут:

«Меньше чем за три недели до первого пилотируемого полета, погиб один из космонавтов. Валентин Бондаренко, веселый двадцатичетырехлетний парень, был любимцем отряда. Когда пришла его очередь лезть в изолированную камеру, он отлично выполнил задание. Чтобы проверить его реакции, ему назначили весьма долгий срок пребывания - пятнадцать дней. 23 марта он готовился к выходу из камеры. Отрабатывался «высотный» режим. Воздух в камере следовало доводить до нормального давления очень медленно, иначе Бондаренко грозила «кессонная болезнь». Оставалось еще полчаса, прежде чем лаборанты могли бы выровнять давление и открыть люк. Бондаренко вытянулся, вылез из верхней шерстяной одежды, покалывавшей кожу, и с явным облегчением сорвал с себя медицинские датчики, прикрепленные к верхней части его тела и рукам. Зудящую кожу он протер смоченной в спирте ватой. Видимо, он слишком неосторожно отбросил кусочек ваты. Один из них угодил на раскаленную электроплитку и тут же вспыхнул. В ограниченном пространстве камеры, перенасыщенной кислородом, огонь распространился почти мгновенно.

Он погиб до полета Гагарина...

Валентина вытащили; он был весь в ожогах и испытывал страшную боль. «Я сам виноват! Простите!» - кричал он» (8.1).

То есть Валентин Бондаренко к моменту трагедии снял с себя верхнюю шерстяную одежду и «сорвал с себя медицинские датчики», а это означает, что во время возгорания тело его было практически оголено. Употребление же глагола «сорвал» подразумевает некоторую эмоциональную нестабильность в этот момент самого кандидата в космонавты.

Конечно, могло быть и так, однако не ясно, откуда уважаемые авторы Джеми Доран и Пирс Бизони почерпнули эти «дополнительные нюансы» к «головановской» версии. Вряд ли они общались с кем-то из непосредственных участников эксперимента. Скорее всего, это просто их авторские вариации текста Ярослава Голованова.

Среди множества публикаций о трагедии в сети интернета тоже проскальзывают различные дополнительные подробности:

«Валентину разрешили снять с себя медицинские датчики. Покрасневшую кожу он протёр ватой, смоченной в спирте, и, не глядя, бросил её в корзину для мусора. У ног космонавта стояла электрическая плитка, на которой он разогревал пищу. Но вата упала на спираль электроплитки. «Высота» в барокамере была четыре с половиной километра, в перенасыщенной кислородом атмосфере этого было достаточно, чтобы возник пожар. Пламя мгновенно охватило маленькое помещение. На Валентине загорелся шерстяной тренировочный костюм. Он пытался сбить с себя пламя. Дежурный врач не смог сразу открыть герметическую дверь сурдобарокамеры из-за перепада давления - требовалось время, чтобы выровнять внутреннее и внешнее давление... Но когда его вынесли из сурдобарокамеры, он был еще в сознании и все время повторял: «Никого не вините, я сам виноват»» (8.2).

Он погиб до полета Гагарина...

Здесь уже фигурирует некая корзина для мусора и уточняется, что электроплитка в момент трагедии почему-то стояла у ног кандидата в космонавты.

На электронных просторах глобальной сети «гуляет» и такая версия трагедии:

«На десятый день пребывания в симуляторе, В. Бондаренко обнаружил на местах крепления датчиков покраснение. Врачи посоветовали ему протереть их спиртом. После процедуры один из ватных тампонов прилип к телу, а затем упал на спираль электрической кухонной плитки. В этот момент в камере было повышенное содержание кислорода, и ватка вспыхнула. В результате загорелся шерстяной тренировочный костюм будущего космонавта».

То есть никакого «бросил ватку, не глядя» не было? Был просто несчастный случай?

Из публикации в популярном журнале «Новости космонавтики», посвященной сорокалетию трагической гибели Валентина Бондаренко, узнаем еще кое-какие дополнительные подробности:

«В течение суток с космонавта четыре раза снимались медицинские параметры. Для этого он наклеивал на себя медицинские датчики, а затем сам их снимал. После очередной записи электрофизиологических параметров Валентин снял с себя датчики, протер места их приклеивания смоченным спиртом тампоном и выбросил его. Тампон случайно вместо урны попал на открытую спираль электроплитки. «Высота» в барокамере была четыре с половиной километра, среда кислородная. Вспыхнуло пламя, вмиг охватившее космонавта. Сразу открыть люк не представлялось возможным, требовалось время, чтобы выровнять внутреннее и внешнее давление» (8.3).

Кандидат в космонавты, оказывается, четырежды в сутки проделывал процедуру одевания и снятия медицинских датчиков. Но если это была рутинная процедура, откуда тогда внезапное покраснение участка кожи под датчиками? И еще всплывает дополнительная

Он погиб до полета Гагарина...

подробность – у злополучной электроплитки была открытая спираль.

Своя версия событий и у харьковчанина Николая Сергеевича Ларькова, которую он излагает в книге «Харьков космический»:

«...Перед тем как поместить В.В.Бондаренко в сурдобарокамеру, ему дали сутки отдыха. Но уже в тот же день он должен был питаться «космическими продуктами», т.е. теми, которые предстояло употреблять во время эксперимента в сурдокамере и которыми будет укомплектован бортовой рацион космического корабля.

Утром 13 марта после хорошей зарядки в сопровождении инструктора И.П.Ващенко к назначенному часу В.Бондаренко вошел в зал, где находилась сурдобарокамера. Дежурные врач-психолог и лаборантка занялись его подготовкой к эксперименту: приклеили датчики, записали фоновые данные. Вместе с И.П.Ващенко В.Бондаренко еще раз просмотрел методики, по которым должен работать. Наконец - сурдобарокамера: захлопнулась первая дверь, а затем и вторая. Опечатали. Дежурный инженер проверил показания приборов на пульте управления сурдобарокамерой, посмотрел на экран телевизора и несколько секунд наблюдал за тем, как устраивается В.Бондаренко. Затем тумблером на пульте управления включил микрофон и четко произнес:

- Высота пять тысяч метров. Приступайте к выполнению задания.

Инженер поставил тумблер в положение «микрофон «выключен» и опечатал его...

С этого момента пост сурдобарокамеры, сменяя друг друга, ни на минуту не оставляли дежурившие врач-психиатр, лаборантка и инженер. Ни на секунду не выключался телевизор, на экране которого все это время просматривались внутреннее помещение сурдобарокамеры и находившийся в ней В.Бондаренко.

...Утром 23 марта 1961 года, на одиннадцатые сутки нахождения В.Бондаренко с сурдобарокамере,

Он погиб до полета Гагарина...

поступило указание - эксперимент закончить, засчитав его как успешно проведенный. В шесть часов тридцать минут дежурный инженер включил микрофон и с улыбкой, глядя на телевизионное изображение заросшего щетиной В.Бондаренко, произнес:

- Поздравляем, Валентин Васильевич, с успешным окончанием эксперимента... Снимайте датчики, протирайте тампоном места их нахождения, готовьтесь к выходу... Через тридцать минут откроем двери...

Врач-психиатр записывал последние наблюдения в журнал: дежурный инженер задумчиво смотрел на перо авторучки в руках врача, скользящее по листу журнала. Из этого состояния их вывел истошный вопль лаборантки, смотревшей на экран телевизора. Они вскочили с мест и с ужасом увидели на экране телевизора полыхающие языки пламени в сурдобарокамере и отбивающегося от них В.Бондаренко. Бросились к дверям сурдобарокамеры. Тревожно взвыла сигнальная сирена, которую включила лаборантка. Совместными усилиями инженер и врач отвели замок первой, затем второй двери. Из распахнутого проема сурдобарокамеры пахло жаром, и на их руки с душераздирающим криком вывалился объятый пламенем Бондаренко. Они поймали его и сбили языки пламени...

Из сбивчивых слов и криков, которые издавал В.В.Бондаренко, впадающий от боли в протрацию, они разобрали только слова: «Никого не вините. Виноват я сам...» Примчавшаяся на тревожный вой сирены машина скорой помощи увезла В.В.Бондаренко в операционное отделение госпиталя. На операционном столе, куда поместили находившегося в болевом шоке Валентина, врачи освободили его тело от обгоревших остатков шерстяного тренировочного костюма и другой одежды, которая была на нем. Во многих местах ткань «прикипела» к телу - пришлось ее срезать. Около 90% кожного покрова было обожжено. Временами Валентин Васильевич приходил в сознание и отвечал на вопросы.

Он погиб до полета Гагарина...

В результате опросов было установлено, что пожар возник от возгорания смоченного в спирте ватного тампона, которым В.В.Бондаренко протирал на теле места крепления датчиков. Тампон «приклеился» к пальцам его руки, он сделал попытку освободиться от него движением пальцев. Тампон упал на открытую спираль включенной электроплитки и вспыхнул. Начался пожар. Интенсивности пламени способствовала насыщенная кислородом среда сурдобарокамеры.

В 15 часов 23 марта 1961 года сердце В.В.Бондаренко остановилось» (8.4).

Разумеется, харьковчанин Николай Ларьков не был очевидцем событий, происшедших в марте 1961 года в расположенном в Москве институте. Поэтому все «дополнительные подробности» о гибели Валентина Бондаренко явно взяты им либо из чьего-то рассказа, либо из газетно-журнальных публикаций. Часть этих «подробностей» сразу же вызывает большие сомнения. Например, в рассказе Николая Ларькова И.П.Ващенко представлен как инструктор кандидата в космонавты, делающий с ним физзарядку. На самом деле Иван Петрович Ващенко был непосредственным подчиненным генерала Николая Каманина, инспектором центрального аппарата ВВС СССР, связистом по полученной специальности. На начало 1961 года Иван Ващенко - подполковник-инженер. Он неоднократно привлекался для руководства пилотируемыми полетами в составе смен оперативной группы в Центре управления полетами, отлично знал космонавтов, технику и методику подготовки экипажей к космическим рейсам. В начале 1970-х Иван Петрович Ващенко – уже получивший звание полковника - продолжал служить в Звездном городке, в первом управлении Центра подготовки космонавтов. Он возглавлял седьмой отдел, который занимался подготовкой космонавтов по радиотехническим системам всех пилотируемых космических аппаратов. Какое отношение имел связист Ващенко к эксперименту в сурдобарокамере не совсем

Он погиб до полета Гагарина...

ясно, и в книге Николая Ларькова «Харьков космический» мы этих объяснений не находим.

Достаточно часто в своих воспоминаниях касаются трагической гибели Валентина Бондаренко и его коллеги-космонавты. Так, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Павел Попович вспоминал о трагедии 23 марта 1961 года:

«В камере были мощные герметичные двери, которые изнутри не открывались. На всякий случай, если будет холодно, Бондаренко поставили обыкновенную электроплитку. После очередного сеанса снятия медицинских показателей он отсоединил датчики, протер кожу спиртом и, не глядя, бросил ватку на раскаленную поверхность плитки. В насыщенной кислородом атмосфере она вспыхнула мгновенно, начался пожар. Пока Валентин подал сигнал, пока его открыли, он очень сильно обгорел и через четыре часа умер. Это тогда держалось в секрете, Валю похоронили на родине, а с официальных групповых снимков убрали его лицо» (8.5).

Отсюда ясно, электроплитка использовалась не для приготовления пищи, а для обогрева помещения сурдобарокамеры, и в момент проведения медицинских манипуляций кандидатом в космонавты была уже достаточно давно включена в электрическую сеть – «раскалена».

По другому о происшедшей трагедии рассказывают дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Алексей Архипович Леонов, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Виктор Васильевич Горбатко и бывший кандидат в космонавты Дмитрий Алексеевич Заикин:

«Внутри сурдобарокамеры были еда, вода, электроплитка для приготовления пищи. Связь с внешним миром была односторонняя. Кандидат в космонавты должен был регулярно докладывать о своём состоянии, снимать показания работы органов своего тела с помощью специальных медицинских

Он погиб до полета Гагарина...

датчиков. Разговаривать с ним было запрещено. Лаборанты могли только наблюдать через небольшое окошко. Однажды когда кандидату в космонавты понадобилась срочная помощь, никого из специалистов рядом не оказалось.

Вспоминает Алексей Леонов:

«Валя Бондаренко снимал электроэнцефалограмму. Что это такое? Это надеваешь специальную шапочку с датчиками, а перед этим нужно бинтиком, смоченным в спирте, протереть места крепления датчиков на голове, чтобы был хороший контакт. Рядом, у ног Валентина, находилась электроплитка...»

Вспоминает Виктор Горбатко:

«У него ватка со спиртом упала на эту электроплитку. Она уже была разогрета. Произошло возгорание».

Вспоминает Дмитрий Заикин:

«А дежурные должны были смотреть. Должны были открыть аварийный клапан и резко, как говорят, «спустить его на землю». Но они поздно пожар заметили».

В этом описании событий уже появляется уточнение, какими именно медицинскими тестами и как занимался Валентин Бондаренко – он снимал электроэнцефалограмму с помощью специальной шапочки с медицинскими датчиками. Кроме того, констатируется факт того, что дежурная смена не заметила пожар в сурдобарокамере и не смогла «спустить на землю» кандидата в космонавты (8.6).

(Отметим на будущее, что такой режим резкого «опускания на землю» даже отработывался во время предыдущих «отсидок» кандидатов в космонавты. Он был вполне безопасен – у некоторых кандидатов наблюдались только быстро проходящие головные боли).

Он погиб до полета Гагарина...

Рассказ товарищей по первому отряду космонавтов дополняет дважды Герой Советского Союза Борис Валентинович Волинов:

«Узнать, как будет себя вести организм человека на высоте около пяти километров, было целью этого эксперимента (в котором участвовал Валентин Бондаренко – С.Ч.). Когда начался пожар, дверь заклинило, ее открыли только через пять минут. Мы заходили в это помещение, где размещалась сурдобарокамера. Я сам видел этот старый кожаный диван... Диван, обтянутый кожей, старый-старый... И там на сиденье этого дивана прямо силуэт был человека выжженный. То есть он (Валентин Бондаренко – С.Ч.) лег. Пытался сбить пламя с себя. Погасить на себе пламя. Там крутился на этом диване, и пятно выжжено по форме тела» (8.7).

А вот версия трагедии от дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Георгия Михайловича Гречко:

«В Харькове похоронен человек по фамилии Бондаренко, который, как утверждают, летал до Гагарина. Действительно, был такой кандидат в первой группе космонавтов - Бондаренко. Но он погиб во время тренировки, потому что в сурдокамеру с атмосферой, насыщенной кислородом, взял с собой электрическую плитку, зная, что он там две недели должен питаться холодной пищей. Там он брал у себя анализ крови, обмотал бинтиком палец, а потом уронил эту тряпочку на плитку. В кислородной атмосфере начался пожар, и Бондаренко сильно обгорел. Так что в космос, к сожалению, он не летал. Погиб на земле».

Из этой версии событий нам становится ясным, что кандидат в космонавты Валентин Бондаренко взял с собой на испытания электроплитку, чтобы не питаться холодной пищей (то есть с его стороны это была некая вольность: наличие электроплитки в сурдобарокамере изначально не планировалось, но испытуемый решил подогреть себе обеды). Медицинские датчики и

раздражение от них на коже, перестают фигурировать в версии Георгия Гречко. Но зато появляются взятие проб крови и палец, обмотанный бинтиком. Бинт потом Валентин роняет прямо на плитку.

Писатель-фантаст из Донецка Георгий Бес (настоящее имя Георгий Савицкий) идет в своих допущениях еще дальше в обличении кандидата в космонавты Валентина Бондаренко в совершении опасного дисциплинарного поступка:

«По условиям эксперимента кандидат на космический полет не мог общаться с внешним миром, кроме как по необходимости. Питаться приходилось сухпайком, но Валентин Бондаренко решил схитрить: он захватил небольшую электропечку для того, чтобы готовить себе горячую пищу. Хоть это строго-настрого запрещалось. В замкнутом объеме сурдобарокамеры с чистым кислородом под пониженным давлением любой пожар был смертельно опасен» (8.8).

Здесь уже утверждается, что Валентин Бондаренко сознательно нарушил условия испытаний. Вместо того, чтобы питаться «сухпайком», как все остальные кандидаты в космонавты делали ранее, он взял с собой в многодневную отсидку целую «электропечку», несмотря на то, что это было категорически запрещено правилами техники безопасности. Вот такой был несознательный человек, оказывается, этот Бондаренко – за что и поплатился жизнью.

Писатели, да еще фантасты, могут, конечно, сочинять любые истории, однако не лишне даже литератору, работающий в сфере безудержного фантазирования, задаться простеньким вопросом: из чего в наглухо запертой сурдобарокамере Валентин Бондаренко намеревался готовить себе обеды на «электропечке»? Из «сухпайка»?

Очевидно, что и в изложенных выше версиях вина в разыгравшейся трагедии возлагается на самого Валентина Бондаренко. Во-первых, он взял с собой

Он погиб до полета Гагарина...

электроплитку («электропечку») в помещение, где должна была использоваться «кислородная атмосфера». Во-вторых, неосторожно уронил смоченный спиртом бинт на эту электроплитку.

Была своя версия событий и у врача-хирурга Владимира Голяховского. Напомним ее:

«Он (Валентин Бондаренко – С.Ч.) получил ожоги час назад, когда находился внутри испытательной барокамеры с повышенным содержанием кислорода. Внезапно в ней произошел пожар, и Бондаренко оказался в атмосфере горящего воздуха. Пока смогли разгерметизировать камеру, прошло около получаса, и все это время он горел. На нем был специальный костюм, который частично предохранял его вначале. Но потом сгорел и костюм, осталась только специальная обувь - поэтому на стопах сохранилась кожа.

...- Как случилось, что возник пожар в камере?

Он (собеседник врача Владимира Голяховского – С.Ч.) вздохнул:

- Просто случайность. Он был в программе трехсуточного испытания, и как раз ночью программа должна была закончиться. Он собрался согреть себе еду на электроплитке, протер руки спиртовой салфеткой, и она коснулась раскаленной плитки. Воздух вспыхнул, он пытался его загасить, дал сигнал тревоги. Но пока его разгерметизировали - сгорел.

- Неужели обычная плитка? Это же опасно.

- Да, обычная, только спираль покрыта железом».

Обратите внимание, тест в сурдобарокамере, в котором участвовал Валентин Бондаренко, продолжался трое суток и должен был закончиться в ночное время. Никаких снятий-надеваний медицинских датчиков и бросания не глядя в мусорную корзину использованной ваты нет. Валентин Бондаренко просто протирает руки спиртовой салфеткой перед обедом и случайно касается раскаленной плитки. И еще отметим, что на эвакуацию кандидата в космонавты из пылавшей сурдобарокамеры ушло около получаса.

Встречаются и другие версии трагической гибели кандидата в космонавты Валентина Бондаренко весенним днем 1961 года. И они кардинально отличаются от изложенной Ярославом Головановым. Например, версия бывшего кандидата в космонавты Марса Закировича Рафикова, изложенная им в книге «Парни из отряда «Икс». Напомним, Марс Рафиков тоже был в первом отряде космонавтов, но покинул его по «дисциплинарным соображениям» - то ли за то, что из расположения воинской части отлучился без разрешения, то ли из-за развода с женой был списан: «советский космонавт – примерный семьянин, он не может бросать семью, он не может разводиться!». Читаем в книге Марса Рафикова:

«Март. Первый месяц весны. И именно в один из чудных солнечных дней случилось несчастье. В сурдокамере, где находился Валя Бондаренко, произошло возгорание кислорода. В результате этого в камере возросло давление, повылетали иллюминаторы - произошла мгновенная разгерметизация. Через шесть часов, находясь в больнице имени Бурденко, наш друг скончался от болевого шока. У него было поражено ожогом 94 процента кожного покрова. Это был тяжелый удар по психике всего отряда».

Заметим, что в этой версии ничего не говорится об ошибках кандидата в космонавты Валентина Бондаренко. Зато утверждается, что в сурдобарокамере произошло некое «возгорание кислорода» (увы, Марс Рафиков не указывает причину этого внезапного возгорания). Также утверждается, что после повышения давления внутри сурдобарокамеры произошло настолько резкое повышение давления, что были выдавлены даже двойные иллюминаторы барокамеры из сверхпрочного стекла, и «произошла мгновенная разгерметизация». То есть Валентин Бондаренко не только получил ожоги практически всего тела, но и – что очень вероятно! – должен был пострадать также от декомпрессии. Видимо, при таких условиях у него могли

Он погиб до полета Гагарина...

быть повреждены и легкие, так как некоторое время – пока его не эвакуировали спасатели - он не мог не дышать горячими продуктами сгорания.

А вот описание событий в марте 1961 года Юрием Карашем в книге «Тайны лунной гонки»:

«Он погиб из-за нелепой случайности. В тот день Валентин работал при пониженном давлении, а это компенсировалось избытком кислорода. Сняв с себя датчики после медицинских проб, Бондаренко протер места их установки на теле ваткой и не глядя, бросил ее в сторону. Она упала на спираль включенной электроплитки, которая использовалась для подогрева пищи. В перенасыщенной кислородом атмосфере мгновенно возникло пламя, охватившее практически все пространство камеры. На Валентине загорелся шерстяной тренировочный костюм, но он не сразу подал сигнал тревоги, пытаясь самостоятельно ликвидировать пламя. Дежурный врач сразу открыть герметичную дверь, не выровняв давления снаружи и внутри, не мог. На это требовались лишние секунды, которые, в конечном итоге, и решили судьбу Бондаренко. Когда его вытащили, он был еще в сознании, повторяя: «Я сам виноват, никого не вините...» (8.9).

Весьма скуп в своих комментариях трагедии генерал Николай Каманин – что очень удивительно, поскольку он на страницах своего дневника обычно резал правду-матку, не взирая на должности, ранги и пресловутую секретность:

«23 марта (1961 года – С.Ч.).

Вечером получили неприятное сообщение из Москвы: погиб слушатель-космонавт старший лейтенант В.В.Бондаренко. Нелепая первая жертва среди космонавтов. Он погиб от пожара в барокамере на десятые сутки 15-суточного эксперимента, проводившегося в Институте авиационной и космической медицины. Причина возникновения пожара пока неизвестна» (8.10).

21 апреля (1961 года – С.Ч.).

Он погиб до полета Гагарина...

Сегодня вечером заседал Военный Совет ВВС, заслушали доклад генерал-майора А.Н.Бабийчука о причинах гибели слушателя-космонавта В.В.Бондаренко. Он семнадцатым по счету проходил 15-суточные испытания в барокамере. На десятые сутки, во время подогрева пищи на электроплитке в барокамере возник пожар, и Бондаренко погиб из-за сильных ожогов».

(Интересно, что в экспозиции Смоленского областного государственного учреждения культуры «Объединенный мемориальный музей имени Ю.А.Гагарина» (Музей «Первого полета человека в космос») в городе Гагарине Смоленской области Российской Федерации находится документ, из которого явствует, что Валентин Васильевич Бондаренко был не семнадцатым, - как утверждает генерал Николай Каманин, - а тринадцатым по счету кандидатом в космонавты, которые прошли испытания в сурдобарокамере. Даже приводится список очередности этих испытаний с указанием дат «отсидки» каждым из кандидатов в космонавты:

- Быковский Валерий Фёдорович - 6 - 16 апреля 1960 года, 10 суток;
- Волынов Борис Валентинович - 23 мая - 2 июня 1960 года, 10 суток;
- Попович Павел Романович - 14 - 24 июня 1960 года, 10 суток;
- Леонов Алексей Архипович - 5 - 18 июля 1960 года, 12 суток;
- Гагарин Юрий Алексеевич - 26 июля - 5 августа 1960 года, 10 суток;
- Титов Герман Степанович - 12 - 27 августа 1960 года, 15 суток;
- Николаев Андриян Григорьевич - 5 - 15 сентября 1960 года, 10 суток;
- Шонин Георгий Степанович - 21 сентября - 6 октября 1960 года, 15 суток;

Он погиб до полета Гагарина...

- Нелюбов Григорий Григорьевич - 10 - 22 октября 1960 года, 15 суток (так в тексте, хотя подсчет дает 13 суток);

- Комаров Владимир Михайлович - 25 октября - 4 ноября 1960 года, 10 суток;

- Рафиков Марс Закирович - 2 – 17 февраля 1960 года, 15 суток;

- Беляев Павел Иванович - 22 февраля – 7 марта 1960 года 10 суток (так в тексте, хотя подсчет дает 14 суток);

- Бондаренко Валентин Васильевич – 13 – 23 марта 1960 года).

Правда, из этой короткой записи в дневнике генерала Николая Каманина мы узнаем, что Валентин Бондаренко, оказывается, участвовал не в 10-12 суточном эксперименте, а должен был отсидеть в сурдобарокамере полновесные 15 суток. Это едва ли не рекордный срок, поскольку до него в экспериментах такой длительности участвовали только двое из его коллег-кандидатов в космонавты - Герман Степанович Титов и Георгий Степанович Шонин. Кстати, именно о таком сроке «отсидки» также писали в своей книге «Гагарин. Человек и легенда» Джейми Доран и Пирс Бизони – впрочем, источником их информации мог быть именно дневник генерала Николая Каманина.

А Джеймс Оберг в книге «Красная звезда на орбите» констатирует:

«Бондаренко проходил тренировку в барокамере, которая была частью десятидневного испытания в полной изоляции. Уже в самом конце своего пребывания в барокамере он допустил фатальную для него ошибку».

И снова вся вина в трагедии возложена на Валентина Бондаренко.

Все изложенные выше версии и варианты версий сводятся к общему мнению: «Валентин Бондаренко совершил спонтанную непоправимую ошибку, которая привела его к гибели». Из общего строя выбивается только предположение Марса Рафикова о неком

Он погиб до полета Гагарина...

«возгорании кислорода» внутри герметично закрытой сурдобарокамеры.

Однако с констатацией ошибки Валентина Бондаренко погодим. Постараемся сначала разобраться в том, что известно из открыто опубликованных в прессе и сети интернет материалов. Попытаемся взглянуть на происшедшую трагедию беспристрастно. А на основе всех вышеизложенных версий трагедии и мнений о ней для начала нарисуем общую картину трагедии, случившейся 23 марта 1961 года.

Итак, начнем...

13 марта 1961 года, в понедельник, кандидат в космонавты старший лейтенант Валентин Васильевич Бондаренко вошел в сурдобарокамеру Государственного научно-исследовательского испытательного института авиационной и космической медицины Министерства обороны СССР. Ему предстояло пройти тестовые испытания продолжительностью 10-12 (по другим данным – 3 (врач Владимир Голяховский) или 15 (генерал Николай Каманин)) суток.

В камере были мощные герметичные двери, которые изнутри не открывались. По условиям эксперимента кандидат в космонавты не мог общаться с внешним миром, кроме случаев крайней необходимости. Питаться в течение всего эксперимента приходилось сухим пайком.

На десятые сутки «отсидки», 23 марта 1961 года (по утверждениям дежурного хирурга Боткинской больницы – 22 марта 1961 года) кандидат в космонавты Валентин Бондаренко заканчивал пребывание в сурдобарокамере. Давление в сурдобарокамере в этот момент было пониженным, что компенсировалось избыточным содержанием кислорода. Приборы зафиксировали парциальное давление 436 миллиметров внутри помещения. Примерно как на высоте около четыре с половиной - пять километров над уровнем моря. Оставалось еще полчаса, прежде чем лаборанты могли бы выровнять давление и открыть люк.

Он погиб до полета Гагарина...

В течение суток с космонавта четыре раза снимались медицинские параметры. Для этого он наклеивал на себя медицинские датчики, а затем сам их снимал.

После очередной записи электрофизиологических параметров Валентину разрешили снять регистрирующее медицинское оборудование. По другим данным, «на десятый день пребывания в симуляторе, Валентин Бондаренко обнаружил на местах крепления датчиков покраснение. Врачи посоветовали ему протереть их спиртом».

Сняв с себя прикрепленные к верхней части тела и рукам датчики после медицинских проб (возможно, что перед этим он «вылез из верхней шерстяной одежды, покалывавшей кожу»), Валентин протер места их крепления («покрасневшую, зудящую кожу») ваткой, смоченной в спирте (тампоном).

По другой версии Валентин Бондаренко брал у себя анализ крови и обмотал бинтиком палец. По третьей версии он собирался снять электроэнцефалограмму.

Затем Валентин неосторожно, не глядя, бросил проспиртованную ватку в корзину для мусора (урну).

По другим данным, после процедуры один из ватных тампонов прилип к телу, а потом упал вниз (вариант – Валентин уронил использованный после забора крови кусочек бинта).

У ног космонавта стояла электрическая плитка (или «электропечка»), на которой он разогревал пищу (по другой версии, включал, чтобы не замерзнуть). По одной версии, ее «поставили на всякий случай, если будет холодно». По другой – кандидат в космонавты «взял с собой электрическую плитку, зная, что он там две недели должен питаться холодной пищей». По третьей – «Валентин Бондаренко решил схитрить: он захватил небольшую электропечку для того, чтобы готовить себе горячую пищу. Хоть это строго-настрого запрещалось».

Он погиб до полета Гагарина...

По одной версии электроплитка была с открытой спиралью нагрева, по другой – плитка была обычной, «только спираль покрыта железом».

Проспиртованная вата (или кусочек бинта) случайно упала на открытую спираль включенной электроплитки (или просто на нагретую плитку). В перенасыщенной кислородом атмосфере этого было достаточно, чтобы возник пожар.

По альтернативной версии Валентин Бондаренко никаких медицинских опытов не проводил, а «собрался согреть себе еду на электроплитке, протер руки спиртовой салфеткой, и она коснулась раскаленной плитки».

По версии кандидата в космонавты Марса Рафикова, «в сурдокамере, где находился Валя Бондаренко, произошло возгорание кислорода». Причина возгорания не уточняется.

И обычно всезнающий генерал Николай Каманин вечером 23 марта 1961 года тоже констатирует: «Причина возникновения пожара пока неизвестна».

Пламя мгновенно охватило маленькое помещение сурдобарокамеры.

На Валентине загорелся шерстяной тренировочный костюм. Но он не подал сигнал тревоги на пульт (по другой версии Валентин Бондаренко подал сигнал). Он пытался сбить с себя пламя.

Дежурная смена операторов около сурдобарокамеры все-таки получила информацию о возгорании внутри СКБ-48. Если соглашаться с «головановской» версией, что Валентин не подал сигнал тревоги, то не понятно, как операторы узнали о пожаре. Значит, сигнал о возгорании все-таки был? Валентин Бондаренко мог нажать кнопку аварийной сигнализации, а мог задействовать систему голосовой связи. Тогда можно вообразить примерно такой диалог между находящимся внутри горячей сурдобарокамеры кандидатом в космонавты и дежурным врачом из смены операторов.

Он погиб до полета Гагарина...

Валентин Бондаренко: «Пожар! Здесь все горит! Откройте дверь!»

Дежурный врач: «Что случилось?»

Валентин Бондаренко: «Вата упала на электроплитку! Пожар! Скорее откройте дверь!»

Но дежурный врач не смог сразу открыть герметическую дверь сурдобарокамеры из-за перепада давления - требовалось время, чтобы выровнять внутреннее и внешнее давление... На все это требовались лишние секунды. А их не было.

Космонавт Борис Волынов утверждает, что герметичную дверь СКБ-48 открыли только через пять минут после начала пожара. Отметим также, что по рассказу врача-хирурга Владимира Голяховского на эвакуацию Валентина Бондаренко из сурдобарокамеры ушло около получаса – и практически все это время кандидат в космонавты горел.

Правда, кандидат в космонавты Марс Рафиков утверждает, что в результате возгорания «в камере возросло давление, повыветали иллюминаторы - произошла мгновенная разгерметизация».

Когда сурдобарокамеру все-таки вскрыли, Валентина Бондаренко вынесли из выгоревшего помещения. Кандидат в космонавты еще был в сознании и все время повторял: «Я сам виноват, никого не вините...».

Пострадавшего немедленно доставили в Боткинскую больницу. Но врачи оказались бессильны.

Врачи констатировали ожоговый шок 3-4 степени с явно неблагоприятным прогнозом. У Валентина Бондаренко было поражено ожогом свыше 90 процентов кожного покрова, органы зрения и верхние дыхательные пути. Повреждённая кожа и слизистые оболочки были для пострадавшего кандидата в космонавты источником постоянной боли. Нарушились кровообращения, дыхание, обмен веществ. Примерно через час после травмы сознание пострадавшего стало спутанным, наступила заторможенность.

Он погиб до полета Гагарина...

Нет единого мнения и о том, когда скончался кандидат в космонавты старший лейтенант Валентин Васильевич Бондаренко:

- «через четыре часа умер» - космонавт Павел Попович;

- «через шесть часов наш друг скончался от болевого шока» - кандидат в космонавты Марс Рафиков;

- «через восемь часов Валентин умер от ожогового шока» - исследователь истории космонавтики Юрий Караш.

- «врачам удалось отсрочить смерть лишь на шестнадцать часов» - врач-хирург Владимир Голяховский.

Не совсем ясными остаются дата и точное время смерти Валентина Бондаренко:

- «вечером (23 марта 1961 года - С.Ч.) получили неприятное сообщение из Москвы: погиб слушатель-космонавт старший лейтенант В.В.Бондаренко» – генерал Николай Каманин

«Валентин Бондаренко прожил шестнадцать часов и умер на следующий день к утру» - врач-хирург Владимир Голяховский.

«В три часа дня на следующий день (после трагедии – С.Ч.) сказали, что он умер» - Анна Бондаренко, жена кандидата в космонавты.

Странная, противоречивая и очень расплывчатая картина трагедии вырисовывается в результате наших изысканий, не правда ли?

«Плывут» не только описания происшедшей трагедии, но также дата и время смерти Валентина Бондаренко.

Вот с датами, прежде всего, и попробуем разобраться.

Как правило, на памятных знаках, которые ставят на могилах людей, дата кончины человека указывается в соответствии с датой, которая имеется в свидетельстве о смерти. На могиле кандидата в космонавты Валентина Васильевича Бондаренко указана дата его смерти – 23

Он погиб до полета Гагарина...

марта 1961 года. Очевидно, что она взята из документов, которые были подготовлены в Боткинской больнице, где кандидат в космонавты скончался.

Врач-хирург Владимир Голяховский утверждает, что Валентин Бондаренко был доставлен в приемный покой Боткинской больницы во время его дежурства 22 марта 1961 года – Голяховский сам видел, как его привезли. По его же данным, кандидат в космонавты умер на следующий день к утру, через шестнадцать часов после доставки в больницу (и оснований не верить врачу Голяховскому нет – он как раз находился на суточном дежурстве). Очевидно, что это было 23 марта 1961 года, а фраза «к утру» означает, что смерть наступила, скорее всего, в промежутке между 3 и 5 часами утра. Следовательно, в Боткинскую больницу пострадавший от ожогов был доставлен где-то между 11 и 13 часами 22 марта 1961 года. 23 марта 1961 года в три часа пополудни о смерти Валентина Бондаренко сообщили его жене Анне. Вечером того же дня 23 марта об этом узнал из телефонного разговора и генерал Николай Каманин, который на космодроме Байконур готовил к первому космическому полету лидирующую «шестерку» космонавтов.

Отсюда следует, что трагедия в сурдобарокамере произошла не 23 марта 1961 года, как об этом писал Ярослав Голованов в своих статьях в газете «Известия» весной 1986 года и в книге «Космонавт №1», - и как с тех пор указывается во многих книгах и статьях по истории космонавтики, - а днем раньше – 22 марта 1961 года, около полудня.

Из воспоминаний жены кандидата в космонавты Анны Бондаренко, ее муж ушел на «отсидку» в сурдобарокамеру ранним утром 13 марта 1961 года. Старшему лейтенанту Валентину Бондаренко нужно было добраться из Звездного городка в Москву, в институт, расположенный недалеко от станции метро «Динамо». Даже если кандидата в космонавты подвезли на служебном автотранспорте, очевидно, что

Он погиб до полета Гагарина...

эксперимент мог начаться примерно в 9-11 часов утра 13 марта 1961 года - вряд ли раньше, и вряд ли позже. Трагедия в «сурдобарокамере», следовательно, произошла не к исходу десятых суток пребывания кандидата в замкнутом объеме, когда он якобы уже готовился выходить, а в самом начале десятых суток эксперимента, около полудня, когда Валентин либо проводил очередной цикл медицинских исследований, либо готовился пообедать. Правда, если учесть тот факт, что Валентин Бондаренко жил в сурдобарокамере в «сдвинутом» или «перевернутом» режиме, когда день считался ночью, то вряд ли его расписание предусматривало прием пищи в «полуночное» для запертого наглухо испытуемого время.

Поскольку все кандидаты в космонавты проходили не менее чем 10-суточные испытания в сурдобарокамере, - кроме Алексея Леонова (13 суток), Георгия Шонина (15 суток) и Германа Титова (15 суток), - то нет никаких оснований считать, что для Валентина Бондаренко сделали какие-то послабления. Следовательно, трагедия произошла почти за сутки до окончания минимального срока «отсидки» - 10 суток. А это значит, что версия гибели кандидата в космонавты, изложенная в публикациях Ярослава Голованова, не точна – Валентин Бондаренко еще вовсе не готовился покинуть место проведения эксперимента, это должно было случиться только на следующий день, 23 марта 1961 года.

Кстати, теперь можно объяснить и причину роковой оплошности Валентина Бондаренко – почему он бросил (если все-таки бросил, а не просто уронил!) проспиртованный ватный тампон в корзину для мусора, а попал в плитку. Напомним, что у кандидата в космонавты был «перевернутый» режим дня. Это значит, что примерно в полдень, когда случилась трагедия, у Валентина была «полночь». Вполне возможно, что он спал, а дежурный врач разбудил его для проведения «ночных» записей медицинских тестов. Бондаренко

Он погиб до полета Гагарина...

выполнил указания точно. Но к десятым суткам «отсидки» - об этом писал и космонавт Георгий Шонин, работавший в аналогичном режиме смены дня и ночи (см. выше), - у него накопилась усталость. Добавим еще полусонное состояние. И то, что внутри сурдобарокамеры в «ночное» время свет мог быть слегка пригашен. Уставший и полусонный испытуемый в сумраке вполне мог промахнуться.

И еще одно замечание по поводу ватки, не попавшей в корзину с мусором. Если корзина цилиндрическая или в виде срезанного обратного конуса – то есть с округлой стенкой – то нередки случаи, когда плотно скатанный мокрый комок, попав в корзину, может скользнуть по ее стенке и снова вылететь наружу. Автор данной книги в свое время активно занимался баскетболом, и не один раз видел подобные «вылеты» мяча из кольца при, казалось бы, верном попадании, но происходящим чуть под углом к плоскости отверстия. Направление движения летящего предмета в данном случае предсказать практически невозможно. Использованный проспиртованный ватный тампон мог упасть, отрекошетив от внутренней поверхности мусорной корзины, где угодно, – в том числе и на электроплитку.

Итак, в ходе несложных логических умозаключений, опирающихся на свидетельства из открытых информационных источников, мы установили, что:

- точная дата трагедии, происшедшей в институтской сурдобарокамере весной 1961 года, - не 23, а 22 марта, около полудня, где-то между 11 и 13 часами дня;

- в момент начала трагедии Валентин Бондаренко вовсе не завершал свое пребывание в сурдобарокамере, – ему еще предстояло «отсидеть» около одних суток;

- вряд ли возможно считать Валентина Бондаренко единственным виновником пожара в сурдобарокамере, да и вообще виноватым в

Он погиб до полета Гагарина...

случившемся, поскольку обстоятельства таковы, что не дают полных оснований считать кандидата в космонавты виновником возгорания из-за собственной невнимательности и неосторожности.

Казалось бы, сделано уже немало, но мы воздержимся подводить черту под нашим расследованием. Образно говоря, все, что изложено выше, - это «цветочки». А «ягодки» еще впереди. К поиску этих «ягодок» мы и перейдем.

Если рассматривать все обстоятельства трагической гибели кандидата в космонавты Валентина Бондаренко, возникает масса различных вопросов, из которых следуют совершенно неожиданные выводы.

Начнем с места трагедии – с самой сурдобарокамеры. Ее описания неоднократно приводились в воспоминаниях космонавтов – членов первого космического отряда и испытателей, которые занимались различными исследовательскими работами в подразделениях института, в котором случилась трагедия. Выше мы уже достаточно подробно описали сурдобарокамеру и на страницах этой книги.

Считается, что сурдобарокамера – та самая, в которой произошла трагедия весной 1961 года, - сохранилась. После реставрации она была установлена в 2011 году в экспозиции Смоленского областного государственного учреждения культуры «Объединенный мемориальный музей имени Ю.А.Гагарина» (Музей «Первого полета человека в космос») в городе Гагарине Смоленской области Российской Федерации.

Казалось бы, что в музее экспонат должен храниться в том виде, в котором его приняли на учет. А если это «та самая» сурдобарокамера – о чем в один голос говорят как специалисты музея во время экскурсий, так и различные эксперты в сфере истории космонавтики, - то и содержимое ее должно быть «тем самым». Конечно, часть оборудования и предметов быта была, по-видимому, безвозвратно уничтожена во время пожара 22 марта 1961 года, а часть просто не

Он погиб до полета Гагарина...

сохранилась, поскольку СКБ-48 потом еще долго использовалась по прямому назначению во время научных экспериментов и проведения различных испытаний. (Об использовании «той самой» сурдобарокамеры писал, в частности, Владимир Яковлевич Фишелев, кандидат технических наук, действительный член Российской академии космонавтики им. К.Э.Циолковского, член-корреспондент Международной академии информатизации. Описывая свое участие в экспериментах в НИИ-7 ВВС СССР (в Институте авиационной и космической медицины) в июне 1966 года, он отмечал:

«Еще мне было известно, что в этой барокамере незадолго до гагаринского старта (в марте 1961 года) погиб в пожаре космонавт Валентин Васильевич Бондаренко» (8.11)).

Но вот беда: если хорошенько покопаться в интернете и посмотреть старые советские фильмы и книги по истории космонавтики, то можно с легкостью убедиться, что внутреннее обустройство сурдобарокамеры существенно меняется. Меняются кресла для испытателя, электроплитки, чайники, техническое оборудование – даже иллюминаторы из квадратных становятся вдруг круглыми. Конечно, может быть, из «соображений секретности» внутреннее устройство «секретной советской сурдобарокамеры» тогда, в начале 60-х годов минувшего века, просто не хотели показывать возможным закордонным шпионам. Но как-то этот аргумент воспринимается не очень серьезно – думается, что в те времена, - а, скорее всего, и много раньше, - все мало-мальски заметные на политической карте мира «потенциальные агрессоры» уже располагали собственными сурдобарокамерами, поэтому форма кружки или чайника из советского аналога их вряд ли могла заинтересовать.

Как следствие, мы не можем однозначно использовать сурдобарокамеру, выставленную в экспозиции Смоленского областного государственного

Он погиб до полета Гагарина...

учреждения культуры «Объединенный мемориальный музей имени Ю.А.Гагарина» (Музей «Первого полета человека в космос»), для доказательства той или иной версии трагедии, происшедшей в марте 1961 года. Несомненно, что в общих чертах это «та самая» сурдобарокамера, а вот ее внутреннее оборудование, видимо, несколько десятилетий назад могло существенно отличаться от того, которое сегодня экспонируется в музее. Следовательно, «место происшествия» в нашем расследовании причин гибели кандидата в космонавты Валентина Бондаренко за прошедшие годы, скорее всего, достаточно сильно изменилось.

Теперь рассмотрим основную версию происшедшей в марте 1961 года трагедии. Как мы уже писали, эта версия гибели Валентина Бондаренко, приведенная в статьях Ярослава Голованова, а затем и в его книге «Космонавт №1», с весны 1986 года воспроизведена в десятках и сотнях публикаций по истории космонавтики. Напомним ее читателю вкратце:

«Сняв с себя датчики после медицинских проб, Валентин протер места их крепления ваткой, смоченной в спирте, и не глядя бросил эту ватку, которая упала на спираль включенной электроплитки. В перенасыщенной кислородом атмосфере пламя мгновенно охватило маленькое пространство сурдобарокамеры. На Валентине загорелся шерстяной тренировочный костюм, но он не подал сигнал тревоги на пульт, пробовал сам сбить пламя. ...Когда Валентина вытащили из сурдобарокамеры, он был еще в сознании, все время повторял: «Я сам виноват, никого не вините...» (8.12).

На эту версию все авторы, пишущие об истории космических исследований, ссылаются как на совершенно безальтернативную, особо не утруждая себя вопросом: а откуда, собственно говоря, известный советский журналист узнал о случившейся в марте 1961 года трагедии? Он что, был участником эксперимента? Нет, не был. Может быть, весной 1961 года он работал в

одной из структур, связанной с космическими исследованиями? Тоже нет, в 1961 году Ярослав Кириллович Голованов трудился заведующим отделом информации молодежной газеты «Комсомольская правда». Тогда, возможно, весной 1961 года журналисту Голованову стали известны подробности происшедшей трагедии? Тоже сомнительно: уже в постперестроечные годы были опубликованы дневниковые записи Ярослава Голованова «Записки вашего современника». Записки изначально не предназначались для публикации, и в них автор был весьма откровенен в своих оценках, в том числе и политических. В этих записках о гибели Валентина Бондаренко нет ни слова.

Скажем откровенно: мы вовсе не собираемся ставить под сомнение информацию, изложенную в статьях и книге Ярослава Кирилловича Голованова. Это действительно замечательные статьи и книга, сыгравшие свою роль и в истории космонавтики, и в истории страны в целом. Но совершенно очевидно другое: раз Ярослав Голованов не был непосредственным участником событий, и не мог описывать то, что видел лично, значит, он получил информацию о трагедии, разыгравшейся в марте 1961 года, из какого-то информационного источника. Поэтому возникает закономерный вопрос: а насколько достоверно была сообщена журналисту его неназванным информатором история о трагической гибели кандидата в космонавты Валентина Бондаренко?

Давайте проанализируем детально содержание «основной версии». Последовательность действий Валентин Бондаренко и вызванных ими событий выглядит так:

- 1) снял «с себя датчики после медицинских проб»;
- 2) «протер места их крепления ваткой, смоченной в спирте»;
- 3) «не глядя бросил эту ватку»;
- 4) проспиртованный ватный тампон упал «на спираль включенной электроплитки»;

Он погиб до полета Гагарина...

5) «в перенасыщенной кислородом атмосфере пламя мгновенно охватило маленькое пространство сурдобарокамеры»;

6) «загорелся шерстяной тренировочный костюм»;

7) «не подал сигнал тревоги на пульт»;

8) «пробовал сам сбить пламя»;

9) «когда Валентина вытащили из сурдобарокамеры, он был еще в сознании, все время повторял: «Я сам виноват, никого не вините...»

Откуда Ярославу Голованову – а перед этим некому информационному источнику, который и рассказал о трагедии журналисту, - стало известно все вышеизложенное?

То, что незадолго до трагедии были проведены какие-то «медицинские пробы» можно было, например, узнать из плана проведения «отсидки» кандидата в космонавты Валентина Васильевича Бондаренко, а оперативную информацию получить из записей в журнале дежурной смены наблюдателей за ходом эксперимента.

А вот информацию обо всем, перечисленном выше в следующих семи пунктах (со 2 по 8 включительно), можно было получить следующим образом:

А) непосредственно увидеть собственными глазами сквозь стекло иллюминаторов СКБ-48. Но это практически исключено, поскольку тогда бы сразу внешний наблюдатель увидел бы и собственно возгорание, подал сигнал пожарной тревоги для всех служб института и немедленно стал бы спасать Валентина Бондаренко. Следовательно, в момент возгорания никто из внешних наблюдателей лично и непосредственно не вел наблюдений за действиями Валентина Бондаренко;

Б) с помощью оперативного теленаблюдения или киносъемки на пленку сквозь стекло иллюминаторов или с помощью специальных теле- или кинокамер, установленных внутри сурдобарокамеры.

Он погиб до полета Гагарина...

Теленаблюдение в непрерывном режиме можно сразу исключить. Во-первых, технологии прямой и непрерывной телетрансляции в начале 60-х не были распространены настолько широко, чтобы советские ученые могли их использовать даже в новейших исследовательских лабораториях, связанных с космической программой СССР. Во-вторых, при оперативном наблюдении пожар внутри СКБ-48 был бы сразу же замечен оператором-наблюдателем, и он непременно бы подал сигнал тревоги. Что же касается непрерывной киносъемки всего десятисуточного эксперимента, то она, скорее всего, не велась вовсе. Ни изображений соответствующего оборудования на фотографиях сурдобарокамеры, ни любого упоминания о таких работах ни в одном из информационных источников нам обнаружить не удалось. Кадры тренировок кандидатов в космонавты, которые встречаются во многих кинофильмах о советской космонавтике тех лет, были, скорее всего, либо эпизодическими съемками экспериментов, либо целевыми постановочными съемками именно для использования при монтаже фильмов. И еще: если бы такие теле- или киносъемки велись, то соответствующая им видеозапись уже бы давно «гуляла» в информационном пространстве, как лучшее доказательство версии гибели Валентина Бондаренко, изложенной Ярославом Головановым в его статьях и книге;

В) лично услышать всю информацию, изложенную в пунктах со второго по восьмой, от пострадавшего Валентина Бондаренко. Валентин был в сознании еще достаточно долгое время, чтобы сообщить все вышеизложенное людям, которые пытались открыть дверь СКБ-48 и спасали его из пылавшей сурдобарокамеры. Он также мог сказать все это по пути в Боткинскую больницу или уже собственно в больничной палате.

Он погиб до полета Гагарина...

Аналогично и информация из девятого пункта - «Я сам виноват, никого не вините...» - тоже могла быть услышана только лично кем-то из спасателей, теми, кто оказывал Валентину Бондаренко первую медицинскую помощь, теми, кто транспортировал его в больницу.

Правда, остается открытым очень важный вопрос: говорил ли все это в действительности пострадавший от ожогов свыше девяноста процентов кожи Валентин Бондаренко?

В изложенной выше версии событий от Ярослава Голованова говорится, что «когда Валентина вытащили из сурдобарокамеры, он был еще в сознании». То есть журналист фактически утверждает, что вскоре после извлечения из сурдобарокамеры Валентин Бондаренко все-таки сознание потерял. А значит, остается очень небольшой промежуток времени, в течение которого пострадавший кандидат в космонавты вообще мог что-то сказать.

Смертельно обожженного Валентина Бондаренко вытащили из СКБ-48. Он испытывает адскую боль, у него, возможно, повреждены глаза и верхние дыхательные пути. Но он находит в себе силы, чтобы рассказать предысторию трагедии и несколько раз повторить, - чтобы хорошо поняли и запомнили окружающие его люди, - «Я сам виноват, никого не вините...».

Эта фраза чрезвычайно интересна уже по самому своему содержанию. Валентин словно пытается кого-то защитить от огульных обвинений. Кого именно? У Ярослава Голованова сказано, что «дежурный врач сразу открыть герметичную дверь, не выровняв давления снаружи и внутри, не мог. На все это требовались лишние секунды. А их не было». В чем можно обвинить дежурного врача? Если из-за перепада давления открыть дверь сразу было нельзя в принципе, то в чем же виноват дежурный врач? Ведь он все-таки поднял тревогу, и спасатели «вытащили из сурдобарокамеры» Валентина Бондаренко (отметим, что

Он погиб до полета Гагарина...

по построению этой части фразы – использовании глагола «вытащили» - становится ясным, что спасателей было несколько). То есть врач действовал правильно. Может быть, был кто-то еще, кого могли наказать за какие-то упущения при подготовке испытаний в сурдобарокамере? Тогда что это были за упущения?

Кем вообще могли быть те люди, которые слышали слова смертельно обгоревшего Валентина Бондаренко?

Конечно же, в первую очередь, это мог быть тот самый дежурный врач, о котором упоминает в своей версии Ярослав Голованов, и подоспевшие ему на помощь спасатели – скорее всего, сотрудники института: врачи, инженеры, техники.

Слышать слова Валентина могли люди, которые оказывали ему помощь, уже вне сурдобарокамеры, но еще на территории института – скорее всего, тоже медицинский персонал из состава сотрудников института. Кроме того, слова кандидата в космонавты могли услышать и люди, которые везли его в больницу на санитарной машине.

Врач-хирург Боткинской больницы Владимир Голяховский так описывает доставку обожженного Валентина Бондаренко в больничные приемный покой:

«...На большой скорости в ворота въехала военная санитарная машина, а за ней несколько официальных черных «Волг». Из них торопливо выскочили военные в полковничьих папах и кинулись к «санитарке». Из нее уже вытаскивали носилки с пострадавшим» (8.13).

Думается, что спасателей и врачей рассказ Валентина Бондаренко – если он вообще пытался что-то рассказать - о причинах возгорания интересовало далеко не в первую очередь: главными их задачами были эвакуация из сурдобарокамеры пострадавшего, его транспортировка в больницу и попытки хоть как-то облегчить его страдания.

Он погиб до полета Гагарина...

А вот тех, кого врач-хирург Владимир Голяховский описывает как «военных в полковничьих папах», - то есть это, вероятно, руководители эксперимента, исследовательских лабораторий, а то и всего института, - напротив, очень и очень интересовали причины трагедии. И если не в санитарной машине, поскольку ехали эти «полковники в папах» отдельно на нескольких черных «Волгах», то еще в стенах самого института они могли попытаться даже расспрашивать пока находившегося в сознании Валентина Бондаренко о причинах пожара.

Отметим, что все вышеназванные люди, скорее всего, также являлись сотрудниками института. Центр подготовки космонавтов в то время уже располагался в Подмоскowie, в Звездном городке, большая часть его руководства находилась в эти дни в Казахстане на космодроме Байконур, где готовился полет сначала пятого корабля-спутника (25 марта 1961 года), а потом – полет космического корабля с человеком на борту (12 апреля 1961 года). Поэтому представителей Центра подготовки космонавтов из числа описанных Владимиром Голяховским «полковников в папах» можно с большой степенью вероятности исключить.

Валентин Бондаренко, если верить врачу Владимиру Голяховскому, прожил еще около шестнадцати часов (Ярослав Голованов утверждает, что только восемь). Мог ли в течение этого времени кто-то контактировать с пострадавшим и расспросить его о причинах пожара в сурдобарокамере? Вполне мог, если Валентин был в сознании или не находился в состоянии естественного или медикаментозного сна. Владимир Голяховский так описывает свои первые врачебные действия в отношении пострадавшего кандидата в космонавты:

«Первым делом следовало начать внутривенное вливание жидкостей с обезболивающими лекарствами, но в обожженных тканях невозможно было найти ни одной вены. Только на обеих стопах еще оставалась

Он погиб до полета Гагарина...

кожа. Я с трудом смог найти мелкую вену и ввел в нес иглу (пластмассовых катетеров тогда еще не было). Через иглу я ввел в сосуд морфин, и больной задышал спокойней» (8.13).

Нужно, однако, учитывать, что пострадавший ко времени поступления в Боткинскую больницу уже сильно ослабел – Владимир Голяховский пишет:

«Больной был еще жив, он с трудом поверхностно дышал и шевелил сгоревшими губами. Я наклонился вплотную к страшному лицу и разобрал еле слышные слова:

- Больно... Сделайте... чтобы не болело...» (8.13).

У Валентина Бондаренко констатировали ожоговый шок, а это значит, что с достаточно высокой степенью вероятности уже через один-три часа после травмирования в результате пожара его сознание могло стать спутанным, могла наступить общая заторможенность.

Все же не будем сбрасывать окончательно со счетов вероятность того, что расспрашивать Валентина Бондаренко о причинах трагедии могли и в течение тех шестнадцати часов, которые он провел в отдельной палате Боткинской больницы. Кто же мог его столь подробно расспросить?

Во-первых, это мог быть медицинский персонал Боткинской больницы, который оказывал помощь пострадавшему. Но из рассказа врача Владимира Голяховского ясно, что общую информацию о причинах происшедшего он пытается узнать не от пациента, а от загадочного старшего лейтенанта, которого он тремя неделями позже описываемых событий ассоциирует с Юрием Алексеевичем Гагариным:

«- Как случилось, что возник пожар в камере?

Он (старший лейтенант – С.Ч.) вздохнул:

- Просто случайность. Он (т.е. Валентин Бондаренко – С.Ч.) был в программе трехсуточного испытания, и как раз ночью программа должна была закончиться. Он собрался согреть себе еду на

Он погиб до полета Гагарина...

электроплитке, протер руки спиртовой салфеткой, и она коснулась раскаленной плитки. Воздух вспыхнул, он попытался его загасить, дал сигнал тревоги. Но пока его разгерметизировали - сгорел.

- Неужели обычная плитка? Это же опасно.

- Да, обычная, только спираль покрыта железом»

(8.13).

Вряд ли информация о причинах пожара из уст самого пострадавшего могла интересовать и специалистов по ожоговой терапии, которые во главе с заведующим ожоговым центром Института хирургии имени А.В.Вишневского Академии медицинских наук СССР Михаилом Шрайбером приехали помогать коллегам из Боткинской больницы спасать Валентина Бондаренко. Их целью было облегчение страданий и спасение пострадавшего, а не установление причин пожара в сурдобарокамере.

Во-вторых, узнать о причинах трагедии у самого Валентина могли попытаться его родственники. Но Владимир Голяховский пишет, что жену пострадавшего кандидата в космонавты Анну Бондаренко медперсонал больницы даже не решился пустить в палату, где находился Валентин Бондаренко:

«Привезли заплаканную жену Бондаренко. Что было делать, как показать ей обугленное тело без волос, без глаз, без губ? Сестра подвела ее к двери и показала его с расстояния» (8.13).

Правда, уже позже Анну Бондаренко все-таки провели к мужу:

«...Он узнал, что я пришла. Узнал... Говорит: «Ну, Анюта, все». И нас сразу увезли»

По воспоминаниям Анны Бондаренко, «в три часа дня на следующий день (то есть 24 марта 1961 года – С.С.) сказали, что он умер».

Следовательно, родственникам о причинах пожара Валентин Бондаренко сказать ничего не мог.

В-третьих, о причинах пожара Валентин Бондаренко мог еще сказать тем, кто целенаправленно

Он погиб до полета Гагарина...

интересовался бы именно самим фактом возгорания, то есть людям, которые должны были вести какое-то расследование. И вот тут возникает вполне закономерный вопрос: а были ли эти люди?

Увы, нет никаких данных, что по факту гибели кандидата в космонавты создавалась какая-нибудь правительственная или межведомственная комиссия для расследования причин трагедии. Нет никаких данных, что по факту гибели старшего лейтенанта Валентина Васильевича Бондаренко возбуждали бы уголовное дело военная или гражданская прокуратуры. Нет никаких данных, что по факту смерти человека вели дознание или расследование органы милиции или Комитета государственной безопасности СССР – впрочем, последний мог провести расследование негласно, руководствуясь поступившей информацией о случившейся трагедии из «первого отдела» НИИ-7 (Института авиационной и космической медицины).

Расследование действительно было проведено только в рамках самого НИИ-7 (Института авиационной и космической медицины) и курировавших его деятельность подразделений Министерства обороны СССР. В записи от 21 апреля 1961 года в своем дневнике генерал Николай Каманин свидетельствует:

«Сегодня вечером заседал Военный Совет ВВС, заслушали доклад генерал-майора А.Н.Бабийчука о причинах гибели слушателя-космонавта В.В.Бондаренко. Он семнадцатым по счету проходил 15-суточные испытания в барокамере. На десятые сутки, во время подогрева пищи на электроплитке в барокамере возник пожар, и Бондаренко погиб из-за сильных ожогов» (8.10).

Оставим «на потом» вопрос о том, насколько объективным было такое расследование фактически своих же собственных организационных упущений и халатности. Нас гораздо в большей степени сейчас интересует другое: могли ли сотрудники этих ведомств фактически допросить Валентина Бондаренко во время его пребывания в палате Боткинской больницы?

Он погиб до полета Гагарина...

Думается, что нет. Во-первых, лечащие врачи (тот же Владимир Голяховский) вряд ли бы допустили военных чиновников к постели умирающего пострадавшего, если бы он даже был в состоянии давать какие-то показания. Во-вторых, опять же из воспоминаний врача-хирурга Владимира Голяховского следует, что «наверху» - в том числе и в самом Министерстве обороны СССР - никакой информации о причинах случившегося не было, о чем свидетельствует вал телефонных звонков, обрушившихся на самого дежурного врача Голяховского после поступления в Боткинскую больницу пострадавшего Валентина Бондаренко:

«Другие больные поступали для неотложного лечения, а телефон все звонил. Звонили большие люди и спрашивали о состоянии Бондаренко. Приходилось отрываться отдел и все снова объяснять» (8.13).

Из всего рассмотренного нами выше следует практически однозначный вывод, что о причинах пожара получить информацию непосредственно от Валентина Бондаренко могли только заинтересованные сотрудники НИИ-7 (Института авиационной и космической медицины). И сделать это они могли только в очень узкий момент времени – от извлечения пострадавшего кандидата в космонавты из горевшей сурдобарокамеры и до момента помещения его в военную санитарную машину для отправки в Боткинскую больницу. Мы пока не будем сомневаться, что в суете по оказанию первой медицинской помощи пострадавшему такая информация была сотрудниками НИИ-7 (Института авиационной и космической медицины) действительно получена.

При рассмотрении «дела о пожаре» обнаруживается весьма любопытный факт: версия о причинах пожара в промежутке между днем трагедии в марте 1961 года и опубликованием весной 1986 года в газете «Известия» статей Ярослава Голованова – то есть в течение периода информационной засекреченности

Он погиб до полета Гагарина...

случившегося события – меняется весьма существенно. Посмотрим, как это происходит:

1) 22 марта 1961 года после полудня врач-хирург Владимир Голяховский спрашивает у некоего «военного врача полковника Иванова», который был в числе тех, кто доставил Валентина Бондаренко в Боткинскую больницу, о причинах происшедшего:

«Выяснилось, что этого молодого больного - Валентина Бондаренко, двадцати четырех лет - привезли к нам прямо из института космонавтики, возле метро «Динамо», всего в трех километрах от нас. Он получил ожоги час назад, когда находился внутри испытательной барокамеры с повышенным содержанием кислорода. Внезапно в ней произошел пожар, и Бондаренко оказался в атмосфере горящего воздуха. Пока смогли разгерметизировать камеру, прошло около получаса, и все это время он горел. На нем был специальный костюм, который частично предохранял его вначале. Но потом сгорел и костюм, осталась только специальная обувь - поэтому на стопах сохранилась кожа.

- Что это за барокамера, в которой он находился?

- Я вам скажу, только не для распространения: это модель космического корабля для человека. Бондаренко проходил в ней испытания - готовился к полету в космос» (8.13).

То есть полковник Иванов, - вероятно, военный врач из самого НИИ-7 (Института авиационной и космической медицины) о причине пожара еще ничего толком не знает – «внезапно в ней (в сурдобарокамере – С.Ч.) произошел пожар».

Вообще-то этот «полковник Иванов» - далеко не загадочная личность. В книге мемуаров генерал-майора медицинской службы, заместителя начальника Главного военно-медицинского управления (с 1959 по 1974 год) Александра Николаевича Бабийчука читаем:

«Среди авиационных врачей, чьи работы были связаны с обеспечением первых высотных полетов на самолетах и аэростатах и в дальнейшем послужили

Он погиб до полета Гагарина...

космической медицине, можно назвать В.В.Стрельцова, Д.Е.Розенблюма, М.П.Бресткина, А.П.Аполлонова, В.А.Спасского, Е.Н.Гришанова, Д.И.Иванова» (8.14).

Впрочем, Иванов – очень распространенная фамилия на Руси. Может быть, это «не тот» Иванов? Да и вообще за давностью лет Владимир Голяховский мог напутать с фамилией и воинским званием собеседника. Либо же «полковник Иванов» по каким-то соображениям скрывал в разговоре с врачом Боткинской больницы свою настоящую фамилию: мало ли что, например - секретность проводимых в институте работ.

Однако ниже в мемуарах Александра Николаевича Бабийчука находим дополнительную информацию:

«Параметры искусственной атмосферы стали предметом изучения Д.И.Иванова, В.Б.Малкина, И.П.Чернякова и других.

...Как с точки зрения психологической перенесет длительное одиночество и изоляцию от внешнего мира? Огромную сложность представляли проблемы поддержания в кабине корабля определенной температуры, влажности и чистоты воздуха, удаления продуктов жизнедеятельности человека и т. д.» (8.14).

Уточним: «параметры искусственной атмосферы» - это как раз работа с искусственными воздушными смесями разного состава и при разном давлении, в том числе и в сурдобарокамере. Именно этим и занимается Д.И.Иванов.

В другом информационном источнике находим еще большую конкретизацию направлений научной деятельности полковника медицинской службы, профессора Дмитрия Ивановича Иванова:

«Исследования, направленные на решение указанных вопросов, проводились во все периоды разработки космических СОЖ. Так в работе Д.И.Иванова, В.Б.Малкина, И.Н.Чернякова и др. (1961-1963) была показана возможность длительного, до 30 суток, пребывания человека в замкнутой камере малого объема, с гипобарической нормоксической атмосферой:

Он погиб до полета Гагарина...

высота – пять-семь километров, O₂ (кислород – С.Ч.) - 35-50%» (8.15).

В этом же источнике имеется и перечень тематических научных работ уважаемого Дмитрия Ивановича:

«- Иванов Д.И., Использование барокамеры во врачебной экспертизе // Воен.-мед. журн. - 1948. - № 10;

- Иванов Д.И., Малкин В.Б., Черняков И.Н. и др. Изменение основных физиологических функций при длительном пребывании человека в условиях пониженного барометрического давления и ограниченного пространства // Авиационная и космическая медицина. - М., 1963.;

- Иванов Д.И., Малкин В.Б., Черняков И.Н. и др. Автоматический анализ суточных периодических изменений ЭЭГ человека // Проблемы космической биологии. - М.: Наука, 1965. - Т. 4. - С. 642-646.;

- Иванов Д.И., Хромушкин А.И. Системы жизнеобеспечения человека при высотных и космических полетах. - М.: Машиностроение, 1968» (8.15).

Как видим, в сфере профессиональной деятельности полковника Иванова именно «то, что нужно» - вопросы, связанные с исследованиями в сурдобарокамерах.

Значит, «полковник Иванов» - не выдумка врача Владимира Голяховского. Такой человек действительно существовал и занимался с 1959 года искусственными атмосферами для будущих космических кораблей. И это еще одно подтверждение правдивости воспоминаний Владимира Голяховского.

2) На следующий день после пожара в СКБ-48, 23 марта 1961 года, собеседник врача Владимира Голяховского - загадочный старший лейтенант якобы из отряда космонавтов - излагает версию причин трагедии уже несколько иначе:

«Собрался согреть себе еду на электроплитке, протер руки спиртовой салфеткой, и она коснулась

Он погиб до полета Гагарина...

раскаленной плитки. Воздух вспыхнул, он пытался его загасить, дал сигнал тревоги» (8.13).

Интересно, кто снабдил старшего лейтенанта этой информацией? Ведь вряд ли он мог слышать ее сам – часть отряда космонавта (шесть человек) готовилась к полету на космодроме Байконур, остальные – готовились к предстоящим экзаменам в подмосковном Звездном городке.

Отметим, что версия причин трагедии в течение суток трансформировалась из возгорания по неизвестной причине в пожар в результате оплошности самого пострадавшего;

3) Вечером этого же дня 23 марта 1961 года получил «неприятное сообщение из Москвы» генерал Николай Каманин, находящийся с первой «шестеркой» космонавтов на космодроме:

«Погиб слушатель-космонавт старший лейтенант В.В.Бондаренко. Нелепая первая жертва среди космонавтов. Он погиб от пожара в барокамере на десятые сутки 15-суточного эксперимента, проводившегося в Институте авиационной и космической медицины. Причина возникновения пожара пока неизвестна» (8.10).

В этот момент вместе с генералом Николаем Каманиным в его номере находилась вся шестерка готовящихся к полету космонавтов: вечером они часто собирались, слушали рассказы генерала о его боевом прошлом. Павел Попович вспоминал:

«Мы уже собирались прощаться, пожелали гостеприимному хозяину спокойной ночи, но вдруг зазвонил телефон. Поначалу нас это совсем не встревожило, а генерал Каманин взял трубку и долго молча слушал. По его лицу прошел какой-то ток, мы насторожились. Почему-то подумали, что это касается нас, замерли в тревожном ожидании.

Николай Петрович, завершив разговор, не поднимал глаз, о чем-то думал.

Он погиб до полета Гагарина...

- Погиб старший лейтенант Бондаренко, - после долгой паузы сказал генерал. Это была первая потеря на нашем пути. Теперь нас уже не двадцать, а девятнадцать. - Можно было предположить, что будут потери, но не такие же...

Валентин Бондаренко погиб в барокамере на одиннадцатые сутки пребывания. Многие было неизвестно. Ему оставалось пробыть в заточении еще четверо суток, и эксперимент был бы завершен, многие из отряда его уже прошли. Мы готовы были немедленно вылететь в Москву, вернуться в Звездный, хорошо представляя, какая там обстановка. Но двадцать четвертого начинала работать Государственная комиссия. Мы впервые должны были присутствовать при вывозке ракеты на старт, а Гагарин и Титов, облачившись в скафандры, подняться на лифте к космическому кораблю...» (8.16).

То есть руководители Центра подготовки космонавтов, оставшиеся «на хозяйстве» в подмосковном Звездном городке и не поехавшие на Байконур, по состоянию на вечер 23 марта 1961 года еще ничего толком не могут сказать генералу Каманину и шестерке космонавтов, поскольку сами точно не знают о причине пожара. Тогда как о ней узнал загадочный старший лейтенант, посаженный полковником Ивановым в приемной Боткинской больницы? И если он – якобы кандидат в космонавты – откуда-то об этом узнал, то почему немедленно не доложил эту информацию по команде руководству Центра подготовки космонавтов?

Отметим, что к вечеру 23 марта 1961 года версия о причинах пожара снова трансформировалась - «причина возникновения пожара пока неизвестна».

4) Проходит почти ровно месяц с момента трагедии и 21 апреля 1961 года генерал Николай Каманин на страницах своего дневника отражает еще одну трансформацию версии пожара в сурдобарокамере СКБ-48:

Он погиб до полета Гагарина...

«На десятые сутки, во время подогрева пищи на электроплитке в барокамере возник пожар, и Бондаренко погиб из-за сильных ожогов» (8.10).

Эта версия содержится в материалах заседавшего вечером 21 апреля 1961 года Военного Совета ВВС, который заслушал «доклад генерал-майора А.Н.Бабийчука о причинах гибели слушателя-космонавта В.В.Бондаренко» (8.10).

(Напомним, что Александр Николаевич Бабийчук - генерал-майор медицинской службы, заместитель начальника Главного военно-медицинского управления с 1959 по 1974 год – С.Ч.).

То есть это официальная версия причин гибели кандидата в космонавты старшего лейтенанта Валентина Васильевича Бондаренко. И в ней нет никаких медицинских процедур и смоченной спиртом ватки, которую кандидат в космонавты якобы не глядя бросил в мусорную корзину, а попал на открытую спираль электрической плитки. Нет в этой версии ни слова и о том, что Валентин не подал вовремя сигнал тревоги и сам пытался тушить разгоравшийся в сурдобарокамере пожар. Скорее всего, Валентин Бондаренко собирался поужинать, поскольку жил по «перевернутому» графику, и с 14 до 23 часов должен был спать - выше мы уже пришли к выводу, что трагедия, скорее всего, произошла около 11-13 часов 22 марта. Причиной же возгорания во время подогрева пищи могло стать все, что угодно. Например, короткое замыкание в электрической сети – и не обязательно на самой электроплитке.

5) Прошло ровно двадцать пять лет и весной 1986 года появляются публикации Ярослава Голованова в газете «Известия»: «медицинские процедуры», «мокрая ватка», опасные и несвоевременные действия Валентина Бондаренко.

Зададимся вопросом, откуда получил эту информацию журналист Ярослав Голованов?

Выше мы уже упоминали о мытарствах Ярослава Голованова, когда он хотел получить «добро» на

публикацию информации о первом космическом отряде в высших эшелонах советского военного руководства. «Добро» журналисту военные так и не дали. То есть доступа к тексту доклада А.Н.Бабийчука на момент публикации статей в «Известиях» он не имел. Следовательно, в основу «версии Голованова» легли воспоминания кого-то из участников тех событий. Никто из кандидатов в космонавты и руководителей Центра подготовки космонавтов очевидцем трагедии в марте 1961 года не был. Значит, первичным источником информации о гибели Валентина Бондаренко мог быть только кто-то из сотрудников Института авиационной и космической медицины.

Но тогда вполне закономерно возникает вопрос: почему версия этого сотрудника ИАКМ, рассказанная журналисту Голованову, так разительно отличается от версии, изложенной в докладе генерал-майора А.Н.Бабийчука? Не был ли доклад генерал-майора медицинской службы изначально просто попыткой официально замаять неприятный вопрос о гибели кандидата в космонавты в одном из подчиненных ему подразделений?

Видимо, стопроцентно прав академик И.Н. Фридляндер, который в своей книге «Воспоминания» писал:

«В таких ситуациях (аварий и катастроф – С.Ч.) во все времена и во всех странах неукоснительно действуют два постулата. Постулат второй (менее важный) - надо постараться выяснить истинную причину катастрофы. Постулат первый (более важный) - при расследовании ни в коем случае нельзя допустить, чтобы виновной оказалась ваша фирма, и, если у вас есть какая-либо информация, вредящая вашей фирме, ее не стоит оглашать. Правда, бывают редкие, как правило, вынужденные исключения».

Вполне возможно, что в «деле Валентина Бондаренко» таких «вынужденных исключений» не случилось. Поэтому и результат логичен и

Он погиб до полета Гагарина...

прогнозируем: Бондаренко все равно не вернуть, а судьбы и карьеры десятков людей могут быть искалечены навсегда, если дело дойдет до серьезного «разбора полетов». Поэтому концы в воду прячутся сами собой - пишется доклад, который полностью удовлетворяет всех и «закрывает вопрос» на многие годы.

Но вовсе не обязательно считать и версию Голованова чистой правдой. По-прежнему остаются сомнения, откуда сотрудники Института авиационной и космической медицины, беседовавшие с журналистом, получили информацию о происшедшем внутри самой барокамеры – то есть о событиях, участником которых был сам погибший Валентин Бондаренко. Не факт, что смертельно обгоревший кандидат в космонавты вообще что-то говорил спасавшим его людям. Не факт, что его слова были правильно интерпретированы. Не вложили ли фразу «Никого не вините, я сам виноват» в уста умирающего Валентина Бондаренко сами сотрудники института, работавшие в день трагедии около сурдобарокамеры? Кто вообще опрашивал дежурную смену операторов? Кто и как фиксировал их показания? Не корректировались ли потом эти показания в угоду «нужной версии»? Ведь никакого действительно независимого, вневедомственного и объективного расследования трагической гибели Валентина Бондаренко не было.

Изложенные выше обстоятельства смерти Валентина Бондаренко вполне могли быть просто сфальсифицированы как в период подготовки доклада генерал-майора А.Н.Бабийчука, так и позднее, чтобы прикрыть чьи-то серьезные упущения в организации и проведении самого эксперимента, чтобы замаскировать чью-то халатность.

А были ли вообще такие упущения и халатное отношение? Не наговариваем ли мы на обеспечивавших эксперимент уважаемых и весьма добросовестных людей? Не возводим ли напраслину?

Он погиб до полета Гагарина...

В этой связи возникает множество вопросов, связанных как с внутренним обустройством самой сурдобарокамеры, так и с проведением испытательных работ на ней:

1) Освещение внутри СКБ-48.

Из анализа изображений на фотоснимках сурдобарокамеры видно, что для освещения в ней использовалась лампа, похожая на обычную настольную лампу на передвижном штативе. У этой лампы металлический конусообразный корпус – следовательно, и свет от нее будет расходиться световым конусом. Зоны вне этого светового конуса оказываются в полутени.

Поэкспериментируем: станем внутри светового конуса. Пространство за его пределами будет казаться нам затемненным. Мусорная корзина, стоящая где-то на полу, - вне зависимости от того, где она расположена (под боковым рабочим столиком, сбоку от кресла испытателя или в одном из свободных углов сурдобарокамеры), - оказывается в полутемной зоне.

Не удивительно, что при таком освещении смоченная в спирте использованная ватка может улететь «не туда».

Почему для проведения экспериментов в сурдобарокамере использовалось именно такое – направленное – освещение?

2) Корзина для мусора.

Конечно, лучше всего ее расположить справа от кресла испытателя, под навесным рабочим столиком – хотя бы с точки зрения экономии места на полу предельно тесной сурдобарокамеры.

Но если вы встанете из кресла, мусорная корзина, стоящая под навесным столиком, становится вам не видна. Если же за вашей спиной или над головой горит яркая лампа, дающая конус света, ситуация только усугубляется – корзина оказывается еще и в теневой зоне.

Он погиб до полета Гагарина...

Если исходить из версии, что Валентин Бондаренко действительно бросил использованный ватный тампон в мусорную корзину, то сразу же возникает вопрос: а почему для эксперимента в сурдобарокамере используется мусорная корзина без крышки – снимаемой вручную или полуавтоматически при нажатии ногой на специальную педаль?

Как вообще опорожнялась эта мусорная корзина? Через какое-то время в зависимости от ее заполнения или один раз после завершения 10-15 суточного эксперимента по изоляции испытателя от окружающего пространства?

Наверное, это зависит от того, какой мусор в ней мог оказаться:

А) использованные ватные тампоны;

Б) смятые листы бумаги – если испытателю разрешалось что-либо писать, - кроме рабочих записей в прошитых блокнотах, - еще и на обычных листах бумаги;

В) отходы от рабочей деятельности испытателя (например, опилки и обрезки, если испытателю разрешалось заниматься различными рукоделиями во время «отсидки»);

Г) упаковки от продуктов питания (тубы, пустые консервные банки, бумажные и пластиковые пакеты и т.п.).

И если мусор категорий А, Б, В в принципе можно складировать в течение 10-15 суток до завершения программы испытаний (если не обращать внимания на то, что этот мусор пожароопасен), то отходы категории Г лучше все же периодически убирать – во избежание появления внутри сурдобарокамеры запахов, сопровождающих процесс гниения остатков пищи.

Почему в сурдобарокамере использовалась открытая корзина для мусора?

3) Ассенизационно-санитарное устройство (туалет).

Он погиб до полета Гагарина...

Судя по описаниям и фотографиям, оно находилось в тамбуре сурдобарокамеры, который мог закрываться герметично с обеих сторон. Это позволяло с какой-то периодичностью опорожнять туалет, не создавая внутри помещения сурдобарокамеры проблем с запахами и гигиеной и не прерывая течение эксперимента. Испытатель закрывал герметично внутреннюю дверь, дежурная смена наружных операторов открывала наружную дверь и опорожняла туалет. Затем наружная дверь герметизировалась, уравнивалось давление внутри камеры и в шлюзе, и испытатель вновь мог открыть внутреннюю дверь.

Сразу же возникает вполне логичный вопрос: почему Валентин Бондаренко не использовал герметичный шлюз, чтобы укрыться от вспыхнувшего пожара внутри камеры? Это же элементарное решение! Видимо, кандидат в космонавты не использовал шлюз для экстренной эвакуации потому, что пожар сразу перекинулся на его одежду, - бессмысленно прятаться в шлюзе, если горишь ты сам.

Возможно, что последовательность возникновения пожара внутри сурдобарокамеры в день трагедии была такой:

- возгорание вследствие попадания ваты на электроплитку или короткого электрического замыкания по иной причине;

- огненная вспышка в перенасыщенном кислородом воздухе;

- возгорание шерстяной ткани, из которой был пошит костюм кандидата в космонавты;

- возгорание других предметов внутри сурдобарокамеры (рабочего кресла, оборудования и т.д.).

Планировалось ли изначально штатное использование шлюза в качестве временной зоны эвакуации для испытателя в случае пожара в основной камере?

4) Электроплитка.

Он погиб до полета Гагарина...

Судя по фотографиям сурдобарокамеры СКБ-48, – «той самой», - которые можно отыскать в сети интернета, не ясно, какая именно в ней была электроплитка в день трагедии: с открытой или закрытой спиралью? На фотоизображениях, сделанных в разное время, можно обнаружить два типа электроплиток:

- круглая плитка с открытой спиралью;
- плитка с закрытой спиралью на квадратной основе.

Если в музее экспонируется «та самая», «гагаринская», сурдобарокамера, то кто и зачем заменил электроплитку? Не для того ли, чтобы подкрепить одну из версий пожара визуальным «доказательством»?

Ну, и главный вопрос: как вообще могла появиться внутри СКБ-48 электрическая плита, способная при определенных условиях вызвать пожар, в перенасыщенном кислородом помещении сурдобарокамеры?

Почему электроплитка, которая в музейной экспозиции стоит на рабочем столике рядом с креслом испытателя, в день трагедии – по некоторым версиям – оказалась у ног кандидата в космонавты, да еще и рядом с наполненной мусором корзиной?

5) Кухонное и рабочее оборудование.

На фотографиях в СКБ-48 можно обнаружить чайник, термос, металлическую кружку и кастрюлю. Интересно, что на фотоснимках и на киноплёнке, отснятых во время реальных тренировок кандидатов в космонавты в сурдобарокамере в начале 60-х годов, кухонная утварь полностью отсутствует – может быть, чтобы не «дегероизировать» образ покорителя космоса. А если присмотреться к фотоснимкам, которые можно найти в интернете, то «меняются» и чайники внутри СКБ-48. Наверное, теперь уже никто и не скажет, какой из чайников на этих фото действительно «гагаринский».

Кстати, и рабочее кресло испытателя в СКБ-48 тоже разное на фото, сделанных в разное время. А еще

Он погиб до полета Гагарина...

на некоторых старых фотоснимках появляется кушетка для сна, которой почему-то нет в музейной экспозиции.

Поскольку в СКБ-48 нет кранов с проточной водой, то вода для испытателя на 10-15 суток эксперимента должна либо содержаться в большом баке, либо периодически подаваться внутрь порциями (например, суточными). В сутки человеку для комфортного существования требуется около двух литров воды. На всех фотографиях СКБ-48 отсутствуют сколько-нибудь заметные емкости для хранения воды. Вполне возможно, что бак для воды просто убрали из экспозиции музея.

Поскольку для кипячения воды может быть использован чайник, а для хранения горячего чая – термос, то кастрюля в ходе эксперимента могла быть использована только:

- для варки или разогрева жидкой пищи;
- для нагрева в горячей воде запаянных металлических консервов в целях их разогрева.

В СКБ-48, скорее всего, не было холодильника (хотя в некоторых описаниях сурдобарокамеры утверждается, что в ней имелся «небольшой холодильник» - возможно, его установили уже после трагедии в марте 1961 года – С.Ч.), чтобы обеспечить испытателя замороженными свежими продуктами на все 10-15 суток. Поэтому вряд ли было возможно сохранять в замкнутой герметичной камере запасы картофеля, лука, моркови и других продуктов, чтобы испытатели могли варить себе обед самостоятельно. Кроме того, у разных испытателей могли быть разные кулинарные «таланты».

Подтверждение именно такого использования электроплитки для разогрева пищи можно найти в воспоминаниях Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Германа Степановича Титова, которые опубликовал журналист Борис Лукьянов в своей книге «Мы верим, друзья, караваны ракет...»:

Он погиб до полета Гагарина...

«Уже на второй день (после начала эксперимента в сурдобарокамере – С.Ч.) я понял всю тягость женского бытия. Обед варить - дело приятное, еще приятнее уничтожать его с аппетитом, но мыть посуду! Я против такого порядка и для того, чтобы раз и навсегда покончить с этим занятием, выдумал новый способ приготовления пищи. Запас еды нам выдавали в консервированном виде. Были разные бульоны, супы, гуляши и прочая снедь, запакованная в жестяные банки. Я наливал в кастрюлю воду, ставил ее на электроплитку, кипятил, а потом в кастрюлю опускал консервную банку. Миг - и кипятком доводил полуфабрикат до «полной кондиции». Оставалось открыть банку, съесть очередной завтрак, обед, ужин и выбросить пустую тару в герметический мусороприемник».

После Германа Титова все кандидаты в космонавты в ходе экспериментов в сурдобарокамере пользовались именно таким способом быстрого приготовления еды.

Но почему в СКБ-48 использована система обеспечения пищей испытателей, которая требует подогрева пищи с помощью электрической плиты? Нельзя ли было предусмотреть иное устройство, которое бы обеспечивало безопасность в воздушных средах с повышенным содержанием кислорода?

6) Система отопления СКБ-48.

На фотографиях нельзя обнаружить никакой системы отопления внутри сурдобарокамеры. Если в холодное время года потребность в отоплении возникала, испытатель действительно мог использовать электроплитку для отопления, переставив ее с рабочего столика на пол, практически вплотную к своим ногам.

Почему в сурдобарокамере СКБ-48 не предусмотрена система отопления, исключая использование электроплитки?

7) Системы пожаротушения и тревожного оповещения.

Он погиб до полета Гагарина...

Ни на одной фотографии СКБ-48 не видно никаких средств пожаротушения. Видимо, большая красная кнопка над рабочим столиком испытателя является частью системы экстренного оповещения.

Каким образом предполагалось тушить пожар, если он возникнет в герметично закрытой камере во время проведения эксперимента? Как быстро выполнить эвакуацию пострадавшего испытателя из СКБ-48 при значительном перепаде внутреннего и внешнего давления?

Вот такие вопросы возникают, когда задумываешься над тем, насколько безопасно для испытателя были организованы эксперименты в сурдобарокамере СКБ-48.

Впрочем, мы не «открыли Америку». Американский журналист и исследователь истории космонавтики Джеймс Оберг еще лет двадцать назад пришел к выводу, что трагедия весной 1961 года произошла, в частности, еще и потому, что в сурдобарокамере СКБ-48:

- были использованы материалы, которые, как оказалось, становятся очень огнеопасными в атмосфере, обогащенной кислородом;

- не было люка для аварийного покидания помещения;

- не было никакого эффективного противопожарного оборудования.

Аналогичные проблемы, по мнению Оберга, имели место и при пожаре на космическом корабле «Аполлон-1», который привел к гибели астронавтов Вирджила Гриссома, Эдварда Уайта и Роджера Чаффи.

Есть вопросы и по самой эвакуации пострадавшего в день трагедии весной 1961 года.

Во многих информационных источниках утверждается, что «дежурный врач (он что, был один? – С.Ч.) не смог сразу открыть герметическую дверь сурдобарокамеры из-за перепада давления -

Он погиб до полета Гагарина...

требовалось время, чтобы выровнять внутреннее и внешнее давление».

А вот в фильме о первом полете в космос («Первый рейс к звездам», Центральная студия документальных фильмов, режиссер И.Копалин, авторы сценария Г.Кублицкий и Е.Рябчиков), выпущенном еще в 1961 году, есть кадры, когда испытателя, которому стало плохо в сурдобарокамере, «опускают на землю» буквально за несколько секунд. Фильм - не фантастика, в него включены реальные кадры тренировок кандидатов в космонавты, в том числе и второй, не лидирующей группы, в которую входил и Валентин Бондаренко (есть там и кадры, на которых запечатлен сам Валентин).

Вот и космонавт Георгий Шонин вспоминал, что особенно неприятным для него и его друзей по космическому отряду оказалось «испытание с «подъемом» на пять километров, а потом с быстрым «спуском» до земли (именно на той самой СКБ-48 – С.Ч.). У некоторых космонавтов после этого «полета» были отмечены сильные головные боли».

Если это так, то почему Валентина Бондаренко не смогли быстро эвакуировать из горящей сурдобарокамеры? Почему, по свидетельству врача-хирурга Боткинской больницы Владимира Голяховского процесс эвакуации занял целых полчаса, в результате чего кандидат в космонавты получил глубокие и обширные ожоги?

Очевидно, что при проведении «отсидки» в сурдобарокамере СКБ-48 кандидата в космонавты Валентина Бондаренко имели место и плохая организация проведения всего эксперимента, и серьезные нарушения правил техники безопасности.

И ведь это не «новорожденный» научно-исследовательский институт. Он долгие годы существовал в качестве Научно-исследовательского института авиационной медицины, а в 1959 году был преобразован в Государственный научно-

Он погиб до полета Гагарина...

исследовательский испытательный институт авиационной и космической медицины Министерства обороны СССР (ГНИИИАиКМ).

А начальником этого замечательного института в 1960-1969 годах был генерал-лейтенант медицинской службы Ювеналий Михайлович Волынкин. Его характеризуют как «крупного организатора военной медицины, специалиста, хорошо знакомого с летной деятельностью, дипломированного летчика.

У генерала Волынкина было целых два (!) заместителя по научной работе: полковник медицинской службы профессор, лауреат Государственной премии Петр Кузьмич Исаков (по авиационной тематике) и полковник медицинской службы профессор, лауреат Государственной премии Владимир Иванович Яздовский (по космической тематике).

«Основные научно-исследовательские подразделения института также объединены в два Управления: 1-е - «Авиационная медицина» и 2-е - «Космическая медицина». Во Второе управление входят отделы:

- замкнутых систем круговорота веществ в кабинах космических кораблей (начальник - Е.Я.Шепелев);
- физико-химических методов регенерации воздуха (начальник - А.Д.Серяпин);
- исследования условий обитаемости космических кораблей (начальник - А.Г. Кузнецов);
- индивидуальных средств обеспечения безопасности космических полетов (начальник - С.А.Гозулов);
- космической физиологии (начальник - О.Г.Газенко);
- радиобиологических исследований (начальник - П.П.Саксонов);
- космических тренажеров (начальник - А.П.Кузьминов);

Он погиб до полета Гагарина...

- расшифровки и научного анализа радиотелеметрической информации (начальник Г.В.Алтухов)» (8.17).

Мощнейшая научно-исследовательская структура, не правда ли?

Генерал Бабийчук отмечал в своих воспоминаниях, что «всем военным руководителям и их преемникам неоднократно приходилось брать на свои плечи груз ответственности за принятие решений по вопросам, аналогов которым не было ни у них за годы предшествующей службы, ни у их предшественников на этих постах. Для участия в этой работе нередко приходилось жертвовать свободным временем, отпусками, так как считалось недопустимым, чтобы «страдала служба». Иными словами, груз ответственности за принятие правильных решений по вопросам, связанным с подготовкой первых космических полетов человека, для военных руководителей являлся дополнительным к их основным обязанностям».

Чем же конкретно занимаются все вышеозначенные товарищи?

«Коллектив ИАиКМ, руководимый полковником медицинской службы Е.Я. Шепелевым, разрабатывает системы биологической регенерации газовой среды в замкнутых объектах, осуществляет (совместно с отделом питания ИАиКМ) практическую деятельность по обеспечению пищей и водой экипажа корабля «Восток».

Научный коллектив отдела физико-химических методов регенерации атмосферы (начальник - лауреат Государственной премии СССР, полковник медицинской службы А.Д.Серяпин) работает над созданием принципиальных схем и технологий с использованием обратимых сорбентов углекислого газа, систем с утилизацией углекислоты на основе реакций Боша и Сабатье, а также бортовых методов получения кислорода путем электролиза воды.

Он погиб до полета Гагарина...

Вопросами нормирования искусственной газовой среды занимается отдел, руководимый профессором полковником медицинской службы А.Г. Кузнецовым.

Проводятся многочисленные исследования в барокамерах продолжительностью до 2 месяцев (С.Г.Жаров, Н.А.Агаджанян), в процессе которых регламентируются допустимые величины снижения барометрического давления, повышения концентрации углекислого газа, обосновывается возможность замены азота гелием (А.Г.Дианов, В.С.Кузнецов)» (8.17).

Кстати, именно на основе экспериментов в 1960-1961 годах – то есть, в годы, когда в институте проходили 10-15 суточные испытания кандидаты в космонавты из первого, «гагаринского» отряда, Н.А.Агаджанян в 1967 году защитил докторскую диссертацию по теме «Физиологическое обоснование общего давления и кислородного режима в обитаемых кабинах летательных аппаратов». Интересно, был ли упомянут на страницах этого научного труда погибший в марте 1961 года кандидат в космонавты Валентин Бондаренко?

Но это все – начальники отделов. А вот кто дежурил около сурдобарокамеры в день, когда случилась беда?

Из книг о космонавте Владимире Михайловиче Комарове известно, что во время его «отсидки» в сурдобарокамере СКБ-48 дежурным врачом был Борис Борисович Егоров – с 26 января 1961 года он работал младшим научным сотрудником 16-й лаборатории 16-го отдела 2-го управления ИАиКМ. Через три с половиной года судьба снова сведет вместе Комарова и Егорова в экипаже космического корабля «Восход».

Но из этого факта вовсе не следует, что Борис Егоров был тем самым «дежурным врачом» в день гибели Валентина Бондаренко. В дежурство около сурдобарокамеры обычно заступали на сутки, то есть в течение всей «отсидки» Валентина Бондаренко с ним работало поочередно несколько врачей-наблюдателей.

Также имеется информация, что «ответственными врачами за проведение обследований в сурдокамере, необходимыми для определения нервно-психической устойчивости человека к условиям космического полета, были врачи психологи Ф.Д.Горбов, Г.В.Изосимов, И.А.Колосов и ведущий инженер М.И.Клевцов» (8.18).

Но и этими людьми список работников дежурных смен, несших вахту около сурдобарокамеры СКБ-48 в период с 13 по 22 марта 1961 года, не исчерпывается. Вероятно, в архиве ИАиКМ, где-то в пыльных толстых папках, можно найти приказ по лаборатории с конкретными фамилиями тех, кто непосредственно был у сурдобарокамеры в день разыгравшейся трагедии.

Кстати, печальный опыт, полученный в марте 1961 года, сотрудники института все-таки учли, хотя и не в полной мере. Вернемся к воспоминаниям кандидата в космонавты Валентины Пономаревой, которые выше мы цитировали достаточно подробно. Валентина Пономарева проходила «отсидку» в сурдобарокамере в мае 1962 года, то есть более чем через два года после гибели Валентина Бондаренко. Читаем и комментируем:

1) «Вначале была сурдобарокамера с кислородной атмосферой, потом просто сурдокамера».

То есть в 1962-1963 годах, когда тренировался женский отряд космонавтов, работать в атмосфере с повышенным содержанием кислорода уже не требовалось. Почему эта необходимость существовала в 1960-1961 годах не ясно – на космическом корабле «Восток» используется обычный воздух с обычным процентным содержанием кислорода в нем, в перспективе в СССР никто не собирался создавать космические корабли с «кислородной атмосферой»;

2) «Заперли. Верней, я сама себя заперла - долго крутила здоровенный вентиль на двери, а дверь очень толстая и железная, как на подводной лодке (наверное). Да, крепко меня закрыли...»

Видимо, после трагедии в марте 1961 года появилась возможность для испытуемого

Он погиб до полета Гагарина...

самостоятельно закрывать и открывать входную дверь в сурдокамеру. И опять вопрос: почему до гибели Валентина Бондаренко никто не додумался до этого простого шага в обеспечении безопасности кандидата в космонавты?

3) «Справа и слева над столом - объективы телекамер, впереди - иллюминатор. Только почему-то они в этот иллюминатор меня видели, а я их - нет! Было окошко, скорее, небольшой лючок, через который можно было что-то передать в случае необходимости. Через этот лючок ко мне поступали чай - горячий! - и горячие эмоции.

Скорее всего, и телекамеры системы наблюдения, и маленький люк для обмена с внешней средой появились в сурдобарокамере тоже уже после гибели Валентина Бондаренко в марте 1961 года. Напомним, что до этого продукты разогревались в кастрюле с водой на электроплитке, а чай приготавливался самим космонавтом в чайнике. Почему понадобилась гибель кандидата в космонавты, чтобы понять, что при экспериментах в сурдобарокамере нужна постоянно работающая система теленаблюдения и вполне можно обойтись без электроплиты, которой во время орбитального полета на корабле «Восток» точно не будет?

4) «Интересно, а как будет с туалетом? Стоит в углу, прошу прощения, параша, правда, в очень цивилизованном и пристойном виде. Но все равно - параша. И никакого закутка, ни ширмочки, спрятаться некуда, разве что под стол залезть... А я совсем забыла спросить, как подать сигнал «туалет», а они забыли, наверное, мне сказать. Передо мной тут всякие кнопочки и тумблерчики, но все «при деле». Только одна непонятная – «Латр. на 60».

Хорошее свидетельство сохранившегося несмотря на трагедию в марте 1961 года недостаточного уровня организационно-методической подготовки испытателей к тестам в сурдокамере: кандидат в

космонавты готовится без выхода наружу провести внутри закрытого помещения десять суток, а ему толком не рассказали, как пользоваться туалетом, и для чего предназначены некоторые «кнопочки и тумблерчики»;

5) «Случилось два Непредвиденных События - вчера сломался проводник от энцефалограммы, сегодня - стеклянная трубка от «дыхания». Когда обнаружила, что запчастей нет, первое движение было - сообщить «на Землю». А на фанерке написано – «Вызов производится в исключительном случае». Вот и сидела я грустно, и решала проблему - исключительный это случай или нет? Решила, что нет, и принялась чинить. Ничего, справилась. Запишут мне где-нибудь плюстик за эти подвиги?»

И опять вопрос: почему у испытателя нет инструкции, какие случаи и какие неисправности оборудования допускают экстренную связь с наблюдателями за экспериментом?

6) «Не знаю, кто сегодня в той комнате, и от этого немножко неуютно - у разных смен разные почерки. Сегодня забыла сообщить, что проснулась, а сразу зажгла «Латр. на 60», так они, вредные, не почесались, пока я не сделала все по порядку. Как будто не ясно - раз я что-то зажигаю, значит, проснулась! В общем, я была сконфужена».

Тоже хороший вопрос: если испытуемый в сурдобарокамере вдруг начнет вести себя «нестандартно», дежурная смена тоже будет молча ожидать от него адекватной реакции? Или в данном случае все вообще много проще: вопреки всем правилам и инструкциям дежурная смена просто проспала пробуждение испытуемого?

7) «Чрезвычайное происшествие! Мой большой друг Миша прислал записку! Трудно передать, как я обрадовалась».

А дело вот в чем: передала в отчетном сообщении, что траектория моего полета искривилась, а они испугались и решили, что что-то не в порядке. Ну,

как они не понимают, я же лечу к Эридану! Мало ли что может в пути случиться! А если все благополучно и ничего не происходит, то зачем тогда и лететь! Теперь и не знаю, лететь ли мне дальше - вдруг сочтут мою шутку за сдвиги в психике?»

Вот этот факт тоже свидетельствует, что нет четко определенной терминологии в общении между наблюдателями за экспериментом и испытуемым: шутку едва не приняли за сигнал тревоги;

8) «Сегодня мне плохо, состояние совершенно угнетенное. Сажу неподвижно в кресле, в камере гробовое молчание. Не знаю, в чем дело. Неужели меня сбила с панталыку моя нелепая выдумка с Эриданом и их реакция? Немного же мне надо...»

Это еще один пример, что схема общения между испытуемым и дежурной сменой продумано не до конца: простое молчание наблюдателей вызывает у испытуемого серьезный психологический дискомфорт. Можно, конечно, сослаться на то, что именно испытания должны выявить степень устойчивости испытуемого к дискомфортным состояниям, но зачем искусственно создавать двусмысленные ситуации?

Из приведенного выше анализа видно, что эксперимент в сурдобарокамере после гибели Валентина Бондаренко в техническом плане был явно усовершенствован, но организационно-методические недостатки по-прежнему продолжали существовать.

(Казалось бы, отношения по линии «дежурная смена – испытуемый» - пустяк, сушая мелочь. Но восприятие даже таких казалось бы «мелочей» человеком, находящимся в сурдобарокамере обострено до крайности. Владимир Иванович Лебедев в своей книге «Личность в экстремальных условиях» приводит следующий пример:

«В создании подобной логически стройной, устойчивой системы представлений и суждений, исходя из которой испытуемые ориентируются и строят свое поведение в эксперименте, большое значение имеет

аффективность. Психологи на большом экспериментальном материале убедительно показали теснейшую связь мышления с эмоциями.

Весьма отчетливо проявилась эта связь в наших исследованиях у космонавта К. в условиях сурдокамеры. На десятый день испытаний, который приходился на воскресенье, К. имел разговор через радиопереговорное устройство с Сергеем Павловичем Королевым. В этот день в Звездном городке праздновали свадьбу одного из космонавтов, на которую был приглашен Королев. О намечавшейся свадьбе К. ничего не знал. По условиям эксперимента передача какой-либо информации в сурдокамеру была запрещена. Сергей Павлович, узнав, что один из космонавтов находится в сурдокамере, пришел к стенду. Начальник Центра подготовки космонавтов, включив переговорное устройство, сообщил космонавту К., что с ним хочет беседовать Главный конструктор. К. ответил, что готов к этому, но предпочел бы вести разговор не из сурдокамеры. С. П. Королев поздравил его с успешным проведением эксперимента и пожелал благополучного окончания опыта. К. поблагодарил Сергея Павловича за поздравление.

Информация, полученная К. в сурдокамере, сама по себе не содержала ложных данных, но была истолкована им ошибочно. В своем докладе после эксперимента К. рассказывал: «Разговор навел меня на такие мысли. Во-первых, воскресенье; во-вторых, вечер, и вдруг в аппаратной сурдокамеры оказывается Главный конструктор Королев. Когда начался разговор, я решил, что уже все - меня выпустят. Затем появилась другая мысль: «Значит, меня незачем выпускать. Просто показывают. А зачем он здесь?» Изоляция привела меня к странным домыслам. Я решил, что, видимо, дано какое-нибудь срочное задание на срочный внеочередной полет, если даже в воскресенье вечером Королев здесь находится и обсуждает этот вопрос. Появилась мысль о возможности личного участия в предстоящем полете».

Он погиб до полета Гагарина...

Неправильно интерпретированная информация вызвала эмоциональное возбуждение космонавта, продолжавшееся до конца эксперимента и отразившееся на глубине сна. Неосведомленность об обстоятельствах жизни в Звездном городке и случайное совпадение (разговор с Королевым в вечерние часы выходного дня) привели испытуемого к умозаключению наиболее субъективно-вероятному, тесно связанному с его личностной устремленностью и профессиональными интересами» (8.19).

Однако прошло чуть более двух лет после мартовской трагедии 1961 года, и в стенах ИАиКМ появилось новое научно-исследовательское оборудование:

«Параллельно с проведением указанных экспериментов была изготовлена, смонтирована, прошла пробные испытания со штатными испытателями и в мае 1963 года вступила в строй специально сконструированная уникальная сурдокамера, соответствовавшая всем требованиям исследователей того времени. Ведущий инженер монтажа и испытаний М.И.Клевцов был непосредственным участником всех предыдущих экспериментов с изоляцией, что позволило в полной мере учесть их опыт. Камера имеет объем двадцать кубических метров и состоит из трех отсеков: рабочего, бытового и санузла. В рабочем помещении смонтированы пульта́ты испытуемых, позволяющие работать как одному, так и одновременно двум-трем человекам, шесть приемных камер телевизионной установки для наблюдения за испытуемыми, фотофоностимулятор для подачи световых и звуковых раздражений. В бытовом помещении находится кухонный стол с духовым шкафом, в который вмонтирована электроплитка для подогрева воды и пищи. Пищевые продукты хранятся в «кладовой», а скоропортящиеся - в холодильнике. Для сна и отдыха имеются диван-кровать и два раскладывающихся кресла. Смонтированная под кроватью и креслом

Он погиб до полета Гагарина...

колодка с набором клемм позволяет производить запись физиологических функций во время сна. Для непрерывного наблюдения за испытуемым в бытовом помещении имеются две приемные телекамеры. В помещении санузла предусмотрено все необходимое как для поддержания личной гигиены испытуемых в течение длительного времени (горячая и холодная вода, душевая установка), так и для отправления физиологических потребностей.

Поддержание на заданном уровне парциального давления кислорода и углекислоты, температуры и влажности обеспечивается автоматической системой вентиляции и охлаждения воздуха. Иллюминаторы с односторонней видимостью обеспечивают визуальное наблюдение за состоянием испытуемых в любое время суток. На случай аварийных условий предусмотрено автоматическое открывание дверей сурдокамеры с помощью пневмосистемы за десятые доли секунды» (8.20).

Где же вы были за два года до этого со своими новаторскими идеями и их техническим воплощением, товарищи военные врачи и инженеры?

И еще обращает на себя внимание вот эта фраза из приведенной выше цитаты:

«Ведущий инженер монтажа и испытаний М.И.Клевцов был непосредственным участником всех предыдущих экспериментов с изоляцией».

Значит ли это, что Михаил Иванович Клевцов лично участвовал и в том эксперименте, в котором погиб Валентин Бондаренко? Вполне вероятно. Но вовсе не факт, что именно он дежурил в день гибели кандидата в космонавты – как мы уже писали выше, смены дежурных операторов менялись ежесуточно.

А вообще Михаил Иванович Клевцов – любопытнейшая личность. И не зря о нем написал статью известный исследователь истории космонавтики Александр Железняков (8.21).

Он погиб до полета Гагарина...

Михаил Иванович Клевцов родился 21 октября 1929 года. После окончания школы поступил на факультет электрификации сельского хозяйства Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Москве, но был отчислен за двойку по физике уже с первого курса. Восстановился в академии и очень скоро перебрался из числа отстающих в категорию отличников. Спустя два года он круто изменил свою жизнь и перевелся из Тимирязевской академии в Рижское высшее военно-командное училище, которое впоследствии окончил с отличием.

С 1960 года Михаил Клевцов служил в Институте авиационной и космической медицины, где прошел путь от младшего научного сотрудника до главного инженера.

Начало службы Михаила в Институте авиационной и космической медицины совпало по времени с началом подготовки первого («гагаринского») отряда советских космонавтов. Михаил Иванович много работал с будущими космонавтами, тренировал их на невесомость на Чкаловском аэродроме в Подмосковье. Им также была сконструирована и под его руководством смонтирована «сурдобарокамера» - один из основных элементов предполетной подготовки.

«Условия пребывания космонавтов в космосе, значительно отличавшиеся от земных, поставили перед специалистами ряд важных задач, среди которых не последнее место занимали возможности человека по использованию в космическом полете привычных предметов, таких как карандаш, ручка, шахматы. Одним из первых исследователей, занимавшихся этими вопросами, был Клевцов.

Необходимость делать записи во время полета стояла перед космонавтами, начиная с первого полета. Обилие впечатлений, с которыми сталкивается человек, оказавшийся в необычных для себя условиях, столь велико, что нельзя положиться лишь на память. Гораздо полезнее зафиксировать то, что неподвластно

Он погиб до полета Гагарина...

приборам, а находится в психологической сфере, на бумаге.

Клевцовым была разработана космическая шариковая ручка, в которой специальная паста подавалась к пишущему шартику под давлением в 3 атмосферы при помощи поршня, вмонтированного внутрь герметического стержня» (8.21).

Кроме того, он сконструировал шахматы для игры в невесомости. Клевцов так закрепил на доске пластмассовые фигурки, чтоб передвигались они по специальным пазам. И в июне 1970-го состоялся уникальный матч «Космос – Земля». Экипажу корабля «Союз-9» Андрияну Николаеву и Виталию Севастьянову противостояли в Центре управления полетами их коллега-космонавт Виктор Горбатко и руководитель подготовки космонавтов Николай Каманин. Партия длилась около шести часов. Корабль за это время совершил четыре оборота вокруг Земли, с 141-го по 144-й виток. Первый ход был сделан из космоса, а дальше все развивалось как в обычной шахматной партии. Дважды ее пришлось прерывать для «домашнего анализа» на то время, когда корабль находился вне зоны радиовидимости с территории Советского Союза. А завершилось все, как и следовало ожидать, боевой ничьей на 35-м ходу. История получила продолжение годы спустя. Севастьянов, покинув отряд космонавтов, стал председателем шахматной федерации СССР. А Клевцову вручили медаль «За успехи в народном хозяйстве».

«Михаил Клевцов также является одним из основоположников отечественной электронной хронорефлексометрии (зрительно-моторная реакция). По этой проблеме им написаны более 60 работ, в том числе три монографии, а в 1965 году присвоена ученая степень «кандидат биологических наук».

В 1973 году Михаилом Клевцовым была написана книга «Раскрытие тайн мироустройства». Любопытен отзыв, который дал работе Клевцова известный ученый

Он погиб до полета Гагарина...

в области радиолокации академик Аксель Иванович Берг: «Вы подошли, казалось бы, к известным вещам совсем с другой стороны. Но вас академики не поймут». Эти слова во многом предопределили судьбу книги. Она увидела свет лишь в 1995 году, а ее содержание еще ждет своего осмысления.

«Не менее интересна и еще одна книга Михаила Клевцова «Похищение света», которую он охарактеризовал как научно-фантастический детектив. Когда Михаил Иванович закончил работу над повестью, он даже испугался - а вдруг кто-нибудь попытается действительно создать «излучатель темноты»? У вдовы ученого до сих пор хранятся отзывы из Правительства и института Министерства обороны, где дается разрешение на печать произведения. Основной вывод, который сделали эксперты: «Технической возможности создать «антилампочку» в настоящее время нет» (8.21).

Скончался Михаил Иванович Клевцов 6 июня 2001 года, прожив достойную жизнь изобретателя и творческого человека.

Однако вернемся к рассмотрению версий гибели кандидата в космонавты Валентина Васильевича Бондаренко. Конечно, нельзя полностью исключать и его собственную вину в происшедшей трагедии. Ведь испытание в сурдобарокамере только кажется простым – сел, мол, и сидишь десять-пятнадцать суток. На деле же это «просто сидение» - сложнейшее испытание для психики человека.

Есть в экспозиции Смоленского областного государственного учреждения культуры «Объединенный мемориальный музей имени Ю.А.Гагарина» (Музей «Первого полета человека в космос») в городе Гагарине Смоленской области Российской Федерации документ, о котором мы уже упоминали выше, – в нем перечислены кандидаты в космонавты и сроки их «отсидок» в сурдобарокамере. Перечислены и условия проведения экспериментов: «о» - обычные (деятельность испытателя днем, сон - ночью) и «с» - сдвинутый

Он погиб до полета Гагарина...

(деятельность в ночное время, сон с 14 до 23 часов). Например, Валерий Быковский, Борис Волинов, Павел Попович и Алексей Леонов прошли испытания в обычном режиме, а Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев, Георгий Шонин, Григорий Нелюбов, Владимир Комаров, Марс Рафиков и Павел Беляев – в сдвинутом. А напротив имени и фамилии кандидата в космонавты Валентина Бондаренко – пометка «с/д?». Что такое это «с» - понятно, это сдвинутый режим, спишь днем, работаешь ночью. А что такое «д»? Это еще один режим испытаний – дробный, при котором кандидат в космонавты работает в сурдобарокамере с многократным чередованием периодов сна и бодрствования в течение суток. Если судить исходя из рассматриваемого документа, Валентин Бондаренко был первым из кандидатов в космонавты, в отношении которого был выбран не просто сдвинутый, но одновременно еще и дробный режим работы. Что, разумеется, могло привести к десяткам суткам эксперимента к значительной усталости кандидата в космонавты.

В этом документе есть еще одна весьма интересная загадка. Напротив фамилий каждого из участвовавших в «отсидке» в СКБ-48 кандидатов в космонавты указано наличие соответствующих экспериментальных материалов по результатам работ: дневников, которые вели испытуемые во время нахождения в сурдобарокамере, журнала дежурной бригады, графиков черно-красной числовой экспериментальной таблицы, графиков суточных мероприятий, фотографий обработки физиологических данных, записей электрокардиограмм. А вот напротив фамилии Валентина Бондаренко значится прочерк. Что, во время его «отсидки» не было получено никаких экспериментальных материалов? Нет, даже по видеофильмам и фотографиям, которые имеются в сети интернет, очевидно, что, по крайней мере, дневник своего пребывания в СКБ-48 кандидат в космонавты

Он погиб до полета Гагарина...

Валентин Бондаренко вел. Видимо, должны быть и другие материалы. Вполне возможно, что в свое время они были изъяты для изучения комиссией по расследования происшедшей трагедии во главе с генералом Александром Бабийчуком. Но почему же не возвращены обратно? Может быть, в тех экспериментальных материалах было нечто, что кое-кому из организаторов эксперимента очень хотелось бы скрыть?

Раздражение и усталость действительно могли стать причиной роковых ошибок Валентина Бондаренко в тот мартовский день. Однако точно узнать, что на самом деле случилось внутри сурдобарокамеры примерно в полдень 22 марта 1961 года, увы, уже не представляется возможным.

А обе главные версии – и официальная (из доклада генерал-майора Александра Бабийчука), и самая распространенная (из статей журналиста Ярослава Голованова) – базируются только на информации о событии, полученной от сотрудников Института авиационной и космической медицины. Насколько полна эта информация? Можно ли ей полностью доверять? Не являются ли вымыслом некоторые «общеизвестные факты» о гибели Валентина Бондаренко – вымыслом, чтобы прикрыть чью-то неорганизованность и халатность? На эти вопросы нет точных ответов.

Ну, и раз уж обе версии базируются на рассказах сотрудников Института авиационной и космической медицины, то позволим себе привести еще один рассказ тоже сотрудника ИАиКМ – Сергея Павловича Нефедова.

Кто такой этот Сергей Нефедов? Можно ли верить его словам?

Сергей Нефедов родился 18 сентября 1939 года в селе Верхняя Часовня Чердаклинского района Ульяновской области. До призыва на воинскую службу в 1958 году около трех лет работал на шахтах Донбасса (!!! – С.Ч.). С декабря 1960 по ноябрь 1961 года проходил срочную службу в в/ч 64688 в группе штатных

Он погиб до полета Гагарина...

испытателей Института авиационной и космической медицины. Во время испытаний переносил перегрузки, аналогичные тем, которые возникают при входе космического корабля в атмосферу Земли при баллистическом спуске, то есть его «раскручивали» на центрифуге до двенадцатикратной перегрузки. Также Сергей Нефедов принимал участие в отработке ситуации взрывной декомпрессии при внезапной разгерметизации космического корабля в вакууме.

В начале 1961 года более десяти суток провел в сурдобарокамере. Во время этого эксперимента максимально создавалась ситуация реального полёта - ограниченное пространство кабины, гипокинезия (малая подвижность), обед из туб, рев двигателей при старте, проблемы с отправлением естественных надобностей и т.д. Позднее, имитируя условия полета в кабине первого космического корабля, в макете корабля «Восток» находился позе «эмбриона» сначала пять суток, потом пятнадцать суток, при этом семь суток провел при имитации разгерметизации кабины корабля. За подготовку первого полета человека в космос в 1961 году награжден орденом Красной Звезды – вместе с кандидатами в космонавты из первого космического отряда.

В конце 1961 года решил остаться на сверхсрочную службу и до конца 1968 года принимал участие в различных испытаниях. Только в 1968 году участвовал в 29 испытаниях. Всего за время службы в ИАКМ провел около 150 испытаний, из них в 22 особо опасных. В 1973 году окончил Московский авиационный институт (МАИ).

Итак, рассказ Сергея Нефедова:

«У американцев корабль «Меркурий» был на кислороде, а наш корабль «Восток» - на нормальной земной атмосфере. Но нашим нужно было знать, что произойдет, если в корабле будет чистый кислород. У Валентина Бондаренко была тренировка - отсидеть десять суток в сурдобарокамере на высоте пять тысяч

Он погиб до полета Гагарина...

метров (то есть в СКБ-48 имитировали давление, которое бывает на высоте 5 тысяч километров над уровнем моря – С.Ч.) при атмосфере, где семьдесят процентов кислорода. Не самое сложное задание.

Погиб он по недосмотру инженеров. У нас положено - возле барокамеры сидят дежурный врач, дежурный инженер-механик, а лаборантка постоянно в иллюминатор смотрит и записывает в журнале, что делает испытатель.

В тот момент дежурный механик отлучился, на обед пошел, перекусить. И Валентин тоже собирался поесть, плитку электрическую включил, чтобы что-то себе разогреть.

Тут врач просит его подготовиться к записи кардиограммы, надеть на себя датчики.

Валентин берет ватку, смоченную в физиологическом растворе со спиртом, протирает себя и роняет эту ватку на плитку. Та вспыхивает. Вспыхивает все. В атмосфере, насыщенной кислородом, даже металл горел!

Там у него была кошма, чтобы пламя сбить. Но как сбить, если и она сама пропиталась кислородом, горит?

Мечется врач, мечется лаборантка, а камеру открыть не могут. Они не знают, где нажать надо сброс давления.

Спасти Валентина можно было, если бы рядом находился механик, который бы сбросил давление внутри барокамеры. А его не было...

В тот день и мой эксперимент прервали «по техническим причинам».

Сергей Нефедов оказался в тот роковой день в самой гуще событий. Поэтому его рассказу можно верить.

Заметим, что в рассказе испытателя Нефедова нет ни слова о том, что Валентин Бондаренко вовремя не подал сигнал пожарной тревоги на пульт, нет и слов, которые приписывались пострадавшему кандидату в космонавты: «Я сам виноват, никого не вините...»

Он погиб до полета Гагарина...

Зато из этого рассказа следует, что гибель Валентина Бондаренко стала не столько результатом его собственных ошибок, сколько следствием вопиющих нарушений правил техники безопасности теми, кто планировал эксперимент и следил за ходом его выполнения. Единственное, в чем можно «обвинить» Валентина Бондаренко, - это в том, что он по неосторожности уронил проспиртованную ватку на включенную электроплитку. Но ронял ли Валентин эту пресловутую ватку в действительности? Не возникла ли эта ватка в ходе расследования, чтобы просто прикрыть чью-то преступную халатность? Эти вопросы остаются открытыми до сих пор.

А то, что нарушения правил техники безопасности теми, кто планировал эксперимент и следил за ходом его выполнения, имели место очевидно.

Во-первых, в насыщенной кислородом атмосфере недопустимо использование электроплитки. А значит, руководители эксперимента должны были обеспечить иные возможности для подогрева пищи кандидатом в космонавты во время его «отсидки» в барокамере.

Во-вторых, дежурная смена была не готова к действиям в аварийной ситуации. Врач и лаборант не были подготовлены для условий аварийной эвакуации испытателя из сурдобарокамеры.

В-третьих, работа дежурной смены была организована неправильно, поскольку допускались отлучки операторов (в данном случае – инженера-механика) с объекта испытаний без соответствующей равноценной замены.

В-четвертых, дежурный врач допустил ошибку, решив совместить подготовку к обеду (при включенной электроплитке) кандидатом в космонавты с проведением медицинских процедур. Роковая неосторожность Валентина Бондаренко привела к трагедии.

В-пятых, в институте при проведении опасных экспериментов отсутствовала штатная аварийная команда спасателей, которая могла бы немедленно

Он погиб до полета Гагарина...

прийти на помощь, если бы дежурный врач или испытатель подали тревожный сигнал.

Фактически к такому же выводу пришел и генерал Николай Каманин в своих дневниках:

«23 марта (1961 года – С.Ч.).

Причина возникновения пожара пока неизвестна, вероятнее всего, она кроется в плохой организации дежурства и контроля за ходом испытаний.

21 апреля (1961 года – С.Ч.).

...Бондаренко погиб из-за сильных ожогов. Его гибель вскрыла серьезные недостатки в организации испытаний в Институте авиационной и космической медицины» (8.10).

Казалось бы, все ясно: имели место серьезные нарушения техники безопасности при тренировках кандидатов в космонавты. Видимо, чтобы скрыть эту халатность организаторов эксперимента, весьма обтекаемо был сформулирован итоговый доклад генерал-майора Александра Бабийчука по результатам расследования. А версия журналиста Ярослава Голованова окончательно «перевела стрелку» на самого пострадавшего – старшего лейтенанта Валентина Бондаренко.

В откровенном рассказе испытателя Сергея Павловича Нефедова вызывает интерес и вот эта фраза:

«У американцев корабль «Меркурий» был на кислороде, а наш корабль «Восток» - на нормальной земной атмосфере. Но нашим нужно было знать, что произойдет, если в корабле будет чистый кислород».

А кто такие эти «наши», которым нужно было знать, как себя будет вести космонавт, если его космический корабль заполнен чистым кислородом? Может быть, с просьбой провести такие испытания к военным медикам обратился Главный конструктор космических кораблей Сергей Павлович Королев? Нет, ни в 1961-м, ни в последующие годы советские конструкторы не собирались использовать насыщенные

Он погиб до полета Гагарина...

кислородом атмосферы для штатной эксплуатации перспективных космических кораблей.

Тогда кто же давал задания военным медикам проводить опасные эксперименты над кандидатами в космонавты?

Вспоминает Василий Лесников – испытатель космической техники, писатель, исследователь истории космонавтики:

«Начальником Центра подготовки космонавтов был назначен врач, полковник Карпов Е.А. Сам Центр организационно подчинили Государственному научно-исследовательскому институту авиационной и космической медицины. Специалисты института видели в космонавтах объекты широчайших практических исследований... И как следствие многочисленные защиты степеней и получение научных званий. Создание космических кораблей и управление ими медиков практически не интересовало» (8.22).

В итоге кандидаты в космонавты выдержали сотни испытаний на различных испытательных агрегатах. Как выяснилось позже, ничего, кроме вреда здоровью, многие из этих испытаний не приносили.

Дополнительные штрихи к тому, как, почему и зачем появлялись кандидатские и докторские диссертации в области медицины на рубеже 50-х и 60-х годов минувшего века, добавляет и врач Владимир Голяховский в своих воспоминаниях «Путь хирурга. Полвека в СССР»:

«В советском обществе отношение к науке было поставлено вверх ногами: средств на науку выделяли мало, но ученым платили повышенную зарплату. Естественно, на эту приманку кинулись тысячи посредственностей, они писали и защищали тысячи никому не нужных диссертаций. Создалась армия бесталанных псевдоученых. Их принцип был: за деньги можно сделать все, любую диссертацию-пустышку. Но это не была наука. Настоящая наука не продается, она завоевывается кровью и потом талантов.

Он погиб до полета Гагарина...

Все это не значит, что советские люди были бесталанные. Были среди них тысячи ярких умов, и некоторым даже удавалось создавать нечто ценное. Но вся их работа шла под нажимом идеологии, ими руководили бездарности с красными книжками коммунистов в карманах, и они, по своему скудоумию, чаще давали дорогу таким же бездарностям.

Медицина - это и наука, и ремесло, и искусство. В советской медицинской науке отражались все отрицательные стороны советского подхода. Начиная с 1950-х годов шла эпидемия защиты медицинских диссертаций, потому что за них платили. Были кандидатская и докторская надбавки к мизерной врачебной зарплате. Ну и, конечно, научная степень позволяла занять место с более высокой зарплатой» (8.13).

Как тут не использовать возможность отличиться на новом направлении в науке – в космической медицине?

Алексей Архипович Леонов, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, вспоминал:

«Много врачей бросилась проводить серьезные научные эксперименты на живом материале».

С эти согласен и коллега Леонова дважды Герой Советского Союза Виктор Васильевич Горбатко:

«Подопытные кролики - иногда нас называли так! Было такое!» (8.6).

Почему же кандидаты в космонавты не возмутились? Почему не протестовали? Не отказались от опасных экспериментов?

Тогда, в начале 60-х, никто еще толком не знал, как готовить космонавтов, какие тренировки важны, а без каких можно вполне обойтись. Например, кандидатов в космонавты подолгу крутили внутри кабины-ротора, имитируя движение чуть ли не в шести степенях свободы. Потом стало ясно, что такие эксперименты для реальных полетов не требуются и вообще вредны для здоровья будущих покорителей космоса. А вот

Он погиб до полета Гагарина...

серьезные вестибулярные тренировки в первоначальную программу подготовки к космическим полетам не входили. И только после суточного полета в августе 1961 года Германа Титова стало ясно, что невесомость серьезно влияет на вестибулярный аппарат человека, и будущих космонавтов нужно усиленно тренировать на вестибулярные нагрузки.

Ну и был еще один фактор, - чисто человеческий, - который заставлял кандидатов в космонавты быть «послушными мальчиками». Вспоминает Алексей Леонов:

«Мы (кандидаты в космонавты – С.Ч.) находились (в начале 60-х – С.Ч.) в режиме бесправного человека. То есть позволяли всё делать, что нужно врачам. И никаких капризов здесь не должно быть. Поссориться с врачами – это, считайте, что загублен был (для полета в космос – С.Ч.) (8.7).

Они, эти молодые летчики, просто очень хотели полететь в космос, посмотреть на нашу Землю с орбиты. Это стало их заветной мечтой. И ради воплощения в жизнь этой мечты, они согласны были вытерпеть все, что угодно...

В одной из книг по истории советской космической медицины есть такие строки:

«Трагедия (с Валентином Бондаренко – С.Ч.) тяжело переживалась сотрудниками ГНИИИАиКМ и ЦПК, которые, тем не менее, чувствовали и свою причастность к несчастному случаю: ведь стопроцентной необходимости в проведении подобного вида тренировок не было, и они были исключены из тренировочных испытаний» (8.23).

Следовательно, полная картина происшествия весной 1961 года выглядит следующим образом. Новорожденная космическая медицина привлекла к себе массу людей, которые хотели защитить кандидатские и докторские диссертации по темам, попадающим в сферу нового направления в науке. Используя факт обязательной тренировки кандидатов в космонавты в

Он погиб до полета Гагарина...

сурдобарокамере, к обычным испытаниям в условиях безмолвия и одиночества «довесили» еще и испытания в воздушных средах с различным содержанием кислорода. Поскольку хорошо продуманных методик проведения этих «добавочных» испытаний не было, имели место многочисленные факты грубейшего нарушения техники безопасности при проведении работ.

Согласитесь, эту картину случившейся в марте 1961 года трагедии можно назвать только одним словом – преступление...

Как мы уже писали выше, уголовные дела по факту гибели кандидата в космонавты старшего лейтенанта Валентина Васильевича Бондаренко не возбуждались. Возможно, виновники происшедшей трагедии были наказаны в административном порядке. Им, например, могли объявить устный выговор. Или на месяц лишить премиальной доплаты к заработной плате.

Глава 9. Вечный полет

О Валентине Васильевиче Бондаренко Советская власть постаралась забыть как можно скорее. Его имя не значилось ни в одной книге о советской космонавтике. О трагедии, случившейся в марте 1961 года, никто вообще даже не заикался. Зачем нужно это черное пятно на сияющем блеском триумфальном мундире советской космонавтики?

Это уже потом, в годы «перестройки», имя и фамилия Валентина Бондаренко были рассекречены, и человечество смогло воздать по заслугам одному из пионеров пилотируемой космонавтики. Спустя четверть века после своей гибели Валентин Бондаренко все-таки «вышел в космос»: его именем был назван крупный кратер на Луне, расположенный по соседству с кратерами имени теоретика космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского и первопроходца Вселенной Юрия Алексеевича Гагарина. Кратер можно увидеть даже в совсем небольшой телескоп. Диаметр кратера имени Валентина Васильевича Бондаренко составляет около тридцати километров. Его центр имеет координаты: 17,8° северной широты и 136,3° восточной долготы Луны.

Однако имя Валентина - опять же из-за пресловутой секретности - так и не попало на Луну во время полетов американских космических кораблей «Аполлон» в 1969-1972 годах. Уже известный нам исследователь истории космонавтики Джеймс Оберг писал:

«Как это ни парадоксально, но воспевающие героев Советы отрицали существование, по крайней мере, одного настоящего героя космической эры - Валентина Бондаренко. Его трагическая смерть в 1961 году скрывалась четверть столетия. Тем временем, астронавты корабля «Аполлон-15» оставили в 1971 году на Луне мемориальную табличку в честь погибших космических героев, американских и советских. Имени

Он погиб до полета Гагарина...

Бондаренко там нет, а оно должно было там быть. Сколько еще имен отсутствует на этой табличке, остается неизвестным».

В наше время имя Валентина Васильевича Бондаренко внесено и в список погибших космонавтов и астронавтов на мысе Канаверал в США - в том месте, где находятся стартовые площадки «Сатурнов», «Шаттлов» и с которого завтра в космос отправятся новые космические корабли к Луне и Марсу.

Посвященные Валентину Бондаренко стенды есть в экспозициях музеев Харьковщины, в Харьковском планетарии. А в музее, расположенном в городе Гагарин Смоленской области Российской Федерации, на малой родине первого в мире человека, полетевшего в космос, с 2011 года посетители могут увидеть «ту самую» сурдобарокамеру, в которой погиб Валентин Бондаренко в марте 1961 года. И все экскурсоводы музея во время экскурсий обязательно рассказывают о трагической гибели Валентина.

Совсем недавно, в июле 2013 года, имя Валентина Васильевича Бондаренко было присвоено специализированной школе 1-3 ступени №93 города Харькова – именно эту школу Валя окончил в далеком уже 1954 году. Открыта и мемориальная доска при входе в школьное здание. Есть намерение открыть и школьный музей, посвященный памяти Валентина Бондаренко, и руководство школы надеется, что такой музей станет достопримечательностью не только всего города и Харьковской области, но и Украины в целом.

А вот в соседнем с Харьковом Луганске о Валентине Бондаренко многие и до сих пор не знают. В 1990 году училище, в котором Валентин учился с 1954 по 1955 год, было переименовано из Ворошиловградского в Луганское, поскольку и сам город вернул себе историческое имя. Увы, но последний выпуск офицеров ЛВВАУШ произвело в 1996 году, а 16 июля 1997 года оно было официально ликвидировано.

Он погиб до полета Гагарина...

В середине 90-х благодаря деятельности директора Луганского авиационного ремонтного завода полковника Алексея Ивановича Мостового в Луганске был создан один из лучших в Украине авиационно-технический музей. Сначала в экспонаты музея перешел парк списанных самолётов, который располагался ранее за казармами авиационного училища. Потом музей пополнился и другими машинами. Среди экспонатов можно было увидеть самолёты Ан-14, Бе-12, Ил-38, Ту-16, Ту-142, Ил-76 и другие машины. В 2011 году при музее был торжественно открыт зал космонавтики.

А потом на Луганщину пришла война...

Когда совсем рядом рвутся снаряды «градов» и грохочет артиллерия, когда гибнут мирные люди – уже не до исторической памяти. Может быть, поэтому и появляются в интернете фальшивые «луганские космонавты» и всякие прочие псевдогерои.

Но люди, простые люди, по-прежнему помнят Валентина Бондаренко. Его сослуживец Алексей Андреевич несколько лет назад прислал городским властям Харькова трогательное письмо, в котором есть такие строки:

«Я с ним (с Валентином Васильевичем Бондаренко – С.Ч.) был в одном экипаже, начиная с Харьковского аэроклуба. Типы самолетов разные, но мы оставались в одном экипаже. В 1957 году наши пути разошлись. Осталась память в фотографиях, я был единственным фотографом. В 2012 году 16 февраля исполнилось семьдесят пять лет со дня рождения Бондаренко Валентина Васильевича. Хочу с этих фотографий сделать копии и подарить нашему Харьковскому аэроклубу».

...А что же семья Валентина Васильевича? Его отец Василий Григорьевич работал на меховой фабрике, а затем в горисполкоме города Харькова. Вышел на пенсию, умер в 1993 году.

Мать Ольга Ивановна тоже продолжала работать на меховой фабрике и умерла в 1967 году.

Он погиб до полета Гагарина...

Увы, уже ушел из жизни Анатолий Васильевич Бондаренко – старший брат Валентина, который работал инженером-нормировщиком в Харьковском филиале Опытно-конструкторского бюро автоматики.

Вдова Валентина Бондаренко, Анна Семеновна, работала медработником.

Сын героя Александр Валентинович Бондаренко пошел по стопам отцам и связал свою долю с армией. Он стал военным летчиком, а потом работал инженером второго управления Центра подготовки космонавтов в Звездном городке. Александр Валентинович передал некоторые личные вещи отца в Музей космонавтики. Теперь среди экспонатов музея наличествуют орден Красной Звезды, фотографии Валентина Бондаренко, диплом об окончании военного училища, страницы из личного дела. Своего сына Александр Валентинович Бондаренко назвал в честь деда – Валентином.

Не забывают о Валентине Бондаренко и пишущие о космонавтике литераторы. Его имя можно встретить на страницах книг Александра Железнякова, Василия Лесникова, Антона Первушина и многих других авторов. О Валентине часто пишут газеты и журналы, часто привязывая его имя к тем или иным событиям в истории космонавтики. Так, к примеру, не столь давно в популярном издании «Новости космонавтики» появилась публикация, в которой, в частности, утверждалось:

«С памятью В.Бондаренко связаны две печальные исторические аналогии. Валентин прибыл в отряд из прославленного 43-го Севастопольского авиационного полка. Через три года из этого же полка прибыл на подготовку Георгий Тимофеевич Добровольский. На заре космической эры полк дал стране двух героев, которых постигла одинаковая судьба - трагическая гибель за дело освоения космоса. И второе. Ровно через 40 лет после гибели Валентина Бондаренко, 23 марта, день в день, погибла наша национальная гордость - ОС «Мир».

Он погиб до полета Гагарина...

Не забывают о Валентине и писатели-фантасты, стараясь так или иначе спасти его от гибели. Так, к примеру, в 2016 году увидела свет книга Георгия Беса «Я – Гагарин», в которой главный герой неким образом перемещается в тело первопроходца Вселенной Юрия Гагарина:

«23 марта 1961 года из сурдобарокамеры вышел улыбающийся кандидат в космонавты Валентин Бондаренко. Эксперимент по нахождению в изоляции сроком в десять суток был проведен успешно. Крохотная тесная комнатка с двумя иллюминаторами, пилотское кресло, пульт, кушетка, стол, умывальник и санузел – вот и вся спартанская обстановка. Из еды – только консервы и сухой паек. И в этих условиях будущий космонавт должен был не только просто «отсиживать срок», но и выполнять различные задания врачей-экспериментаторов.

Перед выходом самый молодой из Отряда космонавтов, а было Валентину всего 24 года, снял нательные датчики и обтер торс ваткой, смоченной спиртом. Ватка отправилась в мусорный контейнер.

Тяжело провернулся массивный штурвал герметичной двери, послышалось слабое шипение воздуха. В сурдобарокамере поддерживалось более низкое давление, чем снаружи, а дышать испытуемому нужно было чистым кислородом.

В легком спортивном костюме молодой кандидат в космонавты «вышел на свободу», прищурившись от яркого света, бившего в окна лаборатории космической медицины. Его встречал Гагарин.

- Здравия желаю! - Бондаренко пожал Юрию руку.

- Как себя чувствуешь, Валентин?

- Прекрасно! Больше всего на свете хочу домашнего борща. Приду домой, моя Анечка, наверное, уже его сварила. А то продержали меня на сухпайке, понимаешь...

- Так, Валя, не выводите меня из себя! А то из сурдобарокамеры отправишься у меня на «гауптическую

Он погиб до полета Гагарина...

вахту» - еще на пятнадцать суток! Там как раз жиденюкую баланду похлебаешь. - Гагарину не зря дали прозвище «Службист». - Я тебе эту электроплитку по гроб жизни не забуду.

...И вот Валентин Бондаренко, здоровый и улыбающийся, стоял перед Юрием и тряс его руку. И никто в целом мире не подозревал, что чувствовал сейчас старший лейтенант Гагарин. Ведь это он перед началом эксперимента в сурдобарокамере отобрал у Валентина ту злосчастную электроплитку, да еще и устроил разнос лаборантам экспериментального комплекса за злостное нарушение правил пожарной безопасности при проведении эксперимента. «На орбите некогда будет борщи варить!» - категорично заявил Гагарин. И пообещал даже подать рапорт Каманину по факту нарушения. Молодые девчонки из лаборатории тогда очень на него обиделись.

Но зато теперь молодая жена Анечка обнимет своего Валентина, а сын Саша сможет гордиться живым отцом, а не памятью о нем».

Обратился к теме спасения Валентина Бондаренко и автор этой книги. В романе «Давай полетим к звездам!» есть такие строки, взятые из дневника генерала Маканина (аналог реально существовавшего генерала Николая Каманина):

«22 марта 1961 года.

Вчера поздно вечером, где-то уже было половина одиннадцатого, я закончил записи в дневнике и собирался ложиться спать, когда телефон вдруг разразился пронзительной трелью. Я снял трубку.

- Добрый вечер, Николай Петрович, - голос на том конце провода звучал чуть приглушенно. - Моя фамилия Волянецкий, зовут Чеслав Сэмюэль. У меня для вас важная информация.

- Э... - я несколько опешил, не зная, что ответить. Наконец, спросил:

- Вы иностранец?

Он погиб до полета Гагарина...

- В известном смысле, да, - в голосе моего собеседника мне послышался смехок. – Но, поверьте, это сейчас не важно. Важно другое: одному из слушателей отряда космонавтов угрожает серьезная опасность...

- Это провокация, - я резким тоном оборвал говорившего. – Откуда вы узнали номер моего домашнего телефона?

- Николай Петрович, номер вашего допуска к секретным работам по ракетно-космической тематике 112565, - проигнорировав мой вопрос, Волянецкий – так, кажется, он мне назвался? – чуть повысил голос.

У меня перехватило дыхание. Номер моего допуска был известен только мне и специально уполномоченному для работы с секретными документами офицеру из режимного отдела Центра подготовки космонавтов.

- Я знаю о вас даже больше, чем вы себе можете представить, Николай Петрович, - голос звонившего звучал мягко, вкрадчиво и ему почему-то действительно хотелось верить. - Но повторяю – все это сейчас не важно. В сурдобарокамере находится на десятисуточной тренировке старший лейтенант Валентин Бондаренков. Завтра его обязательно нужно выпустить из камеры. И вообще распорядитесь проверить все системы сурдобарокамеры на пожароопасность.

Я уже было совсем собрался прервать говорившего в довольно категорической форме, но он, не простившись, сам повесил трубку.

Утром я уведомил о звонке нашего куратора из Комитета государственной безопасности. Он меня внимательно выслушал и пожал плечами:

- На заметку этот звонок я, конечно, возьму. Но, скорее всего, это чья-то глупая шутка. Может быть, даже кого-то из космонавтов-слушателей. Хотя...

На секунду он задумался:

- Знаете что, Николай Петрович... А почему бы вам действительно не выпустить из сурдобарокамеры

Он погиб до полета Гагарина...

Валентина Бондаренкова на сутки раньше? Чем черт не шутит...

Вечером я распорядился досрочно прекратить тренировку старшего лейтенанта Валентина Бондаренкова. Действительно, мало ли что...

23 марта 1961 года.

Сегодня во время проведения профилактических работ в сурдобарокамере, в которой еще вчера находился старший лейтенант Бондаренков, вспыхнул сильный пожар. Два техника, выполнявшие работы, едва смогли спастись от огня. Помещение сурдобарокамеры полностью выгорело изнутри. Если бы Валентин Бондаренков находился в нем и сегодня, то с учетом большого содержания кислорода в сурдобарокамере во время тренировок слушателей-космонавтов, мы бы имели тяжелейшее происшествие в ходе испытаний, и вполне возможно, что со смертельным исходом. Получается, что некий Волянецкий своим вечерним звонком нас действительно предупредил, фактически предсказав аварию.

Мистика какая-то...»

А если бы Валентин Бондаренко и вправду остался жив? Не погиб в тот роковой день в марте 1961 года?

Мы наверняка увидели бы его имя среди тех, кто первым проложил дорогу к звездам.

3 апреля 1961 года выпускные экзамены по общекосмической подготовке сдавали одиннадцать кандидатов в космонавты из первого набора. Все сдали их успешно. Но так как тренировки успели закончить еще не все из них, то 4 апреля 1961 года в космонавты были переведены только восемь слушателей: Иван Аникеев, Павел Беляев, Борис Вольнов, Виктор Горбатко, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Евгений Хрунов, Георгий Шонин. Двенадцатым в общем списке и девятым в списке действительных космонавтов вполне мог стать Валентин Бондаренко.

Он погиб до полета Гагарина...

После завершения курса тренировок и парашютных прыжков 16 декабря 1961 года на должности космонавтов были переведены оставшиеся трое: Дмитрий Заикин, Марс Рафиков и Валентин Филатьев. Если бы Валентин по какой-либо причине все-таки не попал в первую группу зачисленных в космонавты, то во второй группе он был бы уже обязательно.

В сентябре 1961 года вместе со всеми другими кандидатами в космонавты Валентин Бондаренко стал бы слушателем военно-инженерной академии имени Жуковского.

Как известно, из двадцати отобранных в 1960 году кандидатов в космонавты в космос удалось полететь только двенадцати. По медицинским соображениям в разные годы были отчислены Анатолий Карташов (кровоизлияния на спине при проведении тренировок на перегрузки), Валентин Варламов (травма шейных позвонков), Дмитрий Заикин (язвенная болезнь желудка). По дисциплинарным соображениям из отряда космонавтов были отчислены Марс Рафиков, Иван Аникеев, Григорий Нелюбов, Валентин Филатьев.

Валентин Бондаренко был достаточно дисциплинированным человеком, а на здоровье не жаловался. Будем полагать, что ему улыбнулась удача полететь в космос.

В каком космическом полете он, скорее всего, участвовал бы?

Если бы не отменили полет «Востока-3» осенью 1961 года (одиночный полет космического корабля на трое суток), то в космос стартовал бы второй дублер Юрия Гагарина Георгий Нелюбов.

Летом 1962 года дружбу народов СССР всему миру должны были с космической орбиты продемонстрировать в групповом полете двух космических кораблей чуваш Андриян Николаев и украинец Павел Попович.

Он погиб до полета Гагарина...

В июне 1963 года в космос стартовал последний из космонавтов первой «шестерки» - Валерий Быковский. Он выполнил совместный полет с первой женщиной-космонавтом Валентиной Терешковой.

В полет на многоместном корабле «Восход» в 1964 году изначально планировались военный летчик-инженер, ученый и врач. Ими стали Владимир Комаров, Константин Феоктистов и Борис Егоров.

Видимо, вплоть до 1965 года самый молодой космонавт из первого отряда не мог реально рассчитывать на участие в космических полетах. А вот потом...

Валентин Бондаренко вполне мог стать дублером Алексея Леонова во время полета корабля «Восход-2» и выхода космонавта в открытый космос.

И уж совершенно точно, что он стал бы готовиться к полетам по программе космических кораблей «Союз». На первых кораблях, видимо, прогнозируемо полетели бы испытатели Владимир Комаров и Георгий Береговой. Ну, а потом, как говорится, возможны варианты. Валентин Бондаренко мог бы дублировать Евгения Хрунова в составе экипажа «Союза-5». И уж практически совершенно точно отправился бы в космический полет в октябре 1969 года – в составе одного из экипажей шестого, седьмого или восьмого «Союзов».

А потом... Здоровьем Валентина Бондаренко Бог не обидел. Останавливаться на полпути и сходить с дистанции было не в его правилах. А это значит, что он вполне мог участвовать и в следующих космических полетах. Стать командиром экипажа одной из первых орбитальных станций «Салют» или «Алмаз». Возглавить один из международных экипажей по программе «Интеркосмос» в конце 1970-х – начале 1980-х годов. А в год запуска орбитального комплекса «Мир» - в 1986 году – ему было бы всего сорок девять. Георгий Гречко летал в космос в 54 года, американец Джон Гленн – в 77 лет...

...Когда стараниями Ярослава Голованова имя Валентина Бондаренко уже перестало быть

Он погиб до полета Гагарина...

«государственным секретом», его звездные друзья нередко приезжали в Харьков почтить память погибшего товарища. Они даже сделали традицией высаживать во время своих визитов на территории Харьковского завода электроаппаратуры памятные сосны. Там и сегодня растет настоящая аллея, хотя само предприятие уже перестало работать...

В День космонавтики, 12 апреля, официальные лица Харьковщины обязательно приходят с цветами к могиле своего земляка Валентина Бондаренко.

В 2012 году исполнилось семьдесят пять лет со дня рождения Валентина Васильевича Бондаренко, а в 2011-м – пятьдесят лет со дня его гибели. В эти дни на харьковском городском кладбище на Филипповке состоялось торжественное возложение цветов на могилу кандидата в космонавты первого «гагаринского набора». В памятном мероприятии приняли участие представители администрации Октябрьского района Харькова, учителя и ученики Харьковской специализированной школы №93, друзья и одноклассники Валентина Бондаренко.

«Трагическая гибель Валентина Бондаренко стала огромной утратой для космонавтики, - сказала в своем выступлении тогдашняя заместитель Харьковского городского головы по вопросам здравоохранения и социальной защиты населения Светлана Горбунова-Рубан. - Но то, что этот человек был харьковчанином, символично, потому что Харьков по праву можно назвать одной из столиц космонавтики. ...День космонавтики – праздник знаковый как для Харькова, так и для всего мира. Те сильные впечатления, которые испытывали люди после полета Юрия Гагарина в космос, не сравнить ни с чем, Харьков и космос – это два неразрывных понятия, потому что многие космические проекты были реализованы именно в этом городе: это разработки наших научно-исследовательских институтов, наших ученых и, конечно же, это наш космонавт Валентин Бондаренко» (9.1).

Он погиб до полета Гагарина...

Конечно, и Луганск может гордиться Валентином Бондаренко – ведь свой путь к космической мечте он начал именно в Луганском высшем военном авиационном училище штурманов.

Он погиб до полета Гагарина...

Человек на Луне

...Может быть, пройдет не так уж много лет и на склонах кратера имени Валентина Бондаренко на Луне сядет космический корабль. Один за другим ступят на лунную поверхность трое космонавтов в снежно-белых скафандрах. Развернут над лунными просторами флаг объединенного человечества. Командир корабля достанет из кармана на груди скафандра прямоугольную фотографию в запаянной прозрачной рамке, опустившись на одно колено, бережно положит ее на желто-серую россыпь лунного грунта у основания древка флага. И взметнутся в почетном салюте поднятые к шлемам скафандров руки в герметичных перчатках.

А с фотографии взглянет на Землю, Солнце и далекие звезды молодой пилот – почти еще совсем мальчишка! – с ясным и немного озорным взглядом.

Так когда-нибудь обязательно будет!

Литература

Глава 1. Герой и лжегерои

(1.1) - <http://gorod-lugansk.com/2017/04/12/12-aprelya-den-kosmonavtiki.html>, <http://lugansk.site/yeto-interesno-5-lyudey-svyazavshikh-lugans/>

Глава 2. Его путь к Мечте

(2.1) – Юрий Никитин, «Мне – 65»

Глава 3. Как отбирают в космонавты

(3.1) - интервью Владимира Губарева с Германом Титовым, «Наука и жизнь», 2000 год, №6

(3.2)

http://www.astronaut.ru/as_rusia/vvs/text/sel01.htm?reload_coolmenu

(3.3) – Е.В.Хрунов, «Покорение невесомости», Москва, «Воениздат», 1976.

(3.4) – Георгий Шонин, «Самые первые», М.: Молодая гвардия, 1976.

(3.5) - В.Полетаева, журнал «Новости космонавтики», № 4, 2001.

Глава 4. Отряд космонавтов

(4.1) - <http://www.aif.ru/archive/1640169>

(4.2) – Е.В.Хрунов, «Покорение невесомости», Москва, «Воениздат», 1976.

(4.3) – Марс Рафиков, «Парни из отряда «Икс»:

(4.4) – В.В.Аксенов, Дорогами испытаний

(4.5) - <http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/akiem/4-nezab.html>

(4.6) – В.И.Лебедев, «Личность в экстремальных условиях.

Он погиб до полета Гагарина...

(4.7) – Ю.А.Гагарин, В.И.Лебедев, «Психология и космос», М., «Молодая гвардия, 1968.

(4.8) - А.П.Романов «Королев»:

(4.9) – В.Е.Молчанов, «О тех, кто не вышел на орбиты»

Глава 5. На пороге космоса

(5.1) - <http://fakty.ua/70803-quot-posle-poleta-yury-gagarina-iz-za-nashestviya-zhurnalistov-ego-zhena-nemogla-pokormit-grudyu-rebenka-i-my-propustili-v-kvartiru-tolko-mamu-kosmonavta-i-korrespondenta-quot-krasnoj-zvezdy-quot-igorya-chkalova-quot>

(5.2) – Георгий Шонин, «Самые первые», М.: Молодая гвардия, 1976.

(5.3) – В.С.Лесников, «Космические игры»,

Глава 6. Трагедия в «Мавритании»

(6.1) - Александр Железняков, «Секретный космос. Были ли предшественники у Гагарина?»

(6.2) – Н.С.Ларьков, «Харьков космический», Харьков, ВК «ВФ «Консум», 2006.

(6.3) – Виктор Комаров, «По ту сторону тайны», <http://www.bibliotekar.ru/storona/6.htm>

(6.4) - <http://www.epizodsspace.narod.ru/bibl/spacemed/17.htm> -

(6.5) - http://www.xliby.ru/istorija/108_minut_izmenivshie_mir/p6.ph#metkadoc2 -

(6.6) - <https://rg.ru/2004/03/17/kosmos.html>

(6.7) – В.Е.Молчанов, «О тех, кто не вышел на орбиты»

(6.8) – В. Фишелев Воспоминания. Размышления. Дела далекие и близкие // Космический альманах. 2001. № 5.

(6.9) – Ярослав Голованов, «Космонавт № 1»

Он погиб до полета Гагарина...

Глава 7. А был ли человек?

(7.1) – Н.П.Каманин, **Скрытый космос**, том 3

(7.2) – Юрий Караш, **Тайны лунной гонки**

(7.3) - Александр Алексимов, **«4 октября 1957 года.**

Спутник и США»

(7.4) - Владимир Касьянов, **«Скрытый космос»**

(7.5) – М.Ф.Ребров, **«Космические катастрофы.**

Странички из секретного досье»

(7.6) - Литвиновы Анна и Сергей, **Сердце Бога**

(7.7)

<http://kharkov.dozor.ua/news/obwestvo/1065094.html>

(7.8) – В.С.Лесников, **«Космические игры».**

(7.9) - <http://telegrafua.com/country/12974/>

(7.10) – Н.П.Каманин, **Скрытый космос**, том 1

(7.11) – Б.Е.Черток , **«Ракеты и люди»**

(7.12) – А.Железняков, **«Секретный космос. Были ли предшественники у Гагарина?»**

(7.13) – В.Ю.Голяховский, **«Путь хирурга. Полвека в СССР»**

Глава 8. Вопросы и ответы

(8.1) - Джемс Доран и Пирс Бизони, **«Гагарин. Человек и легенда»**

(8.2) - <http://www.ug.ru/archive/3643> и <https://svpressa.ru/society/article/41342/>

(8.3) – Б.Есин, **«Путь в космос тернист и опасен. К сорокалетию гибели В.Бондаренко», «Новости космонавтики», №5 (220), 2001 год, стр. 66**

(8.4) – Н.С.Ларьков, **«Харьков космический», Харьков, ВК «ВФ «Консум», 2006.**

(8.5) – Мария Василь, газета **«Факты» (Киев), 12 апреля 2001 года**

(8.6) - <https://www.youtube.com/watch?v=TAGPXJcs1kY>

(8.7) - https://www.youtube.com/watch?v=qWDElqk_zUE

Он погиб до полета Гагарина...

(8.8) – Георгий Бес, «Я - Гагарин»

(8.9) – Юрий Караш, Тайны лунной гонки

(8.10) - Н.П.Каманин, Скрытый космос, том 1

(8.11) - В. Фишелев Воспоминания. Размышления.

Дела далекие и близкие // Космический альманах. 2001.
№ 5.

(8.12) – Ярослав Голованов, «Космонавт № 1»

(8.13) – В.Ю.Голяховский, «Путь хирурга. Полвека в СССР»

(8.14) - Бабийчук А. Н. Человек, небо, космос. - М.;
Воениздат, 1979. - 271 с. (Военные мемуары).

(8.15)

<http://www.epizodsspace.narod.ru/bibl/spacemed/08.htm>

(8.16) – сборник «Космос – моя работа», Москва,
«Профиздат», 1989.

(8.17)

<http://www.astronaut.ru/bookcase/books/spacemed/text/02.htm>

(8.18) - http://wiki.soiro.ru/Карелыч_и_Барсук

(8.19) – В.И.Лебедев, «Личность в экстремальных условиях»

(8.20)

<http://www.astronaut.ru/bookcase/books/spacemed/text/17.htm>

(8.21) - <http://www.pereplet.ru/text/shah/shah.html> и
<http://www.sport-express.ru/chess/reviews/831750/>

(8.22) - <https://unotices.com/book.php?id=142372&page=29>

(8.23)

<http://www.astronaut.ru/bookcase/books/spacemed/text/02.htm>,

И.Б.Ушаков, В.С.Бедненко, Г.П.Ступаков,
В.А.Пономаренко, Э.В.Лапаев, Ю.В.Крылов, «Основные
этапы развития отечественной космической медицины»,
И.Б.Ушаков, В.С.Бедненко, Г.П.Ступаков,
В.А.Пономаренко, Э.В.Лапаев, Ю.В.Крылов

Он погиб до полета Гагарина...

Глава 9. Вечный полет

(9.1) - Петр Маслюженко, «Одна Родина»,
telegrafua.com

Содержание

7	Корабль над Луной
8	<i>Глава 1.</i> Герой и лжегерои
24	<i>Глава 2.</i> Его путь к Мечте
34	<i>Глава 3.</i> Как отбирают в космонавты
54	<i>Глава 4.</i> Отряд космонавтов
82	<i>Глава 5.</i> На пороге космоса
100	<i>Глава 6.</i> Трагедия в «Мавритании»
133	<i>Глава 7.</i> А был ли человек?
177	<i>Глава 8.</i> Вопросы и ответы
252	<i>Глава 9.</i> Вечный полет
264	Человек на Луне
265	Литература

Литературно-художественное издание

Серия «Звездные сыновья Луганщины»

Он погиб до полета Гагарина...

Автор Сергей Чебаненко

Редактор Стрельников В.А.

Художник-оформитель Чекмаев К.Г.

Компьютерная обработка фотографий и верстка текста Л.А.Девятова

Літературно-художнє видання

Серія «Зоряні сини Луганщини»

Він загинув до польоту Гагаріна...

Автор Сергій Чебаненко

Редактор Стрельников В.О.

Художник-оформлювач Чекмаєв К.Г.

Комп'ютерна обробка фотографій і верстка тексту Л.А.Дєвятаєва

Валентин Васильович Бондаренко був відібраний для підготовки до космічного польоту в складі першого загону радянських космонавтів. Він міг стати одним з перших пілотів «Востоков», «Восходов» і «Союзів». Але трагічна випадковість завадила реалізуватися його мрії ...

Але чи «випадкова» ця випадковість? Чи не варто за «випадковістю» пошукати чийсь злу волю? Чи не є загибель кандидата в космонавти Бондаренко наслідком злочину?

На ці питання шукає відповіді автор книги «Він загинув до польоту Гагаріна ...»

Підписано до друку 02.02.2018

Формат 60х90 1/16. Умов.друк.арк 25

Загальний тираж 1500. Рекламно-інформаційний тираж 5.

Замовлення № 2018-003

Видавництво ФОП «С.А.М.»

Луганськ, вул. Дем'яніна, 31

E-mail: bookelight@gmail.com

Надруковано з готових позитивів

У ФОП «С.А.М.»

Луганськ, вул. Дем'яніна, 31

Серия книг

«Звездные сыновья Луганщины»:

- Валентин Бондаренко

(«Он погиб до полета Гагарина...»);

- Георгий Береговой

(«Летчик, испытатель, космонавт»);

- Георгий Шонин

(«Его позывной – «Антей»);

- Владимир Ляхов

(«Космические высоты Владимира

Ляхова»)

ISBN 978-966-8383-02-1

9 789663 313021